

ВИТАЙТЕ В КАРПАТОРУССКУ ЗКРАВНИЦУ
ОТКРЫТУ КРУГЛЫЙ ГОД

ДИАМЕНТ В ВИНОГРАДНИКУ

Памятник мученикам Талергофа в Лемко Парку в 1967 году по закончению його вышней части. Тепер и нижна част окончена. (Бракуе ище манифестацийных сходов на фронті музея, где буде платформа для для выступлений в концертах и фестивалях. (Фото Дона Гарберы).

ЛЕМКО РЕЗОРТ

Плануйте свои вакации в том 1969 году в прекрасной здравниці Лемко Парка, устройте свои народны и фамелийны торжества в ней. Посіщайте Лемко Парк при каждой нагоді, збавляйте свой час и поправляйте здоровля в товаристві своей родины, приятелей и краянов.

Не лем свіжий воздух и вода але и дух народный, котрый жие в Лемко Парку надаст вам сил, здоровля и счастливости.

За своими потребами пиште:

LEMKO RESORT, P. O. BOX 567, MONROE, N. Y.

або телефонуйте: (914) 783-1633.

Карпаторусский КАЛЕНАДРЬ

ЛЕМКО-СОЮЗА

На Год 1969

Год Издания 44-ый

ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ЛЕМКО-СОЮЗА
В ЮНКЕРС, Н. Й.

556 Yonkers Avenue

Yonkers, N. Y.

ЦІНА \$2.00

ГОЛОВНЕ ПРАВЛЕНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАНАДІ

На 24-ом головном съезде, отбывшомся 2-го, 3-го и 4-го сентября 1967 года, в Лемко-Парку, был избраный следующий Центральный Комитет Лемко-Союза на следующие 2 roky:

ГОЛОВНЕ ПРАВЛЕНИЕ ЛЕМКО-СОЮЗА

Теодор И. Горошак, Председатель, Фейрлаун, Н. Дж.
Иван К. Адамьяк, Мистопредс., Миддл Вилидж, Л. Ай. Н. И.
Теодор Докля, Ген. Секретарь, Юнкерс, Н. И.
Михаил М. Савчак, Рек. Секретарь, Юнкерс, Н. И.
Иван Порада, Кассир, Линдгирст, Н. Дж.

ЧЛЕНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Л. С.

Стефан Михайлович Кичура, Юнкерс, Н. И.
Теодор Рудавский, Линден, Н. Дж.
Осиф Дзямба, Кливланд, Огайо
Иван Чергоняк, Кливланд, Огайо
Елена Шкирпан, Стамфорд, Конн.
Осиф Ядловский, Линден, Н. Дж.
Осиф Мурынка, Юнкерс, Н. И.
Семан Федорко, Бриджпорт, Конн.
Петро Корба, Юнкерс, Н. И.

ЗАСТУПНИКИ Ц. К. ЛЕМКО-СОЮЗА

Иван Драпп, Бриджпорт, Конн.
Панталिमон Криливский, Шельтон, Конн.
Кондрат Волчко, Джерси Сити, Н. Дж.

КОНТРОЛЬНА КОМИССИЯ Л. С.

Иван Тылявский, Монро, Н. И.
Даниил Журав, Юнкерс, Н. И.
Василь Завойский, Линден, Н. Дж.

Редакторы газеты "Карпатска Русь", Календаря и другой литературы Лемко-Союза:

Стефан Михайлович Кичура, Юнкерс, Н. И.
Михаил Михайлович Савчак, Юнкерс, Н. И.

Редактор английской газеты "Ди Карпато-Рушен Американ"
Теодор Иванович Горошак, Фейрлаун, Н. Дж.

ЯНВАРЬ — 1969 — JANUARY

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 В Новый Год. Обр. Госп. Василия

14 Январь 1969 Феликса

2 С Сильвестра П. Р.

15 Мавра

3 Ч Прор. Милахии

16 Маркилла

4 П Собор 70 Апост.

17 Антония

5 С Навечерие Богоявления

18 Генриха

6 Н Богоявление

19 Канута

7 П Собор Иоанна Кр.

20 Фабияна

8 В Георгия

21 Агнеты

9 С Полиевкта

22 Св. Родины

10 Ч Григория Нис.

23 Обр. Преч. Д. Марии

11 П Теодосия Вел.

24 Тимофея

12 С Татиянны

25 Обращение Павла

13 Н 1 По Богоявл.

26 3 по Епиф. Поликарпа

14 П Нины, Саввы

27 Иоанна Златоуста

15 В Павла Преп.

28 Вакерия

16 С Петра Ап.

29 Франца

17 Ч Антония Вел.

31 Петра

18 П Афанасия

30 Мартина

19 С Макария Егип.

1 Февраль: Изгнания

20 Н О мытарі и фарисен

2 Марии Громи.

21 П Максима испов.

3 Блажея

22 В Тимофея ап.

4 Вероники

23 С Климента свмуч.

5 Агаты

24 Ч Ксении римл.

6 Дороги

25 П Григория Богосл.

7 Ромуальда

26 С Ксенофонта

8 Иоанна

27 Н О Блуд. сыні

9 Старозапустна

28 П Ефрема Сир.

10 Схоластики

29 В Игнатия свмч.

11 Луциана

30 С Трех святит.

12 Гавдентия

31 Ч Кира и Иоанн

13 Катерины

КАРПАТОРУССКИ НАРОДНЫ ПРАЗДНИКИ

3-го августа — День Талергофа.

31-го августа — Карпаторусский
День.18 мая 10-рочный юбилей Лемко Ре-
зорта.27 го сентября — Кермеш Лемко
Парка.

1-го июня — Лемковскы Русаля.

5, 6 и 7-го декабря — День проголо-
шения Лемковской Народной Респуб-
лы. (51 годовщина).6-го июля — День Лемковской Моло-
дежи.

ФЕВРАЛЬ — 1969 — FEBRUARY

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

- 1 П Трифона муч.
2 С Стрієние Господне

3 Н Мясопустна

- 4 П Изидора преп.
5 В Агафии муч.
6 С Вукола преп.
7 Ч Парфения преп.
8 П Феодора страт.
9 С Свв. Подвижников

10 Н Сыропустна

- 11 П Василия свмуч.
12 В Мелетия святит.
13 С Маринияна преп.
14 Ч Кирилла равноап.
15 П Онисима апост.
16 С Памфила муч.

17 Н Православия

- 18 П Льва святит.
19 В Архипа апост.
20 С Льва катан.
21 Ч Тимофея преп.
22 П Муч. во Евгении
23 С Поликарпа свмуч.

24 Н 2 Поста.

- 25 П Тарасия святит.
26 В Порфирия
27 С Прокопия исп.
28 Ч Василия преп. исп.

14 ФЕВРАЛЬ: Валентина

15 Фаустина

16 Юлианны

- 17 Констанция
18 Флавиана
19 Леона Попелец
20 Леона, Фортуната
21 Петра Катин.
22 Д. В.

23 1 Поста

- 24 Мафея
25 Анастасия
26 Виктора
27 Александра
28 Романа, Леонарда
1 МАРТ: Альбина

2 Запустна Симилиции

- 3 Кункунды
4 Казимира
5 Фридриха
6 Колеты
7 Тома из Акв.
8 Йоанна

9 Вступна. Францишка

- 10 40 Мучеников
11 Константина
12 Григория
13 Катерины

МАРТ — 1969 — MARCH

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1. П Евдокии првмуч.
2 С Феодоти свмуч.

3 Н Крестопоклонна

- 4 П Герасима преп.
5 В Конона муч.
6 С 42 муч. в Амории
7 Ч Василия свмуч.
8 П Феофилакта
9 С 40 муч. Севаст.

10 Н Среднопостна

- 11 П Софрония
12 В Феодана исп.
13 С Пренесение мощ Никифора
14 Ч Венедикта преп.
15 П Агапия муч.
16 С Савина муч.

17 Н 5-та Велик. поста

- 18 П Кирила Ерусал.
19 В Хрисафана муч.
20 С Саввы прмуч.
21 Ч Иякова исп. преп.
22 П Василия свмуч.
23 С Лазарева

24 Н Цвітна

- 25 П Благовіщення
26 В Собор арх. Гавриила
27 С Матроны солунс.
28 Ч Великий Четверг
29 П Велика пятница
30 С Велика суббота

31 Н Воскресение Христово - Велидень

14 Льва

15 Климентия

16 2. Суха: Илария

- 17 Гертруды
18 Едуарда
19 Йосифа Обруч.
20 Клавдии
21 Венедикта
22 Октавияна

23 3 Глуха: Виктора

- 24 Арх. Гавриила
25 Благов. Пресв Богородицы
26 Феклы, Емануила
27 Йоанна
28 Сикста
29 Кирилла

30 Цвітна Н.

- 31 Бальбины
1 АПРІЛЬ: Гутона
2 Францишка
3 Ришарда
4 Великий пяток
5 Викентия

6 Воскресение Христово

- 7 Світлий Понеділок
8 Дионисия
9 Марии
10 Езекиила
12 Юлия
11 Льва папы римс.

13 Феофила

ЗАПИСКИ:

на ріство биво трошка инігу.

А от ріство медиво инігу ам 8 го. среб-
руара досудомі на Неділо сенав инігу
и куриво цілий день неділо и сеноме-
ділок 20 иней сенав инігу и страме-
ні вітор дув. а віторок сохне сві-
мива

Віторок ЗАПИСКИ 18. биво темво 74°

АПРІЛЬ — 1969 — APRIL

РУССКІ СВЯТА

ЛАТИНСКІ СВЯТА

1 П. Світлий понеділок.
2 В. Світлий вторник
3 С. Никиты исп.
4 Ч. Иосифа пісноп.
5 П. Агафопода муч.
6 С. Евтихия патр.

7 Н. Фомина

8 П. Иродиона ап.
9 В. Еписихия
10 С. Терентия муч.
11 Ч. Антипы свмуч.
12 П. Василия исп.
13 С. Артемона свмуч.

14 Н. Мироносиц

15 П. Аристарха
16 В. Агапии, Ирины мучц.
17 С. Симеона преп.
18 Ч. Иоанна преп. дек.
19 П. Иоанна преп. ветхоп.
20 С. Теодора трихины

21 Н. О. разслабленных

22 П. Теодора сикеота
23 В. Юрия (Георгия поб.)
24 С. Саввы страт.
25 Ч. Марка еванг.
26 П. Василия свщмуч.
27 С. Симеона ап. муч.

28 Н. О. самарянині

29 П. 12 муч. Кизических
30 В. Якова ап. заяв.

14 Валерияна
15 Анастасии
16 Ламберта
17 Аникиты
18 Елисаветы
19 Тимона

20 3 по Воскрес.

21 Епфания
22 Сорета и Кая
23 Войтеха
24 Юрия
25 Марка еванг.
26 Клетя Маркила

27 Біла: Феофила

28 Павла Виталия
29 Петра
30 Екатерины
1 МАИ: Филиппа
2 Зыгмунта
3 Обрт. Чест. Креста

4 4 Флориана

5 Пия папы римск.
6 Иоанна
7 Домицеллы
8 Станислава
9 Григория
10 Изидора

11 5: Адольфа

12 Панкратия
13 Серватия

ЗАПИСКИ

МАЙ — 1969 — MAY

РУССКІ СВЯТА

ЛАТИНСКІ СВЯТА

1 С. Иремин прор.
2 Ч. Афтанасия вел.
3 П. Тимофея муч.
4 С. Пелагии првмуч.

5 Н. О. сліпом

6 П. Иова многостр.
7 В. Знамение Чест. Креста.
8 С. Иоанна Богослова
9 Ч. Вознесение Христово
10 П. Симеона Зил. ап.
11 С. Методия и Кирила

12 Н. Свв. Отец

13 П. Гликерии муч.
14 В. Исидора муч.
15 С. Пахомия вел.
16 Ч. Теодора просв.
17 П. Андроника ап.
18 С. Феодта муч.

19 Н. Сошест. св. Духа. Русалия

20 П. День Духов
21 В. Константина и Елены
22 С. Василиска муч.
23 Ч. Михаила исп. преп.
24 П. Симеона столпника
25 С. Обр. главы Иоанна крестит.

26 Н. Всіх святых

27 П. Ферапонта свмуч.
28 В. Никиты преп.
29 С. Феодосии првмуч.
30 Ч. Исаакия преп.
31 П. Яремы ап.

14 МАИ: Бонифатия
15 Вознесение Господне
16 Иоанна
17 Пасхалиса

18 Феликса

19 Петра
20 Бернарда
21 Елены
22 Юлии
23 Дезидерия
24 Иоанны

25 Сош. Св. Духа

26 Филиппа
27 Иоанна
28 Вильгельма
29 Софии
30 Феликса
31 Анелии

1 ИЮНЬ: Св. Тройцы

2 Ерасма
3 Клотильды
4 Квирина
5 Евхаристия
6 Норберта
7 Роберта

8 Павлины

9 Зофоны
10 Маргариты
11 Варнавы
12 Иоанна
13 Антония

29 ЗАПИСКИ: найшло мене загаснели
во четвер. было 20. 70°

ИЮНЬ — 1969 — JUNE

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 С Юстина муч.

2 Н Никифора исп.

3 П Лукилияна муч.

4 В Митрофана

5 С Дорофея свмуч.

6 Ч Виссариона преп.

7 П Феодота муч.

8 С Феодора вмуч. стр.

9 Н Кирила Алек.

10 П Тимофея свмуч.

11 В Варфоломея ап.

12 С Онуфрия вел.

13 Ч Акилины муч.

14 П Илии прор.

15 С Амоса прор.

16 Н Тихона чудотв.

17 П Мануила муч.

18 В Леонтия муч.

19 С Иофды, брата Госп.

20 Ч Меодия свмуч.

21 П Иулияна (День Незав. США)

22 С Евсевия свмуч.

23 Н Агрипины мученицы

24 П Рожд. Иоанна Крестителя

25 В Февронии првмуч.

26 С Давида солун.

27 Ч Сампсона преп.

28 П Кира и Иоанна

29 С Петра и Павла ап.

30 Н Собор 12 апостолов

14 ИЮНЬ: Василия

15 1. по Сош. Св. Духа

16 Франца

17 Адольфа

18 Марка, Маркилла

19 Юлиана

20 Сильверия

21 Алойсия

22 2. Павлина

23 Зонона

24 Иоанна Кр.

25 Вильгельма

26 Иоанна Павла

27 Владыслава

28 Льва папы римск.

29 3. Петра и Павла

30 Емили Лукии

1 ИЮЛЬ: Теобальда

2 Пос. Пр. Д. Нарии

3 Плиодора Анатолия

4 Иосифа Кал.

5 Филомена

6 4. Исаяи

7 Пульхерин

8 Елисаветы

9 Кирилла

10 Иоанна дукл.

11 Пелагии

12 Генриха

13 5. Маргареты

ИЮЛЬ — 1969 — JULY

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 П Космы и Дамьяна муч.

2 В Положенне ризы П. Б.

3 С Иякинфа муч.

4 Ч Андрея Критского

5 П Афанасия Афонс.

6 С Сисоя вел.

7 Н Фомы малей преп.

8 П Прокопия влмуч.

9 В Панкратия свмуч.

10 С 45 муч. в Никоп.

11 Ч Евфимии влмуч.

12 П Прокла и Илария муч.

13 С Собор Арх. Гавриила

14 Н Святых Отец

15 П Владимира Вел.

16 В Афиногена свмуч.

17 С Марины влмуч.

18 Ч Емилиана муч.

19 П Макрины преп.

20 С Илии пророка

21 Н Симеона прет. День Талергофа

22 П Марии Магдалины

23 В Трофима муч.

24 С Христины влмуч.

25 Ч Успение Анны

26 П Ермолая свмуч.

27 С Пантелемона влмуч.

28 Н Прохора апост.

29 П Калинника муч.

30 В Силы и Силуана апп.

31 С Евдокима прав.

14 ИЮЛЬ: Боневантуры

15 Розсыл. апостолов

16 Мат. Бож. скоп.

17 Алексия

18 Симеона, Фридриха

19 Викентия пад.

20 6. Илии прор.

21 Праскеды

22 Марии Магдалины

23 Аполинария

24 Христины

25 Якова ап.

26 Анны, Ераста

27 7. Наталии

28 Иннокентия

29 Марфы

30 Авдона, Юлиты

31 Игнатия, Лайолы

1 АВГУСТ: Петра

2 Мат. Бож. Ант.

3 8. Обр. м. св. Стефана

4 Доминика

5 Пр. Д. М. Сніжной

6 Преображение Госп.

7 Каетана

8 Кириака

9 Романа

10 9. Лавренция

11 Сузанны

12 Клары

13 Ипполита

ЗАПИСКИ:

ЗАПИСКИ:

АВГУСТ — 1969 — AUGUST

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

- 1 Ч Происх. Чест. Креста
2 П Перенесение мощ. Стефана влм.
3 С Исаакия преп.

4 Н 7 Отроков Ефис.

- 5 П Евсигния муч.
6 В Преображение Госп. Спаса
7 С Дометия првмуч.
8 Ч Емилияна исп.
9 П Матфия ап.
10 С Лаврентия муч.

11 Н Езла муч.

- 12 П Фотия муч.
13 В Максима преп. исп.
14 С Михея прор.
15 Ч Усп. Пресв. Богородицы
16 П Неруктворный образ И. Х.
17 С Мирона муч.

18 Н Флора и Лавра муч.

- 19 П Андрея страд.
20 В Самуила прор.
21 С Фаддея ап.
22 Ч Агафоника муч.
23 П Луппа муч.
24 С Евтиха свмуч.

25 Н Варфолоея ап.

- 26 П Адрияна, Наталии мучч.
27 В Пимена вел.
28 С Мойсея мурина преп.
29 Ч Усіковеніе гл. Йоанна Кр.
30 П Александра святит.
31 С Положение ризы Б. М.

- 14 АВГУСТ: Евсевия
15 Усп. Пресв. Богородицы
16 Роха, Иоакимма

17 10. Либерта

- 18 Елены
19 Бенигны
20 Стефана, Бернарда
21 Йоанны
22 Филиберта
23 Филиппа

24 11. Варфолоея

- 25 Людвика
26 Хеферина
27 Иосифа
28 Августина
29 Усікн. гл. Йоанна Кр.
30 Розы, Иоакима

31 12. Раймунда

- 1 СЕНТЯБРЬ: Егидия
2 Юста
3 Брониславы
5 Лаврентия
4 Розалии
6 Захарии

7 13. Регины

- 8 Рожд. Преосв. Богород.
9 Горгония
10 Николая
11 Прота
12 Гвидона
13 Поликсены

ЗАПИСКИ:

СЕНТЯБРЬ — 1969 — SEPTEMBER

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н Симеона столпника преп.

- 2 П Маманта муч.
3 В Анфима свмуч.
4 С Вавилы свмуч.
5 Ч Захария и Елиса прор.
6 П Чудо архистр. Михаила
7 С Созонта муч.

8 Н Рожд. Пресв. Богородицы

- 9 П Иоакимма и Иоанны
10 В Минодоры муч.
11 С Феодоры преп.
12 Ч Автонома свмуч.
13 П Корнелия свмуч. сот.
14 С Воздвижение Чест. Креста

15 Н Никиты влмуч.

- 16 П Евфимии влмуч.
17 В Софии и 3 дочерей
18 С Евменія преп.
19 Ч Трофима муч.
20 П Евстафия влмуч.
21 С Кондрата апост.

22 Н Фоки, пр. Ионы

- 23 П Зач. Иоанна Крестителя
24 В Текли првмуч.
25 С Евфросинии преп.
26 Ч Преставл. Иоанна ап.
27 П Каллистрата муч.
28 С Харитона преп. исп.

29 Н Кирияка преп.

- 30 П Григория свмуч.

14 14. СЕНТЯБРЬ: Возд. Ч. Креста

- 15 Никодима
16 Людмилы
17 Ламберта
18 Тома
19 Януария
20 Евстахия

21 15. Мафey

- 22 Маврикия
23 Феклы
24 Герарда
25 Клеопы
26 Кирпана
27 Космы

28 16. Вячеслава

- 29 Михаила Аристр.
30 Гиеронима
1 ОКТЯБРЬ: Ромигия
2 Леодигара
3 Кадида
4 Францишка

5 17. Плакида

- 6 Брунона
7 Юстины
8 Бригиды
9 Викентия
10 Франтишка
11 Германа

12 18. Максимилиана

- 13 Едуарда

ЗАПИСКИ

ОКТАБРЬ — 1969 — OCTOBER

РУССКИ СВЯТА

- 1 В Покровы Пресв. Богородицы
2 С Киприяна свмуч.
3 Ч Дионисия свмуч.
4 П Иерофея свмч.
5 С Харитины муч.

6 Н Фтомы апост.

- 7 П Сергия и Бакха мучч.
8 В Пелагии преп.
9 С Иякова Алфеева ап.
10 Ч Евлампия муч.
11 П Филиппа апост.
12 С Прова муч.

13 Н Карпа муч.

- 14 П Назаря муч.
15 В Параскевии преп.
16 С Лонгина сот. муч.
17 Ч Осии прор.
18 П Лукы еванг.
19 С Иосифа прор.

20 Н Артемия велм.

- 21 П Илариона вел.
22 В Аверкия равноап.
23 С Ияковва брата Госп.
24 Ч Арефы муч.
25 П Маркияна муч.
26 С Димитрия влмуч.

27 Н Нестора муч. из сал.

- 28 П Терентия муч
29 В Анастасии првмуч.
30 С Зиновия свмуч.
31 Ч Стахия апост.

ЛАТИНСКИ СВЯТА

- 14 ОКТАБРЬ: Каликста
15 Ядвиги, Тересы
16 Гавла, Мартинияна
17 Лукии
18 Лукы еванг.

19 19. Петра

- 20 Фелициана
21 Урсулы
22 Кордулы
23 Иоанна Кр.
24 Рафаила
25 Кризанта

26 20. Евариста

- 27 Савины
28 Оимона
29 Наркиза
30 Клавдии
31 Вольфанга
1 НОЯБРЬ: Всих Святых

2 21. День задушный

- 3 Губерта
4 Кароля
5 Елисаветы
6 Леопольда
7 Геркулана
8 Здслава

9 22. Феодора

- 10 Андрея
11 Мартина еп.
12 Мартина папы
13 Евгения

НОЯБРЬ — 1969 — NOVEMBER

РУССКИ СВЯТА

- 1 П Космы и Дамяна,
2 С Акиндина муч.

3 Н Георгия обнов. храма

- 4 П Иоанникия преп.
5 В Галактиона муч.
6 С Павла арх. Царегр.
7 Ч 33 муч в Мелетини
8 П Собор архист. Михаила
9 С Онисифора муч.

10 Н Ераста апост.

- 11 П Ирины влмуч.
12 В Иоанна милост.
13 С Иоанна Златоуста
14 Ч Филиппа апост.
15 П Гурия муч.
16 С Матфея ап. и еван.

17 Н Григория святит.

- 18 П Платона муч.
19 В Аздия прор.
20 С Григория дек
21 Ч Введение Б. М.
22 П Филимона ап.
23 С Александра Невского

24 Н Екатерины влмуч.

- 25 П Климента свмуч.
26 В Алипия прор. столпн.
27 С Иякова первмуч.
28 Ч Стефана нов.
29 П Парамона муч.
30 С Андрея ап. перевоз

ЛАТИНСКИ СВЯТА

- 14 НОЯБРЬ: Серафима
15 Леопольда

16 23. Отмара, Едмунда

- 17 Соломии
18 Оттона
19 Елисаветы
20 Феликса
21 Введение в храм П.Д.М.
22 Цецилии

23 24. Климента

- 24 Иоанна от Креста
25 Екатерины
26 Конрада
27 Валерия
28 Кресцентия
29 Сатурнина

30 1. Адвента. Андрея ап.

- 1 ДЕКАБРЬ: Елигия
2 Бабианы
3 Фданицшка
4 Варвары
5 Саввы
6 Николая

7 2. Адвента. Амвросия

- 8 Непор. Зач. П. Д. Марии
9 Леокадии
10 Мат. Бож. Лорет
11 Дамазия
12 Александра
13 Лукии

ЗАПИСКИ

Неділя 7 го. Зверер куриво а до рама всі
ЗАПИСКИ: змбво.
Вівторок 9 го. новосты в сьмтотку.

ДЕКАБРЬ — 1969 — DECEMBER

РУССКИ СВЯТА

ЛАТИНСКИ СВЯТА

1 Н Наума прор.

2 П Аввакума прор.

3 В Софонии прор.

4 С Варвары влмуч.

5 Ч Саввы осв.

6 П Николая Чудотворца

7 С Амвросия святит.

8 Н Патапия преп.

9 П Зачатие Анны

10 В Нины муч.

11 С Даниила столп. преп.

12 Ч Спиридона преп

13 17 Евстратия муч.

14 С Фирса муч.

15 Н Святым Праотец

16 П Аггея прор.

17 В Даниила прор.

18 С Севастиана муч.

19 Ч Св. О.

20 П Игнатия муч.

21 С Иулианны муч.

22 Н Анастасии влмуч.

23 П Петра митр

24 В Навечерие Рождества Хр.

25 С Рождество Христово

26 Ч Собор Пр. Богор., Иосифа

27 П Стефана первмуч.

28 С 1 по Рожд. 20 тысяч муч.

29 Н 14 тыс. убитых младен.

30 П Аниссии муч.

31 В Мелании преп.

14 ДЕКАБРЬ: 3. Адв. Спиридона

15 Фортуната

16 Аделаиды

17 Лазаря

18 Грацияна

19 Немезия

20 Либерта

21 4. Адвента. Томы

22 Зенона

23 Виктория

24 Адама и Евы

25 Рождество Христово

26 Первомуч. Стефана

27 Иосанна еванг.

28 Младенцов уб. во Вифлеемі

29 Фомы

30 Давида

31 Сильвестра

1 ЯНВАРЬ: 1970 Н. Год

2 Макария

3 Геновефы

4 Тита, Еввгении

5 Емилии

6 Трех царя (Еп)

7 Лукана

8 Севериана

9 Маркияна

10 Вильгельма

11 Гигиния

12 Гонораты

13 Вероники

Стефан Мих. Кичура

НАША МИССИЯ ДО СТАРОГО КРАЮ

Сего, 1969 года, сполнится 40 роков от часу основания нашей народно-культурно-просвітительной организации Лемко-Союза. В том юбилейном року наша организация должна бы усилити всю свою культурну діяльність, бо тот 40-й рок существования Лемко-Союза має велике значение, як народно, так и политично, для нашего народа в старом краю и в Америці. В пару послідных роках Лемко-Союз зділал замічательный прогресс, бо он старался с всіми силами дати цілому світу знати, знати всім заинтересованным правительствам, где живут наши люде, што наша организация и ей орган газета "Карпатска Русь" лем на то и для той ціли были основаны, организованы и утримуваны нашим народом тут в Америці, штобы помагати своему народу, як тут в Америці, так и там в Старом Краю, соединяти наши мысли, соединяти нас всіх народно в одну силу для показання и доказання цілому світу той единственной правды, што мы лемки, мы карпатороссы, жили, живем и будем жити дальше, як народне русске меньшинство в Польщі, в Чехословакии и в Советском Союзи. Но само важне єст того, што без Лемковины не може быти долго на світі и всіх лемков, бо их вынародовлят. Єдних вынародовлят силом, а других вынародовлят процесом перешколения цілого народа на таких людей, яких кому єст потрібно.

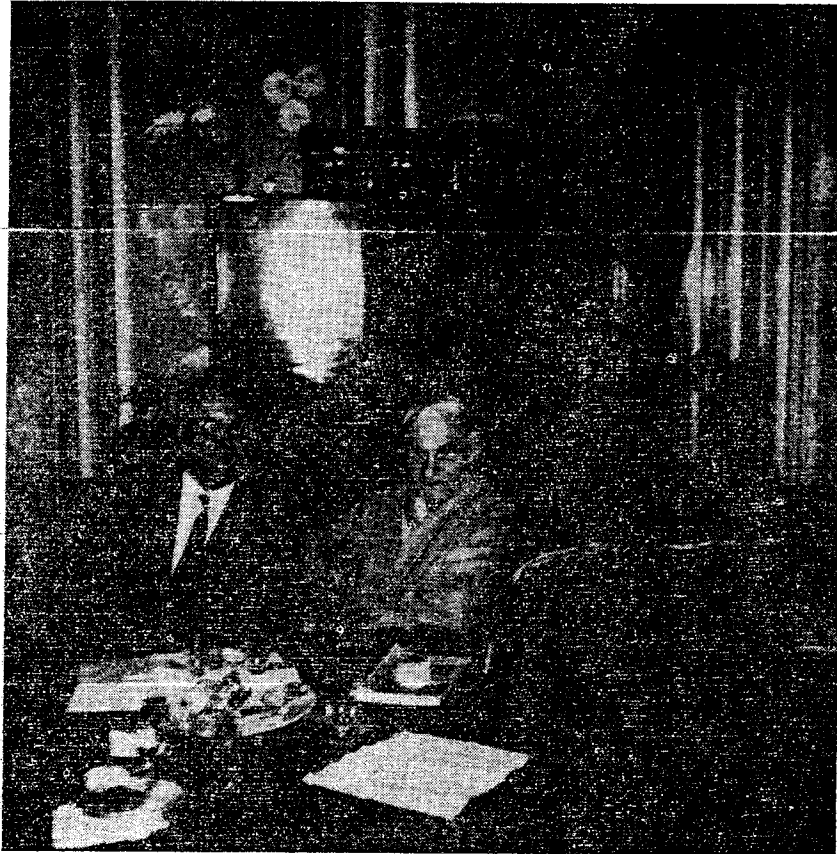
За свое существование лемки вели завсегда завзяту боротьбу. Они и сегодня не спят, а тихо, завзято думают на всі стороны, як нам всім поступати дальше. В Лемко-Союзи в Америці може нам много помочи оживити и держати нас при житью тота ситуация там в старом краю на Пряшевщині або на Лемковині. Если там піде ку лучшому, то наша организация буде рости и проквітати лучше, як то было до сего часу. Тоты наши люде, які їздят на вакации в родны стороны, їздят в Советский Союз, в Польшу, в Чехословакию, должны повсюду навязувати связь з нашим народом. Треба каждому из нас в том 1969 року взяти собі близко к сердцу ситуацию нашего народа. Мы можеме дуже собі сами помочи або можеме дуже собі пошкодити. Если между нашим народом будеме ширити любовь и братство, прогресс и науку, то дійствительно мы то всьо и получиме. Если будеме ширити ненависть и злобу брат к брату, будеме старатися продолжати ріжны сварки на маленьких річах, то мы так и пошкодиме собі на цілой линии и не будеме могли собі помочи в ничом, так што не будеме мали и с чым похвалитися не лем пред своими людьми, але и пред світом. Світ теперь

ЗАПИСКИ: Медыя 14 го, перший шніг
Знав. з середа 24 го, дав новий
полюк на зелений ваер. Американс-
кий кристус быко вери нас, сонце
світливо и 30° А на 14-й ...

ест такий, што лем с організованныма людьми рахуєся, буде говорит и с единицами, але меньше, як с організованныма групами.

Наша організація под ряд 5-х роков высылала в Старый Край свои туристичны группы. Они склалися різноракко: раз меньшы, другий

ИСТОРИЧНА ВСТРІЧА З ВАНЬОМ ГУНЯНКА ВО ЛЬВОВІ

На фотознімкї во Львові 29 июня 1968 г. видиме Ваня Гунянку (Дмитрия Вислоцкого) с редактором Ст. М. Кичура. Ваньо Гунянка, то бывший редактор газеты "Лемко", "Карпатской Руси", карпаторусских календарей Ваня Гунянки, журналист, писатель и головный основатель организации Лемко-Союза. Ваньови Гунянка 4-го ноября 1968 року сполнилося 80 літ от рождения. Коли группа лемков пришла встрітити його, то он уж был приготовленный до спанья, але лемкы з Америки попросили го не перебератися, бо так лучше выглядал.

раз большы. Последня группа лемков была найбільша, бо она складалася из 53-х туристов, а то были майже всі лемкы, з малым вынятком украинцов и поляков, але то сут тоже наши братья. В Советском Союзе всі на Україні, а даже в Москві знают, што такы лемкы з Америки там приїзжают каждого року, а ж тым лемкам приходит масса лемков, котры были переселены из Лемковины в 1945 року. Тоты встрічы наших американских лемков приносят свою користь, бо наши люде,

ВОЗЛОЖЕНИЕ ЦВІТОВ НА ТАЛЕРГОФСКОМ ПАМЯТНИКУ ВО ЛЬВОВІ

На Талергофском памятнику во Львові, 4-го июля 1968 года, где собралася громада львовяков, включаючи лемковских туристов, Катерина Дычкевич, галицко-русска поетница, туристка группы, деклямує в честь талергофцов. По другой стороне стоит редактор газеты "Карпатска Русь", Стефан Мих. Кичура, який возложил вінец цвітов з надписом от группы Лемко-Союза на памятник наших карпаторусских мучеников.

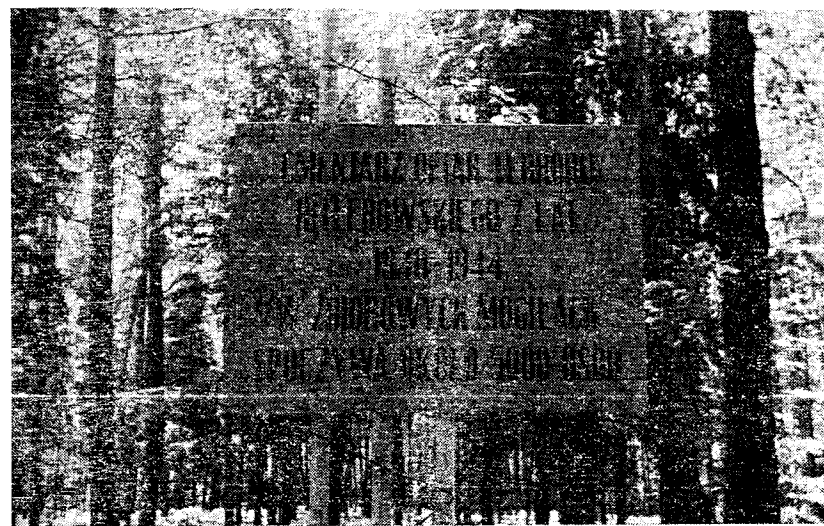

Пята туристична група Лемко-Союзу, яка вилетіла из Кеннеді аеропорта 18-го юнія в Москву. Група бавила в Совітском Союзі 16 дней, а в Польші 17 дней. Всіх членов группы было 53 особы. Группом руководили Стефан Мих. Кичура и Юлия Адамяк, а в Совітском Союзі группом руководила Людмила Сальмина и Олена Шевелюк и многы други. В Польші: Мария Табор и Янина Новак. Група вернулася счастливо в Соединенны Штаты.

часто послі 50-рочної розлуки, можуть видітися и можуть едны другим помочы ріжними способами. Раз люде, раз братья и сестры видятся, тогді они уж починают жити иным життьом и тоты тут в Америці, и тоты там в краю. Настае между ними постоянна переписка, настае тіснійша связь и зближение чувств едны к другим. Переписка листовно, а потом лична встреча родят нове житье, нове счастье, нову гармонію, а часто родят романы, любовь, женячку и счастливое житья!

Организование таких туристичных групп не приходит легко, бо если всьо піде в порядку, то люде барз задоволены, всі хвалят тых, кто их провадит, але як дашто піде троха не так, як має быти, тогды члени группы начинают "бунтоватися". Правда, таких што "бунтуются", або таких, што любят огваряти дакого, ест все меньше и меньше. Тых людей, што роспускают неправду и тых, котры слушають неправды, все ест меньше и меньше.

О нашем визиті в Старом Краю мы не будем писати барз подробно, бо то бы взяло пару книжок, а не пару листов, штобы мож было то описати докладнйше, який великий прогресс зашол в Старом Краю, але в Новом Світі. Наши передовы члены наших лемковских групп, які посіщают Совітский Союз, Польшу и Чехословакию, пишут нам свои воспоминания. Не дивуе нас, если напише нам такой человек, який знае добре писати, ест даяким лидером, або хотя интеллигентом, бо то то йому уж лекше приходит. Дивно нам, як получаме цілы купы аркушов паперу записаного, што трудно розобратися в том, што написано, але можеме видіти по том письмі, што то не писала выроблена рука, але писало добре наше лемковское сердце. Тішат нас такы письма и взагалі нас тішат всі письма, мы их читаем, любиме их и набираем новых сил нового житья, для доброй и полезной работы, для борьбы с неправдом и несправедливостью, для мира и счастья для всіх людей.

Таблиця над цмынтарьом в лісу Важице, где ест поховано больше 5 тысяч жертв гитлеризму-фашизму. В Яслі німецка и наци-українська полиция мала специальный дом-мортёрню, где приводили молодых и старых и ту их катузали. Потом вывозили их в тот ліс, где теперь ест построенный еден братский цмынтар и ту их закопували. Если кто был живой, то пускали на него псов. Говорят, што в том лісі были роздерты живьем наши дві молоды учителькы — Вислоцка и Гусиняк.

На горі Сохана над селом Поляны, лем прошлого року наши лемкы, а между ними Михаил Доньский (найвысший в шапк!) нашли тоты костяны головы смертельников-воевков або партизанов и позносили их на едну купку. То были русскы бойцы, бо по желізных галметах их распознают. Тут на том місци буде построеный памятник для военных жертв.

Наши народны руководители на Лемковині: (С ліва на право): Ярослав Трохановский, Полянский, М. Доньский, Павел Стефановский и Михаил Дзвінка.
(Фото зняте в селі Зындранова, 1968 г.)

Нашы лемкы, котры идут з нами в группах на визиту нашей Родины в Старом Краю, роблят або мают подвойну, потройну або ищы больше надгород за то, што они отважилися поїхати разом. Найперше они іхают разом, а разом все ест боспечнійше, смільше от всякых напастностей, або хвороты, або других несчастей. Друге, они надают для себе уважения перед другими народами, а наш народ в краю смотрит

Во Вроцлаві на прощальном вечери: (С ліва до права): Михаил Доньский, Лев Галь, Василь Шюст и Стефан М. Кичура.

на то, як на интеллигентных организованных людей. Третье, тым, што идеме группами, мы надаеме силу своей организации, бо сегодня уж всі в Советском Союзи знають, што такой союз существует в Америкі. Четверте, коли мы приходиме в родны стороны, то мы там тоже на-

Михаил Михайлович Когутов, директор Интурист готелю во Львові, народный писатель и любитель своего лемковского народа.

(Фото Юлии Адамяк, июнь 1968 во Львові).

ходиме и между нашими людьми різны характеры, непорозуміння єдних к другим, непонимания єдних других, а часто сут різны скарги єдны на других. Наши туристы из Америки и Канады, то люде, які перешли в Америці різны техничны або економичны школы в своем каждоденном житью, то они скоро ориентируются на всіх таких справах и если придется рішати даякий вопрос, они його рішають так, шобы всі сторсны были задоволены. На прикладах и примірах они говорят с нашими братьями, на прикладах и примірах они поровнуют житье их з нашим в Америці, и тогда, коли такой человек, який або занадто хвалит, або занадто ганит єдну або другу сторону, он наберат от своего брата из Америки вєще сознания и начинат глубше думать сам над сво-

иом судьбом и судьбом своего народа. Он перестает нарікати, а берєсь вєще до думанья, до розсуждения и науки.

Групповы поїздки в Старый Край мають и политичне значение. Бо если мы сказали уж выше, што світ рахуєсь с каждым человеком, рахуєсь больше с культурным человеком, то тым самым світ рахуєсь с организованными, а к тому ищы культурными людьми. С такими людьми повсюду рахуються. Правда, што наш американский світ дакус ріжнїтся от их світа в своей системе, но в культурі много не ріжнїтся. Если мы возьмєм образованну людину, яка жиє в Советском Союзе и возьмєм образованну людину, яка жиє в Америкі, то увидимє, што оба тоты люде сут барз подобны сами до себе, хотя системы их ріжны. Над тым вопросом ани не треба много думать, он сам собою видный. Но нам лемкам, коли мы придемє до Москвы и чуємє; што тут повсюду звучит лем русский язык, який красивый, чистый, мирный и милосозвучный, то аж сердце мліє от радости. А як заїдемє в Киев, то киевляне говорят языком, який ищє близший к нашему языку. Як то-милостердцу, яка то велика подяка належится нашим предкам, котры сохранили тот язык. Тамтейшы люде, то наши родны братья! Они нас принимают, бо они тоже добре знают, што мы лемкы, то их родакы, а

5-го июля 1968 года: Ред. Стефан М. Кичура бесідує с представителями Лемковины, які вышли встріти 5-ту лемковску туристичну группу до Перемишля. Зо заду стоїт туристка Анастасия Глюз из Юнкерс, Н. Й.

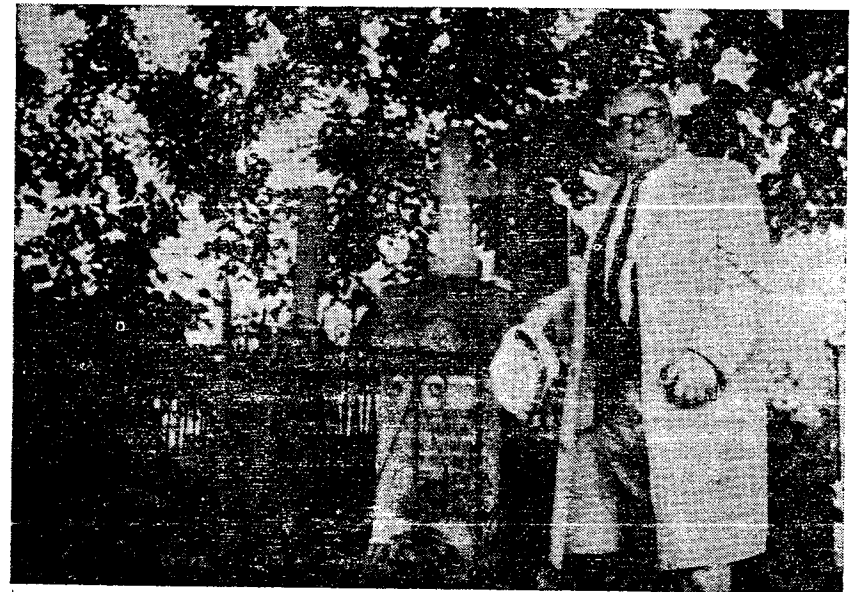

Группа американских лемков-туристов с краями на выставі у Павля Стефановского в Білянці на Лемковині. З ліва до права: Анна Дзюбак, (туристка), Михайл Донський, учителька Зореслава Стефановска, ред. Ст. Мих. Кичура, Юлія Адамьяк, Иван Потоцкий (туристы). С переду: Ярослав Трохановский и Лидия Стефановска, дочка Зореславы и Павла Стефановских. (Фото П. Стефановского).

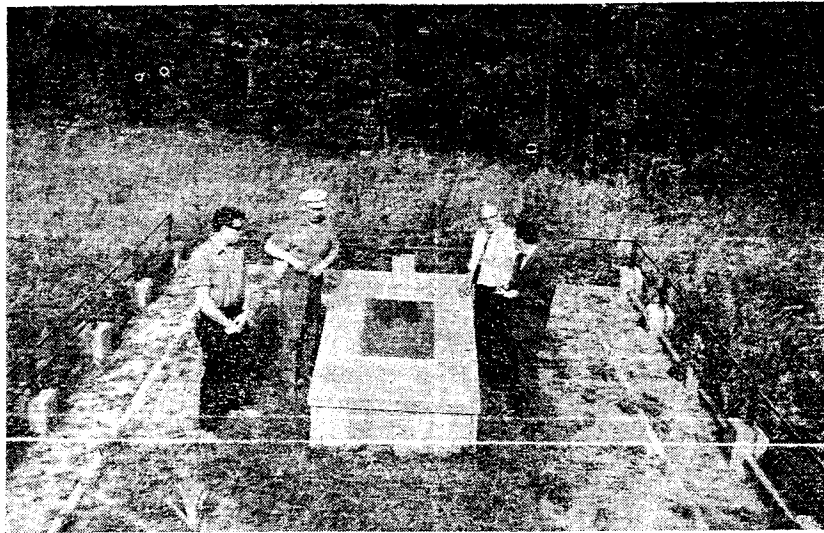
то ищы американскы родакы. Любуются они и нашом бесідом. Нам они говорят, што то ест дуже замічательно, што мы так довго жиєме в Америці, а бесіду свою не калічимо, говоримо чисто по своему. То ест правда, бо Америка научила нас говорити и по англійскы, але она не заборонила нам и наш родный язык розвивати. Тут мы в Америці можеме открыти собі школу и учить свои діти такому языку, який мы любиме и який мы хочеме мати. Зато Америка ест сильна держава, бо признає тоту свободу каждому народному меньшинству на його язык. Но так, як нашы братья в краю дивуются на нас, же зме по своему не забыли, то так и мы дивуємся, што и они по своему не забыли. Тото, же говорят гдеякы по украинскы, то тото не ест зрадом, бо украинский язык, наш язык! Было бы горше, як бы до нас говорили по німецькы або по мадярскы, а если заговорят до нас по русскы або по украинскы, нам сердце радуєся, што німецькы врагы, котры выбралися зни-

щити тот прекрасный народ, не постигли того зроби́ти, бо народ мал свою свободу на свой родный язык, на котром не лем говорил, але тот язык был орудием в руках для знищення врагов.

Во Львові мы встрічалися каждого дня з нашьма передовыма людьбы, кромі наших родных и едносельчанов. Передовы лемкы там на Україні дуже интересуются нашом организациом Лемко-Союза и нашом газетом "Карпатска Русь", як то же и другом литературом, яку издає Лемко-Союз. Сего року мы мали нагоду встрітисся з нашьм бывшым редактором, учителем и основателем Лемко-Союза — с Ваньом Гунянка. То была направду приемле встріча послі больше, як 20 роков розлуки. Мы думаем, што и на слідующий рок, если всьо буде на своем місци, мы снова постараемся його отвидіти. Сего року 4-го ноябрю Ваньови Гунянка исполнится 80 роков от рождения. А день перед тым в Юнкерс будут праздновати 30-ту роцину существования Карпаторусского Американского Центра. Напевно в тог день тут будут споминати имя Ваня Гунянка, бо йому належится признательность и подяка за його безкорыстный труд при побудові той нашей прекрасной народной будовы, в котрой по сей день отбываеме свои всі и чужы предприятия, и тут же помещатся редакция и типография Лемко-Союза.

Петро Гардый стоит коло памятника Александру Павловичу во Свиднику, коли ище не был отремонтованный. За старанием Гардого и Шлепецких, памятник теперь в цілости отбудованный

На горі Дзюрдзя Могилі, где поховано двадцять партизанів, які були розстріляні німцями. Между ними сун два братя Михайла оньского — Тимофей и Иван. Стоят з ліва до права: Иван Гоч (Торонто, Онт., Канада, його брат Теодор Гоч з села Зындранова, Стефан М. Кичура из Америки и Андрей Шлепецкий, из Чехословакии.

Во Львові уж 5-ый раз нашу групу Лемко-Союза принимал Михаил Михайлович Когут. По нашой газеті наші читателі його познають, а туристы його лично зустрічають. Михаил Когут ищы молодой человек, с дуже приемной персональностью и милым отношением не лем к нам лемкам, але и к всему русскому и украинскому народу. Он тишится великом любовью и популярностью между всіми нашими передовыми лемками во Львові и в цілом Совітском Союзі.

Во Львові мы покладали много вінцов в означены місцевости, а между иным был возложеный вінец цвітв на памятник Талергофа. Што таке был Талергоф, то мы не будеме входить глубже в то діло, бо починаючи от 74-й страницы нашого календаря найдете прекрасны описания и воспоминания п. н. "Талергоф". Тоты воспоминания написала, сегодня уже покойна, Мгр. Е. Д. Яновицкая (Лаврышь), а по другом мужу Гальчак.

На другом місци сегодочного календаря поміщаме поему Ивана Теодоровича Лемкина, п. назв. "Туга за Лемковином родным краєм". Треба бы каждому лемку, где он жие сегодня постаратися тоту поему прочитати. Иван Теодорович Лемкин, то наш улюбленный старичок-

историк-писатель, який тепеьр жие в Польші на вигнанию. Мы были його видіти. Здоровье його уж барз попсуге, но он тишился з нами, што мы пришли його видіти. Думае, што и на другой рок, если всьо буде в своем місци, будеме його видіти.

В Польші мы мали интересных и улюбленных встріч з нашими людьми, о котрых мы писали в нашой газеті, але треба бы было упомянути о такой едной встрічі, о какой мы ищы не писали, а то встріча с инженером Андреем Гумецким. По нашой газеті и по календарях наші люде його знают. Мы встрітились в Жешові в домі Мих. Доньского. Андрей Гумецкий родом из Устья Русского, його брат, Семан Гумецкий, жие тут в Америкі в місті Джерзи Сити, Н. Дж. Мы были дуже горды, што мы мали возможность поговорити с Андреем Гумецким и думае, што знова встрітимеся там на нашой родной землі Лемковині.

* * *

НАША МАМА

Слово "мама" або "мати" ест каждому дороге, мило и найвысше люблене. Ничого с того, што мама дае дітині, за грощы не купиш нигде и в ниякий час. Мати родила нас, она пеленкувала нас, она учила нас, она любила нас. Перше слово, яке дітина скаже, то ест "мама". Перший крок, який дітина зробит, найбільше тишит то маму, бо лем мама отчуват тоту радость и втіху за свою дітину. . .

В той статті хотіл бы я написати пару слов за нашу маму. Тота история, яку я напишу, буде подобна до всіх других историй других наших русских, лемковских матерей. Мы в нашой газеті пишеме потроха о всьом, но маму свою мало коли споминаме. бо то нам здаеся, што то не належит в газету, або в книгу. На ділі оно так не должно быти. Мы должны бы посвятити много місця в наших изданиях для описания истории наших матерей, наших отцов и цілой нашой родины. Мы просиме наших читателей, у котрых ище ест мати, отец, родны в старом краю, штобы они писали им, отвиділи их, если лем им ест возможно, бо час летит скоро, а наші мамы старіются, отходят от нас на вікы и николи назад к нам не повернутся; николи больше не увидите живу свою маму, котра так много труда, сил, любви, а даже часть своего сердца отдала Вам, штобы Вы выросли здоровыми, штобы з вас сталися культурны люде, котры бы помагали не лем сами собі, але штобы помагали каждому нуждающомуся в помощи и любили всіх окружающих их в житію, любили свою родину, свой народ и свою родну землю. . .

Штобы наши читатели пригадали собі, чым была для них мати, я коротко подам историю своей мамы и встречу со своим мамом уж по два roky.

Во Львові 30-го июня 1968 года Стефан Михайлович Кичура и його сестра Ольга (Мейска) зустрічають свою слабеньку маму ко-тру их молодший брат Антонъ привоз со Старого Самбора во Львов. (Подробно написано в статье).

В 1912 року 15-го июля родила нас двое наша мама. Я был старший от своей сестрички Ольги лем 15 минут. Отец и мати были счастливы, любилися обое, як голубы и они любили свои діточки. Мы были крещены в православной церкви в Детройт, Мич. Но мама наша страдала на здоровью в той краині, то в 1914 року, зараз перед первым світовом войном, в самы зер-

няны работы, мама наша вынесла нас на руках до нашего родного краю на Лемковину до Верхмлі Малой (Верхімкы), а третью дітину, потом вродившогося хлопчика уж в родном ей селі, мама вынесла за поясом. Хоц як мы любили свою маму, но нас обоих зо сестром якаси сила тягла назад в нашу Америку, а з мамом остался молодой брат Антонъ, котрый за прошлых 40 літ не спускал очей зо своей мамы и по сей день он сердечно опікуеся своим мамом.

Отец наш остался в Америкі, же заработит ишы веще гроша и вернеся в свое родне село. Война всю то разбила, а послі войны ситуация настала така, што отец, по ріжным причинам, не вертался в родне село, а мама не верталася в Америку, хотя они хранили обое чистоту и теплоту своей супружеской жизни. Наш отец помер в Детройті, 5 роков тому назад, проживши в Америкі больше 50-ти літ. Помер на 80-ом року своей замічательной, тихой и примірной жизни.

** ** **

Встріча з мамом была так радостна, што мама за каждым разом приходила от той радости в лучше здоровье и в лучшу житьову физичну силу. Прошлого року мама мене благословила на очах всіх людей. Теперь уж 82-рочна старушка не тремтіла, она стояла, як бы вкопана в землю, з ей очей капали, як бы золоты осколки ясного леду, слезы на мою голову. Мама шептала якасы благословенны слова и дякувала Богу, што дожила того часу, што нас увиділа.

Сего року во Львові к мні прилетіл брат Антонъ и дуже перестрашенный, а в очах полно слез, он сказал:

“Я привоз маму зо Самбора и она ест тут в Антоня Мейского, але дуже слаба, она не говорит ничего, очы ей заперты. то чым скорее понагляйся, бо може уж не застанеш ей живу”.

Я праві што купувал якасы лашкы для другой родины, то ем сказал, што буду зараз там, а мама най такого “трика” на мі не грат, бо я барз з далека пришол, зо мною пришла моя сестра, и швагер Мейский, то най почекат зо своим гмераньом. Ише я не закончил тоту бесіду, а сын мого брата летит и кричит на мене, штобы скоро летіти к мамі, а за ним прилетіл и швагер Мейский, и всі трьох в еден голос заявляли, што маму, если не поспішу, не буду ей виділ больше живом. . .

Розуміеся, я перервал свое діло в шторі, а поспішил к мамі. Коли я пришол к дому Антоня Мейского, то мама моя лежала на лавкѣ в огороді. Ей постелили перину и дали заголовкы, а кругом ней собралася больша группа людей. Всі смотріли на маму, бо выглядало так, што она буде прощатися с тым світом;

не проговорила ни слова. Коли я подошол к мамі, сіл коло ей головы и положил руку на ей чело, оно было зимне и мні самому стало страшно. Я почувствова в грудях великий жаль и боль головы. Собрал я всі силы в єдну цілость, бо не хотіл я показатися перед группом людей, што я слабый на такы річы, а тут я являюся редактором нашой газеты, незмірно я люблю свой бідный и поневоленный народ, тож якоси не выглядало прослезитися. Обернувшись в другу сторону, я хотіл воздержатися, але слезы пошлыли свободно. Люде, ціла родина, крає, зачали росходитися, кажде в свою сторону, почулся плач, бо мама лежала на “смертельной” постели. . . Но по хвили я набрал отвагы и сказа мамі просто з горы:

— Слушайте, мамо! Я ту не пришол на похороны с такой далекой дороги! Я тоже перемученый, а Вы мя так потішили, што ани говорити до мене не хочете, а я вам тамтого року говорил, што приду Вас видіти и того року, то обуджайтеся, говорте до своих дітей, бо мы тут з Вами всі трое, тут сут и Ваши внуки, ціла родина и полно краєнов. . .

Мама не видит уж на єдно око нич, то она открыла найперше тото сліпе око, а друге здорове ище все было закрыте. На лівой руці я зауважил рух пальцов, а теперь мама открыла и друге око. Она увиділа купу народа и своих дітей кругом ней. С обох очей мамі полялися горячы слезы. Я зогнулося к мамі, двинул ей голову на свою руку, и теперь она проговорила:

— Та то ты, сыну?! А я думала, што не придеш, же лем єс мя так потішал тамтого року, а ты пришол! . . . Яка я счастлива, што єс пришол. . .

Аж теперь мама наша зауважила, што в ногах ей сиділа ей дочка, котру она не виділа 40 роков. Мама хоментально двиглася и присіла на перині. Мама наша начала говорити, она уж не плакала больше. Она хотіла нам барз дуже повісти в своих тихых и милых словах. Скоро она єдным оком смотріла, то раз на мене, другий раз на свою дочку, а мою сестру.

— Дайте мі воды! — сказала она.

— А дашто теплійше бы сте не выпили, бо мы аж з Америки принесли, — сказал ктоси из группы.

— Та дайте, як мате! Выпью, выпью ту зо своима дітьми, хоц помру, але выпю. Барз ем счастлива, діти мои, же вас вижу на тото свое єдно око. . .

Ціла группа краєнов, родаков повеселіли так, што атмосфера сталася совсім друга. В кухні жены и дівчата варили вечерю. Застеляли столы, як на святу вечерю. А мама наша уж

стала на ноги. Не казала ся тримати, же она має дост силы перейти в хату. Столы наполнялися, што раз то больше и больше. Я посмотріл по стінах, по образах и по цілой хаті. Хата невелика, але чиста и тепла. А теперь тут така важна зустріча с краєнами и мойом мамом говорила мні просто до сердца. Я тоже, як моя мама, был счастливый, што в древньому Львові я по-другий раз встрітил маму. Мама теперь уж сиділа меже нами

На фото: Мария Кичура, мама Стефана М. Кичуры зо своей дочком Ольгом (Мейском) из Детройт, Мич. (30-го июня 1968 года во Львові).

двоима. Кухарки доносили до стола їдствие. Дівчата просили маму, што хотят їсти, што бы могли выпити, а мама им отповіла: “Та дайте, што мате готове, я буду їсти штонебудь. Я уж теперь чуюся ліпше. Што мі дате, то зым. . .”

И направила наша мама выглядела, як бы воскресла. Ёй лица усміхалися, она быстро смотрела кругом себе, но найвеще смотрела на своих дітей, на ближнятка, котры пришли з Америки ей отвідати. Я зауважил велику материнську радість в ей душі. Я мал назначено на 8-му годину зустрічу з львовськими нашими передовими людьми, але в тот вечер я отложил то на бок. И политика и организационны клопоты и радости того вечера отлетели от мене. Я понял, што если бы не тот маленька страшука, я бы не тишился тым чудесным світом. Я бы не мог видіти Совітський Союз, не знал бы я што то таке життя, што то таке радість життя, што то таке смуток, веселость и што то таке солнце, котре світит нам всім. . . Хотя при вечері співали, весело бесідували, а мои мысли летіли кругом земли, як совітскы спутники. Но мои змучены мысли прорвал мой брат, котрый выголосил бесіду, прекрасну бесіду. Подякувал нам, же зме пришли з Америки, што зме ся всі зышли так разом. Он тоже сказал, што было бы ишы ліпше, як бы мы так зышлися в родном селі Верхомлі Малой. Под час бесіды часто отерал лице. Мама наша смотрела на него, а так зас на мене, а так зас на свою дочку. Она теперь не плакала, а перед ню уж другу мисочку борщу положили наши дівчата. Гости звернули на то увагу и было им приємно посмотріти на таке радосте дійствие.

Теодор Гулик на пляцу своей хижы,
село Терстяна, пов. Кросно.

НАШ НАРОД В АКТИВНОЙ БОРЬБЕ ЗА СВОИ НАРОДНЫ ПРАВА

Под влиянием новых демократических прав, які вводятся в життя в чехословацкой республике на восточной части которой живут наши люде — русины и они по повоенных роках народного угнетения и строгой диктатуры зобуджаются с приказаного сна — ведут завзяту борьбу против словацкых шовинистов, за свои права на своей земли, за свое национальное имя, народну свободу и прадідну віру.

Повоеванны роки на Пряшевщині позначены в истории русинов кровавыми литерами розброю между народом, ненавистью и массовым “вымеранием” русинов. Война окончилась, по которой наши русины сподівалися полной свободы, але борьба словаков за вынародовление русинов на Пряшевщині, штобы они николи больше недомагалися своей автономии або федерации и тым словаки росшырили свое панство, продолжалась. Коли упал Союз Молодежи Карпат, коли упали Русскы гимназии на Пряшевщині с полным силом пустилися в активну діяльність между русинами Пряшевщины украинскы самозванцы, ишы задыханы с марафонского бігу перед совітском властью. На Пряшевщині отдыхли, бо забрали паньскы кресла и начали будувати самостийну Украину. Словаки знали, же пустити между завзятых русинов таких украинцов, то значит тото саме, як пустити на кошар между овцы волка. И тот волк розогнал наш народ. Лем же дуже мало с них вышло до його кошара. Тут побідила тактика словаков, бо наша молода интеллигенция и старшы, нехотячи быти украинцами переписалися на словаков.

Демократизация переходяща в Чехословакии остановила на кульминацийной точкѣ неприродне вымерание нашего народа. Треба рішатися при дуже худобном объединении, штобы недатися ошукати словакам снова — задача, котра стоит перед нашим народом.

Многы з наших людей памятают ошуканство нашего народа чехословацкыма урядами по первой світовой войні. На мирной конференции в Версалью (Франция) были подписаны чехословацкыма министрами договор и гарантия, што русинам буде предоставлена шырока автономия. Тото неслучилося, бо

свои обещания чехословацкие министры пришедши с Франции до Праги изменили и проголосили, что русины ищут недозволили до автономии. Добросердечность великих держав и чехословацких министров проявлена на мирной конференции в Версале была фальшива. Другая мировая война не принесла тоже национальной свободы для нашего народа, по которой он свои надежды и просьбы обратил к своему брату на Восток, же над ним смилуется — не даст йому стерти с лица земли.

На жаль, не исполнились просьбы и желания нашего народа. Все — таки не упал он чисто духом, бо знают, же нич в світі не стримат победы народа, який всіма силами буде боротися за свое справедливое право на свободные житья, потому пробует боротися дальше.

Теперішня ситуація на Пряшевщині снова дуже настроєна. Пряшевщина борється за федерацію. Як кається по вістках приходящих от наших родных с Пряшевщины, теперь наш русин имеет полное право в своих руках решать свою народную судьбу. Нам на эмиграции остаются все всеми возможными способами оказывать помощь нашему русину в его борьбе за уделение свободы, бо то ситуация на которую весь наш народ долгий рок ждал, которая окончательно даст ответ на открытый вопрос — жить или нежить — русинскому народу, или — жить или нежить — “перерожденному на украинцов” народу. Одновременно одна группа русинов а другая группа украинцев стоит перед тем самым проблемом. Украинизация не уялася на Пряшевщині, потому нїт для кого утворити федерацию украинцев. А русины, как национальность в тех часах были непризнаны. Окончательно, все сильный дух за оживление русинского духа в народе может победить. Работа, то немала. Але есть надежда, же наши передовые высокоучены патриоты на Пряшевщині ей успешно и за дуже тяжких обстоятельств выполняют, бо печатное слово, радио и театр на Пряшевщині постоянно находятся в руках сторонников украинизма. В том, верим, что поможет им и наша газета. Первый раз в ее истории получит ее до рук, дякуючи демократизации в Чехословакии, около тысяч русинов на Пряшевской Руси. Она будет переходить из рук до рук, бо найдут в ней правду, свои имена и факты о переведении ряда акций врагами для уничтожения русинов и их прадидной православной веры, которые никаким способом невозможно опровергнуть.

Дух нашего народа на Пряшевщині является все рухом части нашего народа живущего в Чехословакии. Другая часть нашего народа лемки-русины живущая в Польше тоже активно

действует в sprawie победы идеи правды и справедливости. Перевожат совещания и встречи с передовыми деятелями в делах оживления духа русинов с Пряшевской Руси, готовят планы дальнейшей деятельности окончательно фазом которых будет наше народное объединение.

И мы верим, же под влиянием благополучного перехода дел на Пряшевщину, вернуться и наши лемки на свои прадидные земли. Будут иметь свои предприятия, свои школы с материнским языком, заживают совместно с своими братьями на Пряшевской Руси и над нашим краем зазвучит веселая песня, будет ей чути широко и далеко, чтобы дать каждому знать, же пришел тот день — наш народ воскрес! — МС —

** ** **

В СПРАВАХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПРЯШЕВЩИНЫ

Многоуважаемая Редакция!

В приложении посылаю Вам статьи, написаны мною для газеты “Новое Життя”, содержание которых даст Вам полную картину всего того, что творится у нас, на ПРЯШЕВСКОЙ РУСИ.

Как Вам известно, у нас проходит дискуссия о демократизации нашей общественной жизни. Пользуясь тем положением, показывают свои “рожки” все реакционные силы, враги русского народа, которые требуют реабилитации даже бандеровцев.

На Пряшевской Руси полный хаос и неразбериха. Движение украинских сепаратистов усиливается, тенденция восстановления русских школ подавляется. Противники Православия требуют восстановления унии, чтобы таким образом переориентовать наш народ из востока на запад. Газеты взяли тот же курс: “кормят” народ всяком ложью и клеветой, а слово в защиту правды и справедливости, в защиту вековых традиций Руси в Карпатах нигде сказать.

Дорогие друзья! Находимся в безвыходном положении. Если хотите помочь нам поддержать карпаторусский дух в нашем народе, выпустите специальный номер газеты “Карпатская Русь” (или приложение к ней в качестве брошюры на любой дешевом папери) с приложенным материалом и хотя бы 1000 экземпляров пошлите по моему адресу и по всем имеющимся у Вас адресам людей, живущих на Пряшевщині. Говорят, что к нам уже доходит всякое печатное слово из-за границы обыкновенным почтом. На днях получил я 10 экзempl. книги П. С. Гардого “Вечные преступления...” Нам очень хочется сказать сло-

во в защиту правды и справедливости, объективно информувати наш народ. В приложении посылам также копию письма в редакцию газеты “Нове Життя”, котре тоже хотілося бы отпечатати сразу послі “Данных для полезных выводов” в качестве заключения. Оно свидчит о “объективности” редакции.

Дорогие редакторы! Не жалуйте ни труда, ни средств, ни часу для распространения газеты “Карпатска Русь” на Пряшевщині! Народ требует восстановления русских школ, а роспускающиеся в Пряшеві бандеровцы и слова не припускают в газеті “Нове Життя” о том. “Карпатска Русь” с карпатском тематиком може поддержати в нашем народі дух и настроение Духновича в отстаивании своих прав на русску школу. Посылайте на Пряшевщину всяке печатне слово с русском тематиком.

Шлю Вам, П. С. Гардому, всім друзьям и знакомым, пламенный привіт и найсердечнійшы пожелания всього наилучшего. Кріпко жму ваши руки.

Д-р ИВАН ШЛЕПЕЦКИЙ

Прага, 8 июня 1968 р.

* * *

ПОТРЕБНЫ ДАННЫ ДЛЯ ВЫВОДОВ

В интересі полезной дискуссии о внідрении в нашем народі широких демократичных начал считаеме потребным коснуться гдеяких данных, объясняющих правдиве положение руснаков на Пряшевщині, тым больше, што ище и в теперишньом часі находятся люде, котры по рецепті патера Глинки предлагают “приставити їм автобус і вывести їх...” (“Нове життя”. Пряшев, 1968, № 15, стр. 2). Мы будем пользоваться термином “руснакы”, так як наше население само называет себе “руснаками” як на Маковици, так и на Спиші, як в Шариші, так и в Земплині. Впрочем, термин “руснак” и научно обоснован (см. проф. д-р Г. Ю. Геровский: “Южно-карпатске название руснак и його западно-славянскы соотношения”. — “Ческословенска русистика”. Прага, 1957, стр. 429—442. Издание ЧСАН). Он не противоречит термину “русин”. Наоборот, оба тоты термины отождествляются и по духу, и по содержанию. “Я русин был, есм и буду, я родился русином, честный мой род не забуду, останусь его сыном” — співають руснакы под Бескидами. Известно также и то, што национальным идеалом всіх русинов-руснаков были и до тых пор остались Духнович, Добрянский, Павлович, Ставровский, Попрадов, Поливка. Они нашы будители, они нашы просвітители. “От Попрада аж до Тисы, под Бески-

дом горы, лісы, Духновича поминают йому здоровья желают” — сообщат нам послідователь Духновича А. И. Павлович. И так, в интересі демократизации нашої общественной жизни нашої общности полізно знати:

1. СКОЛЬКО РУСНАКОВ НА ПРЯШЕВЩИНІ

В 1940 року нашої общественной стало известно, што “на основании новійшого считания населения в Словакии жие 2,688.000 душ; из того 128.000 німцев и 53.000 мадьяр” (“Експрес”. Прага, 1940, № 283). Слідовательно, при переписи населения на Пряшевщині уж не оказалось руснаков. Правители “Словацкой республики” едным розмахом пера ликвидировали руснаков на Пряшевщині. О том ужгородскы газеты “Карпатска Неділя” и “Русское Слово” пишут: “Голгота двухсот тысяч русских на запад от ужанской границы тогда начиналася. Словацкий шовинизм, продиктованный Словацком Лигом от Попрада по Уж, старался удусити всяке церковне, культурне, господарске и общественне движение русских... **Двіста тысяч** людей немож просто лем стерти с поля их историчной діяльности и руководитися по отношению к ним, як к немногочисленному меньшинству или просто солляти их с господствующим народом...” (“Карпатска Неділя”. Ужгород, 1940, № 50; “Русское Слово”. Ужгород, 1941, № 2). То были часы правителей “Словацкой республики”, діяльність котрых охарактеризовал сам Тисо на одном из своих публичных выступлений словами: “Гитлер, Глинка — една линка, Тисо, Тука — една рука!”

Ишли roky... Розогралася Велика Отечественна война. Советска Армия побідоносно закончила свой поход в Берлин. Газета “Праце” сообщат нам: “**180.00 русских и украинцев** мають гнес свой Украинский Национальный Совет (Раду) Пряшевщины с місцем перебивания в Пряшеві, котрый по соглашению с Словацкым Национальным Советом от 26 мая 1945 року в Кошицах стался единственным представителем русских и украинцев, живущих на Пряшевщині” (“Праце”. Прага, 1946, № 293).

В свойом часі было мі поручено зробити статистику віруючих Православной Церкви, а известно, што православными были лем русины или руснакы, як они сами называют себе. О том проф. д-р Ю. А. Яворский пише: “На русско-словацких этнографичных рубежах, где иногда трудно определить национальну принадлежность по языку и обычаем населения, един-

ственным определительным признаком является віроисповідание: греко-католики — русскы, римокатолики и евангелики — словакы” (“Карпаторусский календарь Лемко-Союза”. Юнкерс, 1962 стр. 122). На основании тщательного исследования статистичных матириалов я установил, што на Пряшевщині жие **277.467 православных руснаков** (см. “Развитие административного устройства Православной Церкви за Карпатами”. — “Православный церковный календар на 1951 рок”. Прага, стр. 92-95). Так точно! “Пряшевские “цотакы”, — пише проф. д-р Ю. А. Яворский, — як и весь карпаторусский народ, были до половины XVII-го віка сплошь греко-православного віроисповідания и лем в послідствии исподволь приняли унию с Римом”, котра “Постановлением Собора греко-католического духовенства и греко-католических мирян униатской епархии в Пряшеві от 28 апріля 1950 року” была ликвидована (см. “Світ Православия”. Пряшов, 1950, № 5, стр. 70). Установлене мною количество православных руснаков было провірене и призна не правильными государственными компетентными органами — по сообщению В. Хмеларка, референта Гос. учреждения по церковных ділах.

В 1950 року в Чехословакии была проведена перепис населения, результаты котрой выразилися в слідующом: “Численность населения на основании посчета с 1950 року 12,556.000. Населенность 98 жителей на 1 км квадратный. Жители: Чехы (68%), словакы (23%), мадьяры (5%) и остаток прочие” (“Малый политичкий атлас”. Прага, 1953, стр. 47). Слідовательно, судячи по тых статистичных данных, руснаков зас не стало на Пряшевщині. Но они все-же жили и жиют. Живучий народ, тоты руснакы!

Ишли роки строительства и разных переобразований. Руснакы принимали живе участие в роботі по восстанавлению разореного войном родного краю, несмотря на то, што перестал быти актуальным вопрос: сколько руснаков жие на Пряшевщині? Но от, настал час, коли тот вопрос зас стал актуальным. Ним заинтересовалися редакторы газеты “Руде Право”. Они пишут: “Греко-католика церков, котра в 1948 насчитывала в Чехословакии **305 тысяч вірных**, слялася в 1950 року на основании т. зв. пряшевского Собора с православном церквом” (“Руде Право”. Прага, 1968, № 102, стр. 5). Отлично! Я с удовольствием исправляю свою ошибку: не 277.467, а свыше 305.000 руснаков жие на Пряшевщині. Такое количество руснаков заслуге особого внимания. Раз такы политики, як редакторы

газеты “Руде Право”, признают, што на Пряшевщині жие 305 тысяч руснаков (б. греко-католиков, без православных) тогда, коли им треба, они должны признати их и тогда, коли то то нам потрібно.

Мы жиеме в надежді, што при федерализации Чехословакии не будут забыты заслуги перед Родином наших бойцов I. чсл. корпуса, наших партизан, всього нашего народа, котрый прилагал всі усилия к тому, штобы выгнати гитлеровцов из Чехословакии, тым больше, што первым секретарем КПС являются “твердый” руснак из Крайной Быстрой, округ Бардиев, д-р Василий Михайлович Біляк. Автономна область с выше 305 тысяч руснаков, коренных жителей Пряшевщины, може лем облагораживати будущу федеративну ЧССР. Так и должно быти!

2. КУДА ИДЕШЬ, ДЕМОКРАТИЯ?

В субботу — 20 апріля 1968 р. — о 7-ой годині вечером в Прагі по радио сообщили, што треба ускорено издати закон о собраниях, так як демократия превратилася в анархию, яку світ не виділ. То правда. Пользуячися случаем свободной дискуссии о внідрении широких демократических начал в народі, начали показувати свои “рожкы” всі реакционны силы. С самого начала и по радио, и в газетах, и на собраних, всядыль говорится о демократизации нашей общетвенной жизни, но толкования демократии, як аккорды гармонии, різнообразны. При том не можна не отмітити, што с позиции реальности рассматривали діло демократизации лем министр Йозеф Сморковский и генерал Людвик Свобода. Большинство других ораторов лем “приливало масло в оген”. И дійствительно, лем благодаря умілым, тактичным, политично обоснованым публичным выступлениям министра Сморковского демократизация не вылилася в кровопролитие. Нашлися и такы провокаторы, котры спрашивали министра Сморковского, сколько он получит за то, што защищат дружбу с Совітским Союзом? Но министр Й. Сморковский не дал сбити себе с пути реальности, несмотря на то, што в його присутствии не еден продолжал “кормити” нашу общественность “полуправдом” и даже неправдом. Ото, наприклад, коли спросили д-ра Густава Гусака (в Парку культуры Ю. Фучика), сколько словацких партизан участвовало в Словацком народном восстании, он, не смущаясь нісколько, отвітил: 60 тысяч, к партизанам присоединилася словацка армия, а то то недуже “полуправді” соотвітствуе.

Як то було в дійсності?

Прежде всего слідує мати в виду, што словацке повстаніе в основном было организоване в Києві. Там же был його головний штаб.

Концом августа 1944 року в области Банской Быстрицы было свыше 14 тысяч советских партизан во главе с генералом Асмоловым. Тоты партизаны овладіли всім административным аппаратом той области. Под воздействием их діяльности “присоединилися” к ним извістны части словацкой армии. Но вот, ту и был введеный “троянский конь” в дружну боеву партизанску семью. Изміна таких “партизан”, як генерал Талский, командир двох “по зубы” вооруженых пряшевских дивизий, и насквозь пропитанных гитлеровским фашизмом офицеров словацкой армии (честь изъятию) повалила основной план діяльности партизан: открыти Дуклянский перевал с тылу. Лем благодаря изміні ген. Талского в битві за Дуклянский перевал пало 86 тысяч советских солдат и 6.300 бойцов I чсл. корпуса, 80% котрого составляли карпатороссы (см. “Пряшевщина”. Прага, 1948, стр. 18). Благодаря изміні извістной части офицеров словацкой армии німці неровном силом подавили повстаніе. Уступ через Хабенец партизанского штаба, в котром были ген. Асмолов, подполк. Величко, капитан Кухта, депутат Шверма, самозванец Сланский и др., хранил своим отрядом ст. лейтенант Петр Мулик, наш руснак из Владыча. Он жые, робит в “Теслі” в Стрпкові. А и місцеве население не было “партизански” настроене. Коли німці розоружили “присоединившихся” к партизанам частей словацкой армии и вели их под конвоем через Жилну, жиличанкы метали в них гнилы яйця, кричали: “Пале ше, гулвац, им Сталина требало!” О tych событиях со слезами на очах розсказуе наш руснак из Великового Буковца, участник “жилинского похода”, Петр Лишка, впоследствии очутившийся в німецком концлагері. И отношение к повстанію словацких подпольных діятелей было весьма странным: в тот час, коли партизанам области Банской Быстрицы стало “кісно” и “скучно” жыти в “безділю”, коли с их стороны организация повстанія достигла кульминационной точки, словацкы подпольники собираются и рішают вопрос: чьи будут заслуги, если повстаніе удасться? Для выяснения того вопроса посылаются в штаб Конева специальная делегация с Карлом Шмидке во главе.

Ніт, не было 60 тысяч словацких партизан в области повстанія; если стілько их регистровано в Братиславі, то они возникли послі войны.

Такий способ діяствия в дискуссионном порядке о демократизации нашей общественной жизни подкріпил, главным образом, реакційны силы. Они продолжают “кормити” нашу общественность неправдом, сіют ненависть против Советского Союза. Во всьом нашем несчастьи виноватый, мол, Советский Союз. Они требуют регабилитацию даже бандеровцов.

“Кво вадіс, демократія!” Камо грядеши, демократія?

3. КОМУ ПОТРЕБНА УНИЯ С РИМОМ НА ПРЯШЕВЩИНІ?

Уния с Римом потребна на Пряшевщині реакційным силам, врагам Советского Союза, котрых немало во світі. Для них покровительство Ватикана — то оплот их “миролюбивой” политики и границ Советского Союза. Впрочем, и воинствующий Ватикан не отказался от своих захватнических замыслов, пользуется всяким случаем захвата, где можно дашто урвати. Он благословил захватническую политику Гитлера, он благословил діяльність загребского архиепископа Степинаца, под руководством котрого “в течение четырехлітного существования “Независимой Державы Хорватской” были по звірскы убиты больше як 600.000 православных людей, включаючи и женщин и дітей, несколько сот православных священников и всі православны епископы” (“Свободное Слово”. Нью Йорк, 1967, № 526, стр. 1), он протягнул руку помощи убийцу 3.000.000 еврейов Ейхману, котрому послі войны удалося біжати в Бразилию на Ватиканский пашпорт, он же в теперішньом часі являється покровителем світовой реакции. Правда, папы Йоанн XXIII и Павел VI начали проповідувати миролюбиву политику, начали говорити о соединении всіх християнских церквей. Но сколько в католицком світі таких кардиналов, якы попереаут несправедливы войны. В прочом, кардинал Волконский и архиепископ Сліпий тоже не спят в Ватикані. Они росшыряют свое нелепое “учение”, согласно котрому Россию, мол, можно избавити от коммунизма лем посредством знищення русской православной церкви католицком церквом, т. е. коли главом ей стане римский папа.

Ніт, не без вмішательство Ватикана на Пряшевщині началася нова религийна боротьба. “У нас снова баламутят людей, агитуют за унию, не хотят, штобы народ жил спокойно” — пишут из Пряшевщины. — “По селах ходят монахи, редемпто-

ристы, василиане и священники, собирают подписы на унию. Православным священникам посылают письма, угрожают им побоями. Началась велика вражда между людьми... Было спокойно, но тото спокойствие нарушено и чым дальше, тым хуже. Може дойти до кровопролития, потому што злоба униатов велика. Люде по селах, по заводах вадятся и даже бьются...” — “Прямо ужас, што творят гр. кат. священники, котры в 1950 року не воссоединились с православном церквом. Они выступают перед народом, як мученики. Требуют реабилитации в ущерб православной церкви, так як их, мол, из-за ньой депортовали православны батюшки из России. Епископ Гопко стал великим украинцем. КСУТ поддерживает його як героя, и в печати и радиовещанием...” Вот образец демократии! Настоящая анархия!

Як мы уж отмітили в статье “Правда о обміні унии на Пряшевщині”, уния на Пряшевщині была ликвидована на полных демократичных началах ише до ей официальной ликвидации, пока не было ише никакой агитации. Не удивительно, што в теперішньому часі некотры просты люде поколебались в своём убеждении под воздействием агитации редемптористов и василиан и присоединились к реакции. Они в течение последних 20 літ жили под диктатуром всяких Хлебцов и Разусов, котры всі свои действия проводили едними и тыми же методами: угрозом и насилием. Они, тоты просты добродушны люде Пряшевщины, до тых пор живут в страхе перед террором и насилием, мавших місце на Пряшевщині в последние roky. Главном причиною того являются:

1. “добровольна” оптация наших руснаков в Советский Союз (см. “Правовое положение русского населения Пряшевщины”. — “Костер”. Прага, 1946, № 5—6, стр. 73),

2. діло епископа Гойдича, описане в книгі Министерства справедливости (см. “Процес против властизрадным бискупом Войташкови, Бузалкови, Гойдичови”. Братислава, 1951), в связи с котрым арестовали всіх його сотрудников, и

3. коллективизация, осуществление котрой всіма ярко характеризуете пісня того часу:

Сровнай, Боже, сровнай горы с долинами,
Як ес сровнал, Боже, газдов с циганами!”

И вот, в розгарі тых действий была официально ликвидована уния на Пряшевщині (см. “Постановления Собора греко-католического духовенства и греко-католических мирян униатской епархии в Пряшеві от 28 апріля 1950 року”. — “Свет Правосла-

вия”. Пряшев, 1950, № 5, стр. 70). Естественно, многы просты люде рассматривали тото діло, як обще действие против руснаков, переследованию котрых нит конца. Неудивительно, што они по своему добродушию сочувствуют тым, кто по тым или иным причинам очутился в нестастье, и протягивают им руку помощи. Но всіми странно, што тоту антинародну, агрессивну концепцию редемптористов и василиан поддерживают и некотры пряшевщане, котры присчитывают себе к трудовой интеллигенции. Розжигание новых религиозных бойов на Пряшевщині не може принести никакой пользы нашему народу. Наоборот, дробление наших скромных сил веде к гибели нашего народа в национальном отношении. Характерно и тото, што православие, оплот нашей народности с незапамятных часов, никто не поддерживал, несмотря на то, што Православна Церков своим кропотливым организационным роботом в течение сравнительно короткого часу шолностью сконсолидировала наш народ. Доказательством того являются десятитысячне участие паломников в “отпустах” на Буковской Горкі, в Луцині, Владимировой, Клокочові... И сразу — така заботливость о унии!

Нит, православие нетреба уничтожити в нашем народі! Оно прошло огнем и водом и из всіх великих и тяжелых “бурь” и испытаний вышло побідительом лем потому, што православие — народна віра, віра наших предков, котры немало пострадали за нього. Не без причин предки жителей села Русской Новой Веси (у Пряшева) в 1706 року убили камнями униатского епископа Де-Камелиса, свирепого гонителя руснаков за православие (см. “Стара віра и уния”. — “Дружно вперед”. Пряшев, 1965, № 6, стр. 18; № 7, стр. 22). Нит, православие непобідиме!

На конец, тым нашим пряшевщанам, котры увлекаются идеом украинского сепаратизма и предполагают, што уния с Римом поможе бандеровцам создати “незалежну неньку Україну”, рекомендуеме познакомиться с содержанием книги Владимира Бирчака: “Карпатська Україна. Спомини й переживання.” “Нація в поході”. 1940. Прага. То саме найліпше, испытанное средство для излечения “больных” от украиномании.

И так, послі того, як на Пряшевщині вспыхнул новый религиозный бой, осталось лем восстановить католицке архиепископство в Нитрі. Сидор, где ты?!

И Сидор отозвался. Як сообщат пражска газета “Руде Право” № 139 от 21 мая 1968 року, папа Павел VI спішным поряд-

ком возвюл в архиепископы нитранского епископа Едварда (Нейчеи). Сидор — то посол “Словацкой республики” в Ватикані, благодаря ходатайству котрого нитранске епископство было повышено в архиепископство, котре чехословацкы власти не признали послі возобновления Чехословацкой республики.

4. ЯК ПОНИМАЮТ ДЕМОКРАТИЮ В ПРЯШЕВІ?

Пряшевщина — страна вічных экспериментов, недорозуміний и незгод. Во всім тым несчестям “виноваты”, мол, руснакы и то лем потому, што они хотят жити на своей, от предков унаследованной, родной землі так же свободно, як живут други народы в демократичном світі.

До 1918 року судьба руснаков и словаков была еднакова. И их сотрудничество было дружеске. Вождь руснаков, А. И. Добрянский, еднаково защищал интересы в Будапештском парламенте як руснаков, так и словаков. Он же был и членом-основателем Словацкой Матицы, котра до сих пор существует. Но як лем словакы почувствовали себе господствующим нациом в республикѣ, их отношение к руснакам стало не то...

Мадяре хотіли за всяку ціну обогатити свою нацию за рахунок руснаков, словаков и других славянских народов посредством мадьяризации. К большому удивлению, словакы послі 1918 року стали ділати тоту же политику в отношении руснаков, што перше робили мадьяры и в отношении словаков. Штобы ускорити ход истребления руснаков на Пряшевщинѣ, патер Глинка избрал особый патент: “Вшетких руснаков вывеземе зо Словенска на едном драбняку!” — заявил он на одном из своих публичных выступлений.

Шли roky суровой жизни руснаков, очутившихся в родном краю без социальной охраны и даже без своих национальных начальных школ. Затим правителі “Словацкой республики” едным розмахом пера ликвидировали руснаков на Пряшевщинѣ. Но руснакы продолжали жити. Мало того, коли вспыхнула Велика Отечественна война, они першы создали в Русской Порубѣ партизанский отряд “За Родину”, котрый послі вошел в состав партизанского Соединения Героя Советского Союза, подполковника Кокина. Степан Кашак, Петр Мулик, Георгий Штим-Москвич, Андрей Единак, Михаил Кудзей, Петр Жидовский, Иван Танчин, Федор Хомча, Николай Гутнян, Степан Талацко, Степан Паличка, братья Шлепецкы, Гривна, Збиглей, Гмитерко и много. много других — вот руснакы-партизаны, борцы за свободу родного краю.

Славна Советска Армия освободила Чехословакию от немецкого фашизма. Казалось бы, кончилися страдания и преследования руснаков. Но, увы, словацкий шовинизм не остановился в роботѣ, продиктованой Словацком Лигом от Попрада по Уж. Уже в 1946 року началась “добровольна” оптация руснаков в Советский Союз (см. “Правовое положение русского населения Пряшевщины”. — “Костер”. Прага, 1946, № 5—6, стр. 73). Но руснакы все-же остались жити на своей родной Пряшевщинѣ.

Ишли roky культа личности, диктатуры всяких Хлебцов и Разусов, пытавшихся изгнати руснаков хотя бы из Пряшева (см. “Нове Життя”. Пряшев, 1960, № 7). В тот час, в письме от 20 февраля 1960 року в адрес ЦК КСУТ я писал, што “лем фашистам свойственно выганяти старожилов из их культурных центров”. Я был бы весьма рад, если бы мое письмо от 20 февраля 1960 року было опубликовано в порядке дискуссии. Оно могло бы много припомнати нашей общественности.

Настал час свободной дискуссии о внідрении в народѣ широких демократичных начал. И вот, коли руснакы тоже отозвались, што они живут, што они хотят жити на своей родной Пряшевщинѣ так же свободно, як и други народы Чехословакии, словацкий шовинизм опять показал свои “рожкы”. Последователи патера Глинкы предлагают “приставити им автобус и вывести их...” (“Нове Життя”. Пряшев, 1968, № 15, стр. 2). Единочасно на стѣнах міста Пряшева появляются афишы с провокативным содержанием против руснаков. Вот, до чего дошла демократизация на Пряшевщинѣ!

Дорогы соотечественники! Спокойствие и труд! Пусть никого не смущает провокация необузданных словацких буржуазных националистов, нарушающих спокойное сожительство руснаков и словаков! Мы віриме, што в словацком народѣ найдется столько прогрессивных сил, штобы раз на все покончити с провокаторами, нарушающими мирное сожительство руснаков и словаков в Словакии вообще и на Пряшевщинѣ в особенности. Считаме, што то единственно правильный исход...

Коли я был в Америкѣ (август - октябрь 1966 року), я посетил все колонии наших соотечественников, я выступал на собраниях, банкетах и всядиль говорил, што карпатороссы, где бы они не находились, должны держатися так, штобы их никто не мог использовать против них же самых. Само собом розуміється, што то заявление относится и к нам.

Ну-же, дороги братья и сестры, за дружбу и сотрудничест-

во с том частью славянского народа, котра, считается с реальностью, за щипат правду и справедливость. При всём том най нас наша всенародна пісня — “Вручание” А. В. Духновича и впрядь вдохновлят к творческому труду на благо родной Пряшевщины и ей населения! Так и быти:

“Я русин был, есмь и буду,
Я родился русином,
Честный мой род не забуду,
Останусь его сыном...”

Пусть весь мир знае, што мы тоже хочеме жити так же свободно, як жиют други народы в демократичном світі! Мы не хочеме ничего чужого. Мы хочеме лем сохранить для будущих поколіний, розвивати и обгораживати хотя бы то, што оставили нам наши славны предки. Пусть же наша старинна народна пісня разжигает в наших сердцах любов к родному краю, к родной старині так же, як она чаровала наших предков встарь:

“Ой, Бескиде зелененькій,
Ты, кормильче наш родненькій,
Ты от віка нас годуешь
И всім счастья нам даруешь.

Твои горы, твои лісы,
Воды Попрада, Торисы...
Нас от віка утішают,
Горе, жажду утоляют.

Твои ланы, красны воды
И зелены загороды
Посіщают всі народы
И находят всі выгоды.

А ци можно не любити
Бескида, што красший :
в світі

Его гаи, красны поля:
Тут то наша счастлиа доля!

О, зорнице Бескидова,
Ты, тотіхо Руснакова,
Не дай же нам загинути,
Рачь от врагов нас хранити!”

Из співання
А. Л. Поливки 1864 р.

5. ЧОГО БЫЛИ ЛИКВИДОВАНЫ РУССКЫ ШКОЛЫ НА ПРЯШЕВЩИНІ?

Замітка доц. Василя Капишовского “Як дійшло до українізації наших шкіл?” (“Нове Життя”. Пряшев, 1968, № 16, стр. 2) не може задоволити нашу общественность. Она не дае читателю того, чым он заинтересованый. Украинизацию русских школ на Пряшевщині слідуе объяснить больше существенно. Нашых читателей интересуе, главным образом, вопрос: што было причиною, што на Пряшевщині против волі народа перемінили русскы школы на украинскы? Вот як то было:

Культурны традиции Духновича на Пряшевщині были так сильно закоренены, што до извістного Мюнхена всякы попытки вносити украинизм в нашу общественну жизнь таких діятелей, якими были Дионизий Зубрицкий и Ирина Невicka, кончилися полным неудачом. На Пряшевщині не было языкового вопроса. Население считало себе русским и поддерживало всяке русское начинание. Посітивший в 1928 року Пряшевщину Илья Еренбург в своей книгі “Виза времени” (Берлин, 1930) под заглавием “Пряшевска Русь” (стр. 267—270) пише: “Подъезжая к Карпатам, замечаешь, как постепенно меняются деревни, исчезают пестрые одежды, вместо костелов — деревянные церковки с круглыми куполами, еще беднее глядят крытые соломой хаты. Разговаривая с чужестранцем, то есть с “паном”, крестьяне стараются объясниться по-словацки. Да, как и ни чудно это, здесь словацкий — “панский” язык. Навопрос, кто они, крестьяне, однако, отвечают без обиняков: “мы русские”; друг с другом говорят они на карпато-русском наречьи...” Дух “Литературного Заведения” Духновича всеціло отражался не только в культурно-просвітительном “Обществі им. А. В. Духновича” в Пряшеві, но и во всьей жизни руснаков на Пряшевщині. “День Русской Культуры”, котрый штороочно приурочивался ко дню рождения А. С. Пушкина, был национальным праздником руснаков. Таки торжества с богатым культурно-художественном програмом состоялися в Пряшеві, Бардийові, Свиднику, Орлику, Юрковой Воли, Владимировой, Старой Любоні, Лаборци, Гостовицах, Тополі, Смержонкі и в других містах и селах Пряшевщины. В Пряшеві издавалися русскы книги, русскы газеты, такы, як “Русь”, “Русское Слово”, “Народна Газета”, “Пряшевщина” и др.

Словацка Лига пыталася всячески мішати розвитку русской культуры на Пряшевщині, но безуспішно. И только пра-

вители “Словацкой республики” остановили культурно-просветительную деятельность руснаков (см. “Наступ”. Прага, 1940, № 30), едним разом пера ликвидовали их на Пряшевщині (см. “Експрес”. Прага, 1940, № 283).

Послі освобождения Чехословакии Советском Армию от немецких захватчиков, Пряшевщином зас овладіл дух “Литературного Заведения” Духновича. Революционным образом на полных демократичных началах были восстановлены русские школы во всіх селах Пряшевщины, в котрых жиют руснаки, и вся жизнь нашего населения пошла по испытанному пути согласно духу и культурно-просветительным традициям Духновича. “День Русской Культуры”, состоявшийся 22-го июня 1947 року в Стрпкові, на котром присутствовало выше десяти тысяч людей со всіх концов Пряшевщины, весьма ярко проявилась всенародная манифестация за великие идеалы русской культуры. Тому историческому событию посвященный историко-литературный сборник “Пряшевщина” (Прага, 1948) — “едно из лучших изданий, до тех пор появившихся о Пряшевской Руси” — по словам проф. д-ра Д. О. Сенюка.

И так, в 1947 року на Пряшевщині было 313 русских школ, в том числі 25 городских училищ, 4 середны школы (гимназии) и 1 учительская академия (см. Василий Капишевский: “Школьное дело на Пряшевщині” — “Пряшевщина”. Прага, 1948, стр. 237—283).

Такий розмах развития русской культуры на Пряшевщині выводил из терпения словацких буржуазных националистов. Словацкий шовинизм, продиктованный Словацком Лигом от Цопрада по Уж, начал пробивать себе дорогу и в новых условиях. Он проник и в круги КПС, члены которой начали усердно стараться о том, чтобы на Пряшевщині ликвидовать русскую национальность и заменить русские школы словацкими.

Долго обсуждался вопрос ликвидации русских школ на Пряшевщині. Треба было глядати такой способ действия, который бы не возбудил гнев руснаков и не вызвал волнения масс. Глядали rozmaity причины, чтобы остановить быстрое развитие русских школ на Пряшевщині. Нашлись и такие словацкие деятели, которые начали корить руководителей русских школ, обвиняя их, что в русских школах, мол, воспитывается молодежь в советском духу, потому что обучают в них по советских учебниках, которые вполне удовлетворяли потребности наших школ не только со стороны педагогики, но и со стороны экономики. Практично руководители русских школ были поставлены в тупик:

не было ни педагогических сил, ни средств для того, чтобы в течении короткого часу выдать подобные учебники. В следствии того в русские школы пришлось вводить словацкие учебники.

Но того было мало. Словацкие шовинисты не успокоились тем положением. Они стали глядати такого способу действия, чтобы руснаки сами просили словацкие школы. И придумали: таким способом оказалось действие “У” (украинизация русских школ). И действительно, словацкие руководители действия “У” не помыслили в своих предположениях. Они знали, что руснаки не останут украинцами и не захотят посылать своих детей в украинские школы.

По указанию КК КПС 7 июня 1949 року состоялось в Пряшеві совещание педагогов-коммунистов, на котром было решено вводить украинский язык в русские школы постепенно. Так как тот способ украинизации русских школ не показал никаких результатов, всякие Хлебецы и Разусы, которые самовольно распоясывались на Пряшевщині, приказали заменить русские школы украинскими радикальным образом. Так в начале 1953/54 уч. року началось действие “У”.

И вот, когда с помощью органов народной безопасности заменяли русские школы на украинские, в многих селах люди просили словацкие школы, мотивуя, что они никогда не были украинцами и не хотят, чтобы их дети учились по-украински. Конечно, руснаки при том предполагали, что в словацких школах, в которых сравнительно хорошо было поставлено обучение русского языка, их дети хорошо усвоят себе и свой родной, русский язык. Но, увы, они жестоко помыслили. В таких “словацких” школах даже на переменах запрещалось говорить “по-руснацки”, как выражались словацкие учителя.

Якие же результаты действия “У”?

Цель словацких буржуазных националистов достигнута полностью: В теперішньому часі ніт ни одной русской, ни украинской школы на Пряшевщині.

Што робити дальше?

Товариши педагоги, прислухуйтесь голосу народа! Он же жде восстановления русских школ во всіх тех селах и местах Пряшевщины, в которых они были восстановлены в 1945 року революционным образом на полных демократичных началах. За тоты школы наш народ боролся и в рядах 1 чсл. корпуса генерала Свободы, и в партизанских отрядах, и в других подпольных организациях, прилагал все усилия к тому, чтобы выгнать немецких захватчиков из Чехословакии. Следовательно

но, треба приложити всі зусилля к тому, щоби отстранити велику кривду, нанесену нашому народу ліквідаціоном руських шкіл на Пряшевщині. Кропотлива робота Духновича на педагогічному полі достойна подражання в роботі по відновленню, укріпленню і розвитку руських шкіл на Пряшевщині і в наших сучасних умовах. Ніт, не слідє увлєкатися “сонцями”, промені котрих ніколи не падали за Карпати. Лучше уж облагораживати наші “фонари”, освіщеніє котрих спасло наш народ от національної гібели. Так и бити!

27. IV. 68.

6. ЯК НАЗВАТИ НАРОДНУ РАДУ РУСИНОВ ПРЯШЕВЩИНЫ?

В резолюції членів КСУТ и жителів-русинов міста Гуменного, прийнятої на зборі, состоявшомся 3 априля 1968 року, меже прочим, читає:

“Одночасно висловлюємо погляд, що самою правильною назвою органу українців-русинов мала б бути назва найближча народу, наприклад, Підкарпатсько-русинська народна рада, або Народна рада русинів Чехословаччини” (“Нове Життя”. Пряшев, 1968, № 16, стр. 7).

Тота резолюція свідєтьєвує о том, що созріл вопрос обновлення верховної організації русинів Пряшевщини, діяльність котрої остановили словацькі диктатори, котрі самовольно роспояснювалися на Пряшевщині в часи культї личності. И дійствительно, таку організацію непременно треба создати. Єднак, єї названіє слідє яко-так “ошлифовати”.

Дорогі соотчєственники! Раз навсєгда треба нам забути, що ніт терміна “руси́нский” так же, як ніт терміна “болга́ринский”, “сєрби́нский”. Существоут лєм граматично обоснованіє терміни: русин — руский, болгарин — болгарский, сєрбин — сєрбский.

Як смішним становитєся создавати искусствєнный термін для опрєдєленія національної принадежности русинів или руснаков, як они сами называють себе, в тот час, коли цілий світ узучат руский язык, коли академик Исачєнко вербує учитєлєв руского языка для Англії, Америкы и даже для Австралії.

Дійствительно, цілий світ изучат руский язык, лєм у нас, на Пряшевщині, он почому-то игноруєся в тепєрішньом часі. А жалє. Коли я был в Америкі (август-октябрь 1966 року), я всядиль, даже в аєропортах, добєсєдовалєся по-руськы. Я был вєсьма удивлєн, коли я убєдилься, що як в общєственных кру-

гах, так и в институциях международных связей служащє пре-
красно говорят по русськы. Ніт, они не стыдаються говорити по-
руськы. Они с любовью изучают його, главным образом, по-
тому, што он дає им немалый “бизнес”.

Так, вєсьма смішним, странным и непонятным становитєся отказыватися нам от вікових традицій Руси за Карпатами, навязывающих на традиции Киевской Руси, объединявшєй всі племена древнорусской народности, тым больше, што в тепєрішньом часі в Пряшеві существуют терміни “украинский” для опрєдєленія національної принадежности малороссов, “рос-
сийский” для опрєдєленія національної принадежности великороссов и “білорусский” для опрєдєленія національної принадежности білороссов. Почому бы не оставити термін “русский” для опрєдєленія національної принадежности карпатороссов? То будє вполні соотвєтствовать и духу часу, и віковим традиціям Руси за Карпатами, и всеобщєму удовотворєнію русинів Пряшевщини. Потому в интересі діла предлагаєм, щоби верховна організація русинів Пряшевщини носила названіє:

1. Руська народна рада в Пряшеві — согласно традиции и волі нашего народа, изъявленной на всєнародном съїзді, состоявшомся 8 ноября 1918 року в Старой Любовни, или

2. Карпаторуська народна рада в Пряшеві — согласно традиции и научному опрєдєленію характерных черт русинів Закарпатя. Сравин: “Балудянский, Михаил Андреевич (1763-1847) — профессор и ректор Спб. университета... крупна сила и в области знаний и на педагогическом и политическом полях России, уроженец Венгрии, **карпаторосс...**” (Энциклопедия, том 4. Москва, 1926, стр. 566). Нам же извєстно, што М. А. Балудянский родился на Пряшевщині, в Вышньой Ольшаві, Стрєпковського району. Или же, в концї концов,

3. Народна рада русинів Пряшевщини, Пряшев, — согласно духу и настроєнію Духновича 1851 року (см. Поздравление русиннов на рок 1851 от Литєратурного Завєдєнія Пряшевского. Вїдєнь).

Считаєм, што то єдинствєнно правильный исход из данного положєнія. Осущєствлєніє того наименования нашей верховной организации будє вполні соотвєтствовать и пожеланиям русинів-руснаков, корєнных житєлєв Пряшевщини, и справедливости, и научно обоснованной мотивировкї, и демократизации нашей общєственной жизни.

7. ЧОМ ДОШЛО К ДІЙСТВІЮ “П”?

В теперішньому часі в печаті появляются розмаїті замітки о дійствіи “П” (Православия). Авторы заміток, не знаючи истории церкви Закарпаття и Пряшевщины, мечут грязь на Православну Церков, стараючися возбудити у народа сочувствие тым, кто попал в каталажку в связи с ділом епископа Павла Гойдича (см. “Процес против властиздадным бискупом Янови Войташкови, Михалови Бузалькови, Павлови Гойдичови”. Братислава, 1951) В слідствие того возник вопрос: почему дошло к дійствию “П” як раз в тот час, коли переход руснаков в Православие принял массовый, всенародный характер? Як началось дійствие “П”?

В статьи “Правда о отміні унии на Пряшевщині” (см. “К. Русь” № 25 и 26 на стр. 4) мы уж отмітили в основном, як была ликвидована уния с Римом на Пряшевщині. Но тым не менее считаме потребным дати нашой общественности соотвітствующи пояснения по существу діла. Тото мы робиме не лем ради правды и справедливости, но и в интересі проходящей дискуссии о внідрении широких демократических начал в нашой общественной жизни. Так и должно быти.

И так, послі освобождения Чехословакии Совітском Армиом от німецких захватчиков жизнь руснаков, коренных жителей Пряшевщины, пошла быстрым темпом вперед. Тото понятно. Вернувшись домів участники Великой Отечественной войны, солдаты 1 чсл. корпуса генерала Л. Свободы, партизаны, подпольники, почувствовали себе газдами ситуации и на розвалинах с воодушевлением начали строити нову жизнь, отбодовувати войном знищений родный край, создавати благоприятны условия для больше всего пострадавшего от войны населения нашой республики. Народ всядил с энтузиазмом и энергиом принял за созидательный труд, результаты котрого скоро стали показуватися. Русский язык стал господствующим языком не лем в школі, но и всіх общественных учреждениях Пряшевщины. Воспитана в новом, прогресивном духу молодеж стала увлекатися историем родного краю; по завітах своих дідов и прадідов она восстановила поппранны традиции Руси под Бескидами, отстраняла из жизни всі нашествия, в течение нескольких десятилітій проникшы ту из запада. Девизом дня стал девиз наших предков: “Славяне — бойтесь Рима! Віра наша, віра давна, віра православна” (см. “Чому, коли и як”. Пряшев, 1967, стр. 18). Блестящо розвивалися русскы школы, восстановленны в 1945 року революційным образом на

полных демократичных началах восстановлены прадідовской православной віры приняло всенародный характер.

Тот розмах руснаков, головным образом, на культурно-просвітительной ниві прямо выводил из терпіння словацкых буржуазных националистов, стремившихся выполнять задания “Словацкой Лиги” в области “от Попрада по Уж” и в новых условиях. Они стали глядати существенны методы дійствия, штобы остановить процес возрождения руснаков на Пряшевщині. В той роботі живе участие принимал и д-р Ладислав Голдош, уполномоченный по церковных ділах. В послідствии он стал главным режисером дійствия “П”, йому была ввірена ликвидация унии на Пряшевщині. И дійствительно, он усердно принял за тото діло и прилагал всі усилия к тому, штобы согласно рішенію “Словацкой Лиги” ликвидовати на Пряшевщині руснаков вмісті с их греко-католичеством и православием. По росчетам инициаторов дійствия “П” руснакы должны были “самовольно” перейти в ограду словацкого католицизма и стати покорными католиками словаками. Они считали, што послі ликвидации унии их методами нетрудно буде ликвидовати и православие таким же образом.

Як началось дійствие “П”?

Свою роботу д-р Л. Голдош начал тым, што занял приходский дом в Братиславі для своей квартиры. Он выгнал одталъ настоятеля братиславского православного прихода прот. Дмитрия Ткаченко и в його просторной квартирі поселился сам. Прот. Ткаченко мало с ума не зышел в тот час, до сих пор ище не опомнулся он: жие “юродивым” в Улич-Кривом. Так и началось дійствие “П”.

Д-р Л. Голдош сам руководил дійствием “П”. По його указанням возникали комитеты дійствия, во главі котрых стали противники православия, такы, як д-р Иван Рогаль-Илькив, Беницкий, извістный нашой общественности под фамилиом Бигарий, и др. Штобы никто не виділ их “карты”, д-р Голдош распорядился, штобы изолювати старых православных от дійствия “П”. Так в связи с дійствием “П” начали терроризовати старых православных священников, стремячися компромитовати их перед вірующими, называючи их неуками и т. п. Не без причин архимандрит Олег (Иванов) в тот час публично заявил, што на Пряшевщині проводится ликвидация православия, а не унии. Руководители дійствия “П” ввели хаос в церковны діла, искусственно создавали положение, штобы противники православия могли говорити, што унию на Пряшевщині ликвиди-

вали насилієм. От — почому дошло к дійствию “П”!

Ніт, не треба було ніякого насилія для ліквідації унії, не треба було вмішуватися Голдошам в церковні діла Пряшевщини і унія без всякого шуму була б ліквідована. Ніт спору, унія була насажена нашим предкам насилієм і наш народ непрерывно глядал возможности освободитися от ней. Достаточно вспомнати волнение нашего народа, коли “перша спроба унії мала быти урочисто проголошена в Краснобродском монастыри на русальны свята 1614 року” (“Чом, коли и як”. Пряшев, 1967, стр. 17). Не без причин предки жителей села Русской Новой Веси коло Пряшева (в 1706 року) убили каменями униатского епископа Де-Камелиса, жестокого гонителя руснаков за Православие см. “Стара віра и унія”. — “Дружно вперед”. Пряшев, 1965, № 6, стр. 18). Тота возможность явилася только послі окончання Великой Отечественной войны, но, увы, всі темны, реакційны силы восстали в защиту унії, спасаючи ей в агонии. Но ліквідація унії все же была торжественно провозглашена: 820 представителей народа в 1950 року высказалось за отміну унії, на котру в 1646 або 1649 року “согласилось” всего лем 63 священников Мукачевской православной епархии, котра в тот час насчитывала свыше 1300 священников.

Но вот, руководители дійствия “П” не остановились в своих затеях. Штобы скомпромитовати Православну Церков, они стали принимати на богословскы курсы всяких пьяниц (Могила) и розвратников, лем честных молодцев не принимали в школу. Вот клисичный примір: В духовну семинарию подал прошение благонадійний юнак, котрый робил на фабриці в Чехии. Педагогичный совет духовной семинарии отклонил прошение юнакови лем потому, што в полученной из Чехии характеристики с місця работы было отмічено, што не рекомендується прийняти юнака в духовну семинарию, так як он слишком переданный Богу. И так, не лем юнак не был принятый в духовну семинарию, но и член Педагогичного совіта, архимандрит Андрей (Коломацкий), защищавший интересы юнака, был выгнанный из семинарии. В теперішньому часі он жиє гдеси в Чехии (Лесна) в изгнании. Крім того, из Пряшева были выгнаны прот. Василий Стрижак, игумен Йоанн (Кухтин) и др. Ведь то просто чудо, што руководителям Православной Церкви, принявшим близко к сердцу “Постановление Собора грекокатолического духовенства и греко-католических мирян униатской епархии в Пряшеві от 28 апріля 1950 року” (см. “Свет Право-

славия”. Пряшев, 1950, № 5, стр. 70) о отміні унії на Пряшевщині, удалось в течение сравнительно короткого часу своим кропотливым организационным роботом полностью сконсолидировати народ, приведенный в волнение бішенном антиправославном агитационм ватиканских агентов. В истории мы не находиме такого приміра, штобы віруючы так дружно и энергично принялися за яке-небудь діло, як того мы виділи в 1947 року на Буковской Горкі при ремонті старинного монастырского храма и часовні, котры на очах руководителей униатской церкви перемінялися в розвалины. Ніт, нечестно метати грязь на Православну Церков, за котру немало пострадали наши предки!

По адресу д-ра Л. Голдоша мы можеме сказати ище слідующе: Нечестно давати “указания” своим подчиненным, яким образом треба было официально ліквидовати унію на Пряшевщині, и затом “надіти кожух на выворот”, стати “невинным баранком” и поучати противников Православия, яким образом треба восстановить унію на Пряшевщині (см. “Ако са ліквидовала грекокатолицка циркев”. — “Католицке новины”. Братислава, 1968, № 17, стр. 5) Єднак, было бы честно, если бы д-р Голдош создал положение, штобы настоятель братиславского православного прихода мог вернуться в свою квартиру, котру он в своем часі занял, злоупотребил своим положением главного режисера дійствия “П”. Конечно, нашу общественность интересовало бы также діло покупки 12 автомобилей за счет сумм Пряшевской епархии, переведенных в Братиславу в банк на еден текущий счет, котрым мог диспонувати лем шеф учреждения по церковных ділах. Нам извістно лем, што на tych автомашинах роз’їзжали по Братиславі всякы антиправославны агитаторы. Д-р Голдош мог бы информувати нашу общественность, як скончилася афера с упомянутыми автомашинами, не їздит ли он до tych пор ище на одной из tych автомашин?

Всім мастерам пера, головным образом, Ростиславу Волфу (см. “Русин нібы украинец?” — “Культурни творба”. Прага, 1968, № 17, стр. 10) и анониму замітки “Тверезо дивитись на справу реабілітації” (“Нове Життя”. Пряшев, 1968. № 20, стр. 3) рекомендуеме познакомитися с исторіом церкви Закарпаття и Пряшевщини, штобы своими ничым необоснованными данными не вводили в заблуждение читателей. Ложь и клевета не може принести ніякой пользы ни едной, ни другой стороні. Взятый из архива НС документ, котрым воспользовался Рос-

тислав Волф (см. "Акце П (православи)", там же, стр. 11), переполненный ненавистью, ложью и клеветом на Православну Церков. Он не може дати читателю нічого полезного для объективного суждения о положении церковных дел на Пряшевщині. Конечно, нас удивляет особенно аноним замітки "Тверезо дивитись на справу реабілітації", в котрой он поучат противников Православия, яким образом они могут успішно "объединити" руснаков на Пряшевщині. Кто он такий? Нечестно скриватися "учителям" правды и справедливости за спином редакции!

8. ЯК ОТНОСИЛСЯ К ПРАВОСЛАВИЮ ЕПИСКОП ПАВЕЛ (ГОЙДИЧ)?

Щоботи хоц коротко отвітити на тот вопрос, неможна не зробити екскурсию в область прошлого, памятаючи, што существенны факты прошлого освічают события настоящего.

Я лично знал епископа Павла ище будучи гимназистом, воспитанником "Школьной Помощи" в Ужгороді. В тот час о. Павел жил в интернаті василиан. В ограді интерната стоял старинный православный храм. Именно в том храмі я перший раз случайно встрітился с о. Павлом. Тот храм, очевидно, был единственным місцем, где о. Павел мог спокойно молитися. Коли я случайно зашел в храм, о. Павел стоял в ньом на молитві.

И ділове отношение у мене было к епископу Павлу. В Пряшеві я был у нього в 1934 року разом с Петром Марчишиным. Буковяне повірили нас посітити Владыку Павла и просити його представить нам участок церковной земли для постройки новой русской государственной школы в Буковци возлі старой церковной школы, штобы обі школы могли тісно сотрудничати. Владыка Павел любезно принял нас и удовлетворил нашу просьбу. Правда, к постройкѣ школы не дошло, так як настоятель буковского прихода, о. Ярослав Капшиковский, уж на собрании, в присутствии школьного инспектора Войташка, выступил против государственной школы, мотивуячи, што в государственной школѣ будут проповідовати атеизм, и спустя некоторого часу без відома буковян сорвал весь план школы, для постройки котрой уж было обеспечено 150.000 корон по мойому ходатайству в Министерствѣ школ и народного просвіщения в Прагі. Не тото особна статья.

Я уважаю Владыку Павла за його национальну стойкость и защиту русского слова под Бескидами. Послі окончания Вели-

кой Отечественной войны мні барз хотілося встрітितися с Владыком Павлом. К сожалению, такой возможности не оказалося.

В началі 1950 року в Пряшеві ишла подготовка хиротонии пряшевского православного епископа. Едночасно подготавлилася и хиротония епископа Оломуцко-Брненского. Руководители Православной Церкви рішили высокаторжественно отмити тото событие. Они пригласили в Чехословакию митрополита Крутицкого и Коломенского Николая для возглавления торжеств, котры начались в Оломунци и кончились в Пряшеві.

Небывалым дньом было для Пряшева воскресение 12-го февраля 1950 року. С вчасного рана стѣзжался народ со всіх уголков Пряшевщины в свой культурный центр — город Пряшев. Около 10 години місто Пряшев оказалось в полной осаде народа. Массы людей заполнили и посторонны улицы пряшевской головной площади. Торжество вылилося в грандиозну манифестацию за мир, за счастья людей всего світу. Высокаторжественно произвучала пламенная бесіда митрополита Николая к народу из главной трибуны. Бурны аплодисменты кончились громкими возгласами: Да здравствует патриарх Алексий! Да здравствует митрополит Николай! Да здравствует митрополит Елевферий!

Послі манифестации за мир в храмі св. Александра Невского в Пряшеві состоялась хиротония пряшевского православного епископа Алексия (Дехтерева). Не лем храм был битком набитый вірующими, но и церковна ограда оказалась в осаде народа. Всі хотіли присутствовать на торжествѣ хиротонии епископа. Послі хиротонии в великой сали готеля "Чорный Орел" в Пряшеві состоялся торжественный обід, на котром, кромѣ архиереев, приняли участие: "официальны представители Правительства, представители Совітского посольства в Прагі и Совітского консульства в Братиславѣ, представители политических, административных, культурных и церковных организаций, представители и члены приходских совітов цілой епархии, духовенство и миряне, участвующие в церковной жизни епархии, и много народа" (Свет Православия". Пряшев, 1950, № 3, стр. 41). Греко-католицку епархию представлял на обіді каноник Федор Ройкович, председатель Русского Национального Совіта в Пряшеві в 1939 року (см. "Пряшевщина", исторично-литературный сборник. Прага, 1948, стр. 263).

Торжества Православия кончились великоліпно. Всі задоволены, с усмішкой на устах, розѣхались по домах. Против-

ников Православия не оказалось... Конечно, не можна не отмітити при том тот факт, што епископ Павел (Гойдич) избігал встрічы с православными. Тыждень до приїзда митрополита Николая в Пряшев епископ Павел выїхал из Пряшева в Михайловцы, в монастыр на “реколекции”, где собирався остати два тыждні. Но вот — не выдержала душа русского человека. В неділю в обід, в день хиротонии епископа Алексия (Дехтерева), Владыка Павел вернулся в Пряшев и изъявил желание встрітисся хотяй бы с новопоставленными епископами Православной Церкви в Чехословакии: Честмиром, епископом Оломуцко-Брненским, и Алексием, епископом Пряшевским. Свое желание сообщил мні Владыка Павел посредством Алексия Фаринича. Я с удовольствием сразу же предпринял надлежащие міры: доложил о том Владыкѣ Елевферію, затым митрополиту Николаю и канцлеру Борису Черкесу, котрый откомендувал мене к представителю Министерства культов д-ру Владимиру Екарту. Тот, выслушал донесение, різко сказал: “Уж поздно!” Я с грустью сообщил А. Фариничу отрицательный результат ходатайства. Слѣдовательно, встріча Владыки Павла с архиереями Православной Церкви не состоялась.

По уплыві даякого часу органы безопасности арестовали епископа Павла. В связи с його арестом были арестованы и його сотрудники. Многы были арештованы в тот час. Вот, наприклад, в Стропкові, в интернаті русского містичского училища, директором котрого был А. Крайняк, робили монахи́ні — вавилиянки. Еднак ночью пришли в интернат органы безопасности и арестовали монахи́нь, оставивши в интернаті лем едну — пряшевчанку. В тот час я посітил интернат в сопровождении директора А. Крайняка. Монахиня посвятила нас в жизнь интерната и затым испугано начала говорить о аресті монахи́нь:

— Пришли ночью и взяли их с собой — говорит.

— Кто были тоты сестры? — спрошую.

— Недавно пришли к нам из Галиции — отвічат.

— Будьте спокойны — успокою выстрашену сестру, — продолжайте робити в интернаті так же, як до тых пор! Раз вас оставили, значит, у вас все в порядке и ніт причин волноватися.

Кто были тоты арестованы монахи́ні?

Отвіт на тот вопрос мы находиме в книгі Вацлава Славика “Права тварж бандеровцев” (настоящее лицо бандеровцев. Прага, 1948, стр. 13), в котрой говорится:

“Я принимал участие в многих нападениях и грабежах

сел, котры наши священники называли сбором на боевой фонд. В нашем районі грошы и золото, накрадене в часі тых нападений, я передавал священнику Тельнику. Он, як я потом узнал, третью часть грошей и все золото оставлял у себе, третину давал жені, а третину давал своей любовнице, какой-си - то “Степевой”. Я виділ ей, коли она с священником Тельником убіжала в ліс, а одталъ ей он с мішком долларов и золота в руках послал переодітом монахи́ньом через границу в Словакию, в Пряшев, в еден греко-католицкий монастыр”.

Таких “монахи́нь” было немало на Пряшевщині в 1947 року. Извѣстно и “Дѣйствие Б против гражданской сѣти”. В тот час на Пряшевщині было арестовано много бандеровцев, біжавших из Галиции в Словакию.

Неизвѣстно, давал ли епископ Павел яки-небудь указания против Православия. Извѣстно лем, што “с ним немож (было) говорить по тому ділу” — по словах каноника Федора Ройковича. Несмотря на то, приходится лем сожалѣти, што церковно-народная дѣятельность епископа Павла (Гойдича) кончилась трагически. Еднак, мы можеме с полным увѣренностью констатировати, што епископ Павел пал жертвом василиан-галичан и редемптористов-чехов, котры злоупотребляли його добротом и милосердіем, самовольно устроювали в монастырях бандеровцев и “священников”, біжавших из Галиции на Пряшевщину, главным образом, послѣ ликвидации Брестской унии 1596 року, отміна котрой была провозглашена во Львові на Соборі греко-католических священников и мирян, состоявшемся 8—9 апріля 1946 року, производили в епархии всякы незаконныя, навѣрно, и без його відома на його “счет”, раскрытый в книгі Министерства справедливости “Процес проти властизрадным бискупом Янови Войташкови, Михалови Бузалкови, Павлови Гойдичови” (Братислава, 1951). Факт остаеся фактом. Процесс состоялся и приговор был вынесен не лем над епископом Гойдичом, но и над епископами Войташком и Бузалком. Если тот процесс был результатом дѣятельности всяких культов личности, без существенных причин, як в настоящий час утверждают противники Православия, мы можеме только сожалѣти. Во всяком случаю, еднак, не треба мішати діло епископа Гойдича с отміном унии на Пряшевщині.

Д-р ИВАН ШЛЕПЕЦКИЙ

Д-р ИВАН ШЛЕПЕЦКИЙ

ПРАВДА О ОТМІНІ УНІИ НА ПРЯШЕВЩИНІ

В связи с пробігающим дискуссиом о демократизации нашей общественной жизни розгорілися страсти недругов Православной Церкви, главным образом, тех, кто в свой часі был привлечен к ответственности органами чехословацкой юстиции за сотрудничество с гитлеровцами и их прислужниками, бандеровцами. Пользуясь случаем проводимых в жита демократических начал, они мечут грязь на Православну Церков, распространяют в народі слухы, што они, мол, были арестованы из-за того, што отказались воссоединиться с Православном Церквом, што уния, мол, была ликвидирована насилем. Вследствие того они стараются зобудити ходатайство о ей восстановлении. Так як их утверждение не соотвітствует действительности, я рішыл предложить нашей общественности по той справі дакотры роз'яснения.

И так, при рассмотрюванію діл Православной Церкви на Пряшевщині слідує мати в виду два совершенно ріжны факты, почти едновременно мавших місце на Пряшевщині, а именно:

1. діло епископа Павла Гойдича (см. "Proces proti vlastizradnym biskupom Janovi Vojtaššakovi, Michalovi Buzalkovi, Pavlovi Gojdičovi". Братислава, 1951. Издание Министерства справедливости) и

2. отміна унии на Пряшевщині (см. "Постановление Собора греко-католического духовенства и греко-католических мирян униатской епархии в Пряшеві от 28 апріля 1950 року". — "Свет Православия". Пряшев, 1950, № 5, стр. 70).

Я не буду рушати діла епископа Павла Гойдича, так як оно изложено в упомянутой книзі Министерства справедливости. Но неможно не отмінити тот факт, што в связи с процессом епископа Гойдича были привлечены к ответственности всі його сотрудники. Личный секретарь епископа Павла, о. Борис Туркияк, наприклад, был арештованный уж в тот час, коли он, воссоединившись с Православном Церквом, был личным секретарьом епископа Алексия (Дехтерева). Слідовательно, о. Борис Туркияк не мог быти и не был арештованный из-за ликвидации унии на Пряшевщині. И генеральный викарий Пряшевской православной епархии, о. Дезидерий Шудих, был арешто-

ванный не из-за ликвидации унии. Значит, арештованы были лем тоты, кто мал отношение к ділу епископа Павла (Гойдича). Тото положение неперемінно слідує мати в виду при рассмотрюванію отміны унии на Пряшевщині и не мішати діло епископа Гойдича, осужденного за государственну измину, с торжественным провозглашением отміны унии в Пряшеві 28 апріля 1950 року.

Ніт сомніния, што Ужгородска уния 1646 или 1649 року была навязана нашему народу насильственно с помочом государственных органов всіх категорий. История свидетельствует и о том, што в течение всіх 300 літ уния существовала в Закарпатію лем завдяки державному покровительству и охороні органов народной безопасности. Як лем тота охорона пала, унии уже не стало. Извѣстно, што наш народ нераз пытался освободитися от унии с Римом. Но всякы попытки были подавлены органами народной безопасности. Таким образом был остановленный православный рух послі первой мировой войны.

Послі провозглашения отміны Брестской унии 1596 року на Соборі греко-католических священников и мирян, состоявшемся 8—9 марта 1946 року во Львові, и Ужгородской унии 1646 року на Чернечой Горі 28 августа 1949 року в день традиційного "отпущу" Успения Пресвятой Богородицы при стечении множества богомольцов со всіх концов Закарпатія, отміна унии на Пряшевщині оказалась неизбежным нормальным явлением. В прочем, юридически она прекратила свое существование дньом ликвидации Ужгородской унии, на котру навязывалось существование Пряшевской униатской епархии.

Наш народ на Пряшевщині не отставал от своих братьев Закарпатія и в церковном отношении. Сразу послі окончания Великой Отечественной войны началось сильне движение віруючих за воссоединение с Православном Церквом. Віруючих "униатских" сел, котрых в часі войны обслуживали православны священники (о. архим. Савва в области г. Лаборца, о. архим. Олег на Маковици, в области г. Свидника-Владимировой, о. прот. Алексей Омелянович в области г. Бардиева и др.), послі войны не хотіли пустити в свои храмы униатских священников. Православны священники обслуживали "униатов" так долго, покаль органы народной безопасности не закали им вступати в "униатскы" храмы. При том слідує отмінити, што тоже незавидным было положение православно-го духовенства и в часі войны, коли жупан "Шаришко-Зем-

плинской жупы” Дудаш распорядился (секретным циркуляром от 28 января 1943 року, № 726/III—Ф/1942 ШБ), чтобы органы безопасности следили за деятельностью православных священников (см. “Свет Православия”. Пряшев, 1948, № I, ст. 3). Як видно, реакційны силы непрестанно протидіювали розпространению Православия на Пряшевщині, они пытались и на тот раз спасти унию с помочом органов народной безопасности. Но того дійствие уж не произвело особенного влияния на ход діла, остановити движение перехода віруючих в Православие уж не оказалось возможным.

Зараз послі войны в Лаборци началась постройка православного Храма-Памятника русским воинам, павшим в боях в Карпатах в первой и другой мировых войнах, почетным председателем Комитета по постройке котрого был генерал Людвик Свобода. На той постройке робили бригады, в котрых участвовала, главным образом, “униатска” молодеж. Всі чувствовали себе православными так же, як и их братья в Закарпатью, котры прямо покинули унию и о. Иренею Кондратовичу осталось лем 28 августа 1949 року на Чернечой Горі высокаторжественно провозгласити, што уния исчезла и ей больше нїт.

В сентябрю 1946 року перший раз посітил Пряшевщину Екзарх Московской Патриархии в Чехословакии архиепископ Елевферий. Был он в Пряшеві, Бардийові, Венеции, Лукові, Бехерові, Владимировой, Гуменном, Лаборци и в других міс-тах и селах. В Бардийові воодушевленно встрітил Владыку Елевферия председатель Окружного Национального Комитета Подгаецкий, в Гуменном — директор русской гимназии Степан Бунганич, в Лаборци — депутат Василий Капишовский. Народ всядиль встрічал Владыку Елевферия хлібом-солью. Доцент Ленинградской духовной академии А. Ф. Шишкин, сопровождавший Владыку Елевферия был несподіваний глубоко віром нашего народа, коли он виділ, што віруючы, просты люде Пряшевщины, клячали на коліна, крестилися, привіт-ствующи проходившого Владыку Елевферия (см. “Дны духовной радости на Пряшевской Руси”. — “Костер”. Прага, 1946, № 7—8, стр. 120).

Православне движение на Пряшевщині из дня в день все больше и больше усиливалось. Коли в августі 1949 року на Буковской Горкі предложили народу присоединитися к так называемой “католицкой акции”, подписати акт о присоединении к движению прогрессивного католического духовенства, ві-рующы, собравшыся ту на традиційный преображенский “от-

пуст”, без всякого колебания категорично заявили: “Ничого не подписуеме, мы не маме ничего общего с католиками!” (см. “Буковска Горка”. — “Правда”. Филадельфия, 1966, № 7). Но недруги Православия робили свое діло. Коли “униаты” сел Снинского округа просили и прямо требовали, чтобы послати им православных священников, управляющий ділами Екзархату Московской Патриархии в Прагі Борис Черкес запретил посы-лати ту православных священников, мотивуючы: “штобы не повредити католицкой акции”. Віруючы были удивлены таким отношением Бориса Черкеса к православному движению.

Высокаторжественно прошла и хиротония Пряшевского православного епископа Алексия (Дехтерева) при многочис-ленном стечении віручих со всіх концов Пряшевщины, котра состоялась 12 февраля 1950 року в кафедральном храмі св. Александра Невского в Пряшеві. Казалось, тым и кончилось существование унии на Пряшевщині...

Но зато, реакційны силы видячи всьо того, пустили в ход всю машинерию езуитских приемов, чтобы остановить право-славне движение. Началась бішена агитация, под воздійстви-ем котрой сошли с пути даже некотры депутаты. Так, наприклад, депутат д-р Иван Рогаль - Ильків ище до хиротонии епископа Алексия останавливает дійствие віруючих, требовавших пере-дачу греко-католицкого храма в Кошицах в пользование пра-вославных, депутат Василий Капишовский на собрании Окруж-ного Национального Комитета в Снині заявлят: “Мы не до-пустиме, чтобы в наших селах розпространялося Правосла-вие!” Член ОНК в Снині о. Йосиф Грега был удивлен таким преступным заявлением депутата Василя Капишовского, кот-рый так радушно встрічал в Лаборци Екзарха Московской Па-триархии архиепископа Елевферия. Правда, того заявле-ние дуже поддержало дійствие реакційных сил. Сторонники Ватикана, розїзджаючи по селах, предпринимали всі міры, чтобы сбити с дороги віруючих и остановить православне дви-жение.

В февралю 1950 року приїзджат в Чехословакию на тор-жества Православной Церкви Митрополит Николай. На грани-ци, в Чопі, кромі государственных представителей, встрічают Владыку Николая и депутаты Пряшевщины, д-р Иван Рогаль-Ильків и Василий Капишовский. Митрополит Николай послі окончання торжеств, послі хиротонии епископа Пряшевского Алексия (Дехтерева), возвращатся в Москву, а депутаты д-р Иван Рогаль-Ильків и Василий Капишовский принялись за

официальную ликвидацию унии на Пряшевщине. На 28 апреля 1950 року был созван Собор греко-католического духовенства и мирян, на котором было вынесено постановление о отмене унии на Пряшевщине (см. "Конец унии в Чехословакии". — "Свет Православия". Пряшев, 1950, № 5, стр. 65—78).

При том слідує отмітити, што в тот самый час началось діло епископа Павла (Гойдича), который сіл на лаву подсудных за державную зраду, як сообщат нам книга Министерства справедливости

"Proces proti vlastizradnym biskupom Vojtaššakovi, Buzalkovi, Goidičovi".

В связи с тем процессом органы народной безопасности арестовали всіх сотрудников епископа Гойдича. Тото явление весьма неблагоприятно отразилось на дальнейшем ході ликвидации унии. В народі начали распространяться слухи, што греко-католических священников арестуют, потому што не хотят перейти в Православие. Тота зловредна агитация ватиканских агентов помешала консолидации населения, котре и в теперішньом часі готове вірити, што униатских священников на самом ділі арестовали из-за ликвидации унии. А тото далеко не так. Як выше мы уж отмітили, личный секретарь епископа Павла (Гойдича), о. Борис Туркияк, был арештованный уж послі воссоединения с Православном Церквѣм, а именно товыдль, коли он был уж личным секретарѣм епископа Алексия (Дехтерева). Слѣдовательно, його арештовали за сотрудничество с епископом Павлом, выразившемся в державной зрадѣ, а не из-за ликвидации унии.

Слѣдує отмітити ище и тото, што унию ликвидировали униаты. Православны долго послі провозглашения отмены унии на Пряшевщине грали ту ролю другостепенну. Я, наприклад, як секретарь Епархиального Совѣта Пряшевской православной епархии, даже Пряшев должен был покинуть ище до ликвидации унии. Послѣ мойого ухода в епархии стал распорядиться депутат д-р Иван Рогаль-Ильків. "Тепер я ту бискуп" — заявил он в епархии. Так под "управлением" того "бискупа" начали вмішуватися в діла Православной Церкви разны реакційны элементы, дѣйствие которых нарушыло нормальный ход діла консолидации віруючих на Пряшевщине послѣ ликвидации унии, создало хаос в епархии, в часі которого реакційны силы разбазарили миллионный мертвый и живой маєток Пряшевщины, конечно, с відома и согласия пресловутого канцлера Екзархата Московской Патриархии в Чехослова-

кии, Бориса Черкеса, вірно исполнявшего задания д-ра Губа, представителя Чехословацкой церкви, который хотѣл поглотити Православну Церков в Чехии, д-ра Владимира Екарта, представителя Министерства культѣ, д-ра Ладислава Голдоша, уполномоченного по церковным ділам, шілью которого было ликвидовати на Пряшевщине руснаков разом с их греко-католичеством и православием согласно программѣ Словацкой Лиги, и других темных антиправославных элементов, стремлением которых было ликвидовати едновременно и Православие с його ориентацией на Восток. Так, нераз у мене был конфликт с тем "канцлером", коли я зас начал принимать участие в ділах Пряшевской епархии послѣ ухода из нѣей "бискупа" д-ра Ивана Рогалья - Ильківа. От, наприклад, в Пряшеві в присутствии генерального викария Дезидерия Шудиха, Борис Черкес предложил мѣ подписати акт о отступлении дакотрых участков и домов в Пряшеві так назыв. социалистическому сектору. Я отказался подписати такой документ, доказуючи, што епархия нуждается в тых участках и зданіях. О. Дезидерий Шудих прямо "смылся" из канцелярии, коли я начал голосный разговор с Борисом Черкесом по том ділу. Теперь в одном с тых домов устроеный Православный богословский факультет, секретарѣм которого был в один час и Иван Мацынский. Много вреда сдѣлал Православной Церкви Борис Черкес под воздействием антиправославных элементов, державших його в функции "канцлера" Православной Церкви в Чехословакии. Своим погубным дѣятельностью погубил он и Митрополита Елевферия и самого себе.

В создавшемся под руководством "бискупа" д-ра Ивана Рогалья - Ильківа в епархии хаосі некотры воссоединившыся священники начали кривити душой, распространяти слухи в народі, што они, мол, не воссоединились с Православном Церквом. От, наприклад, о. Гавриил Ставровский даже благочинным (деканом) Гавайского благочиния (деканата) был назначеный. Я сам, як исполняющий обязанности директора канцелярии Пряшевской епархии, выставил йому декрет о назначении благоличным (деканом), который был посланный йому заказным. Он же стал утверждати в народі, што он не перешол в Православие. Конечно, все тото он робил по указаниях генерального викария Пряшевской епархии о. Дезидерия Шудиха, который перед часом был арештованный в связи с ділом епископа Павла. Правда, к тому придался ище еден инцидент, обративший на него внимание органов юстиций. Коли был в

Свиднику президент Антоний Запотоцкий, о. Дезидерий Шудих собрал группу невоссоединившихся униатских священников, котра явилася у президента Запотоцкого с просьбой о восстановлении унии. При следствии оказалось, што тотта группа нарушала консолидацию населения на Пряшевщині, продолжала проводить антигосударственне, бандеровске движение, финансване Ватиканом посредством своих агентов в Румынии и Венгрии (см. діло Дезидерия Шудиха).

В часі возникшого хаоса недруги Православия старалися вредити православному движению, где лем могли. Они самовольно захвачали недвижимо церковне имущество, приходскы хозяйственны здания и даже приходскы дома. Містный Национальный Комитет в Воронові, наприклад, злоупотребил своим властью, без відома и согласия церковных органов, построил здание для МНК из материалов, подготовленных для постройки храма, на місци, где должен был строиться храм. В епархии робилися невіроятны беззакония. Посторонному наблюдателю казалось, што то заговор темных сил всіх мастей против Православия и його ориентации на Восток. Искусственно создалися недорозумления, очевидно, с цілю, штобы потом можно было распространяти в народі слухы, што унию, мол, ликвидовали насиліем. О. Гавриил Ставровский, наприклад, продолжительный час дійствовал прямо провокативно.

Тернистым путем прошла Православна Церков на Пряшевщині. Але, несмотря на протидійствия со стороны недругов Православия, она вышла побідительницюм. Своем кропотливом организационном роботом она провела консолидацию вірующих, взяла под охрану даже такы историчны памятники, котры руководители униатской церкви предали разрушению. Приміром того може послужити восстановление, генеральный ремонт старинного монастырского храма и часовні на Буковской Горкі, освящение котрого совершил в августі 1967 року, в день традиционного преображенского "отпуста", Владыка Николай, епископ Пряшевский. И действительно, православны діятели немало потрудилися на благо Православной Церкви на Пряшевщині. Заміститель министра Государственного управления по церковным ділам д-р Я. Гавелка по праву заявил в февралі 1950 року: "Уж в прошлы роки труженники Православной Церкви Пряшевской епархии совершили велике діло. В тяжких условиях, с беспримірном жертвенностью они полагали основания для успішного будущего Церкви и едночасно с отличным патриотизмом распространяли в народном

середовищу любов к родині и республикі. Діятели Православной Церкви на ділі указуют, як можно соединити подлинне христианство с любовью к родині и чисте, искренне религиозне чувство со строительством нового, лучшего общества" ("Свет Православия". Пряшев, 1950, № 3, стр. 45). Діятели Православной Церкви на Пряшевщині непрерывно идут вперед по едному и тому же пути, распространяют мир и любов в народі в сознании, што полне благосостояние лем там, где мир и любов, и недопустимо, штобы настояще положение развития и укріпления Православной Церкви на Пряшевщині нарушали тоты, кто в дни Великой Отечественной войны измѣнил своему народу, віковым традициям Православной Церкви в Закарпатью вообще (см. "Меморандум кат. духовенства" г. Лаборца и його окрестностей о ликвидации Православия на Пряшевщині. — "Свет Православия". Пряшев, 1948, № 1). Демократіом не могут пользоваться государственны преступники, нарушители общественного порядка. Было бы весьма недемократично, если бы было позволено кому-небудь розпалати новы религиозны бои серед вірующих на Пряшевщині.

И так, в интересі демократизации нашей общественной жизни каждый гражданин должен мати в виду віковы чаяния нашего народа, стремившогося освободитися от унии с Римом, и при рассмотрювании современного положения церковных діл не мішати діло епископа Павла (Гойдича) с отміном унии на Пряшевщині. Уния на Пряшевщині ликвидована законно на полных демократичных началах фактично ище до ей официальной ликвидации, ей уж ніт, 28 апріля 1950 року она окончательно похоронена и ничего пытатися воскрешати ей в тот час, коли цілий христианский світ говорит о воссоединении всіх христианских церквей на подлинных христианских началах. Православна Церков привітствует именно такое объединение, во главі котрого стоял бы Собор предстоятелей всіх помістных христианских церквей, включительно папы римского. В том направлении повинны бы розвинути свою діяльність и недруги Православия, если они рахуют себе христианами. Ну же, общими силами вперед за Православие, за благосостояние віруючих, за объединение христиан всього світа на подлинных христианских началах!

Прага, 5 апріля 1968 р.

Доц. Д-р АНДРЕЙ ШЛЕПЕЦКИЙ

ПРЕЗИДЕНТ ЛЮДВИК СВОБОДА НА ПРЯШЕВЩИНІ

Пряшев, ЧССР.

23-го мая с. р. Пряшевщина достойно встретила легендарного героя за освобождение ЧССР, президента Людвика Свободу. За последних 23 роков, ту, на историчном Дуклянском перевалі, где лежат вечным сном больше як 80 тысяч героив Советского Союза и 8 тысяч чехословацких воинов, пришли поклониться сотні выдающихся государственных деятелей СССР, стран социалистичного лагеря, представители Франции, Англии, Америки, Канады. Мы памятаме, як в своем часі ту пришоу любимец народа президент Антоний Запотоцкий, министр обороны СССР маршал Малиновский и др. Всі русины достойно встретили своих дорогих гостей. Но Пряшевщина на тот раз встретила президента Л. Свободу, котрый на Пряшевщині, в дни дуклянских боёв расположил свой штаб в русинском селі В. Буковец, а послі освобождения страны, благодаря його личной поддержке русины Пряшевщины отримали материальну помоч. Под його руководством был побудованный Храм-памятник в Лаборци — як символ братства меже ЧССР и СССР! И вот, русины дождалися своего дня. Среди них побывал любимец народа, герой Советского Союза и ЧССР, президент Л. Свобода. Николи не забыти того світлого майского дня!

Година 9:30 рано. Из Кошиц в Пряшев приізжат колона автомашын “Шкода - 603”! Впереди, увінчена многочисленными свіжими цвітами, їхат машина президента! Каждый приближятся к машині, мече цвіты, желат, хотя на секунду, увидіти человека, первого гражданина ЧССР — ПРЕЗИДЕНТА!

В центрі Пряшева, где стоит памятник А. Духновичу, находится тьма людей. Иголка не упала бы на землю. Хотя рабочий день, весь город як бы омолоділ, стал красивым! “Сивенький наш батько”, — кричат пионеры! Президент останавливается около містной ратуши, возлі здания, где 16 июня 1919 р. была провозглашена Словацка Республика Рад. С теплым словом привітствуе президента председатель МНК Еміль Рейнкрафт. Пре-

зидент обертається тихим словом к гражданам Пряшева: “Вірність за вірність любов за любов!” Записавши в книгу МНК — президент отправляється к Дукли.

От Пряшева до сусідного місточка Гиральтовци всего 30 км. Узнавши граждане Гиральтовец, што президент ту не остановится, товдиль выслали свою делегацию в Кошыці с требованием: “Если иначе ніт, то ляжеме на дорогу, но остановится ту Он должен”. Дійствительно, и ту остановился. Потом президент остановился в м. Стропкові. Пришли ту из всіх сел, особенно рады были селяне мойого села В. Буковец, где президент 3 місяцы прожил в дни жесточайших боёв на Дукли. Жители русинских сел от Стропкова до Свидника застелили дорогу цвітами, и на каждом селі мы замічали лозунгы на родном материнском языке: “Привітствуеме нашего любимого господина Президента”, “Свидник привітствует свойого освободителя”.

От Свидника на Дуклю 20 км. Коли-то полностью разрушены села и дороги, гнес красивы здания, народ оділся праздно!

Дукля! Цілий світ знае тото священне місце! Горят греческы огні... Президент кладет лично вінец павшым героям СССР, Польши, ЧССР! Он тихо стоит и глубоко задумался... Народ плаче... Президент останавливается при могилі павшого генерала Сазавского. И вдруг 75-літна русинка Русинко из села Комарника, котра перша из жен встретила генерала Л. Свободу на чехословацкой земли. Президент ей познал, тепло обнял и даже нескілько минут поговорил. Ніт слов, штобы описати данну встречу!

Час летит. Обідный час. Президент с представителями Пряшевщины, с министрами инж. Дзуром и Павлом останавливаются в готелю “Дукля” в Свиднику. В тот час со всіх концов Пряшевщины спішыт народ в амфитеатр. Собралось больше як 30 тысяч русинов! Президент обращается к народу:

“Перед 24 роками в чрезвычайно трудных и усиленных боёв в Карпатах и на рікі Ондава мы порозуміли, як легко в 1938 року стратили свободу и як трудно ей добываеме обратно. Около 140 тысяч советских воинов и приблизительно 12 тысяч чехословацких пролило свою кров в боях за свободу словацкого и чешского народов. Сегодня свою жизнь, свободу и судьбы операме о вірных и надійных друзей. Тым являться Советский Союз. Так, Советский Союз подтвердил свое братство своим кровью и николи нас не оставил и не изменил. Наоборот,

стоит с нами твердо и верно. Тоту действительность мы должны снова порозуміти и припоминати гнес и штоденно, особенно в гнешних горячих днях, коли агрессивны войны ище не окончилися, коли реваншистичны и националистичны силы в Западной Германии зас двигают головы и выступают с печально извѣстными староновыми требованиями против независимости и территориального единства нашей Республики.

Потому говорю открыто всім и на всі стороны: наша дружба с Совѣтским Союзом является твердом и постоянном. Мы не даме ей никому ослабити, ни нарушати. Наоборот, мы будем ей в будущем ище больше и всесторонно укрѣпляти и расширять. Благодаря Совѣтскому Союзу, международное положение Чехословакии является прочным, як николи перше. Сегодня мы можемо спокойно спати и робити — без старости о свою свободу и государственну независимость. Надійном поруком в том являются Совѣтский Союз. Гваранциом тому являются и наш союз с другими социалистичными государствами, котрый и в будущем буде всесторонно укрѣпляти. Мы хочеме розвивати добры связи и сотрудничество и с нашими несоциалистичными сусідами... Не могу в Свиднику не вспомнути единство, котре сѣмволично представляют Дуклянский и Свидницкий кладбища. Ту вічным сном лежат друг при другу по-братски русины, словаки, чехы из Волины, из Чех и Моравии, совѣтски воины, всі коло себе. Тоту единство павших геройов нас обязує к единству и нас живых!" (Отрывки из газеты ЦК КПЧ "Правда" от 24-го мая 1968 р.).

К вечеру Президент Л. Свобода был уж в Кошицах и в тот же ден вечером был в Гіраці.

Действительно, триумфальный путь! Русины гнес омолодли. Они вірят, што полна свобода буде дана и им, и больше не имеют права розмаиты националисты и недобиты фашисты оскорбляти народ, больше 40 тысяч котрого вышли из Карпат, и разом с героическом Совѣтском Армиом освободили Карпаты, и всю Чехословакию от фашизма.

Гнес, коли в ЧССР проходит демократизация, мы ище раз озерамеся в прошле и твердо віриме, што наше счастье и благополучие лем разом с народами родных братьов по ту сторону Карпат — русским, украинским и білорусским народами. А тот, хто хотіл бы тоту дружбу розорвати, най знат, же повстанут ище раз закарпатцы и товдиль потребуют того, чого так добивался наш герой Адольф И. Добрянский: "Жить навсегда с Россией и Украиной".

ТРЕБА РІШАТИ НА КОРЫСТЬ ЛЮДЕЙ

(Перепечатано с газеты "Нове Життя" в Пряшеві)

Пробачте, што пишу латинским шрифтом, але мы дожилися до того, што в районі ніт друкерской машинки кирилком. Думам, што мои думки богатьом не полюбляться, але каждый має право выслвити того, што думат. Я думам, што необходимо дати возможность повісти каждому того, што он уважат правильным. Може ничего нового не повім, еднак повім много забытого. В нашей краині помылкы минулого выправляют открыто, хоц якы основны они не были бы. И лем мы боимеся высказати правду про свои хыбы.

Наш народ ту жыл от давна, жыл в дуже тяжких материальных умовах. Боролся за кусок хліба и за того, штобы он и його діти могли бесідувати и вчитися по-своему. Дуже досягнул и дуже жертв перенюс тот народ и за буржуазной республики. В часы другой світовой войны он перший организовал партизанскы бои против фашистов. Меже тыми людьми не было зрадников, в будь-яком будинку партизан нашол притулок. Бідный народ давал того основне от себе; сам ишол в партизанскы загоны, не жалувал свого житя, воювал в рядах Червеной Армии. Вшиткы його надії здавалося были так близкы до своей меты. А што сталося? Всядыль радость з вызволения, а у нас в Пряшеві утворюєся Украинска Народна Рада. Памятаме, што творилося из-за той назвы? Люде того не хотіли, тому, што не полюбил украинцев, и тому, што не хотіли, штобы их называли украинцами. Адже мы мали свое имя. Чом мы зачали встыдаться того, чого не ганьбились роками? Може вы повісте, што тоту было науково удоводнене и через того треба было назвати наших людей новом науковом назвом.

В том был початок вшиткого нашего зла. А ище и тепер боимеся признати, што зробили помылку. Вы можете мі заметати аргументами, што мы межуем з Украином, не з Россиом, што наша мова блисша до украинской, як до российской, але история нашего народу, то не история украинского народу, то и не история российского народу. То тоты историчны моменты, мі здаєся, мы недоцінили.

Тепер необходимо повісти и в том вопросі нашим людям правду. Кто был причиною того, што по выселению німцев треба было приступити до добровольного выселения наших

людей. Не тому пишу и обдумую тот вопрос, што я тоже там был, а тому, што то не было правильным в своей основі. Не можна было того допустити, чтобы наших людей окрадали, чтобы их прозывали гуцулами и т. д. Ту была допущена друга велика помылка. Ту не ишли реакционеры, а ишли люде з партийными квитками, ишли люде, яки вірили своим.

И наперекор вшитку тому тоты люде остали вірными своей революционной традиции. В Февральских подіях взяли зас зброю в руки. И посмотте на кільки нисша была бы кількость голосов в часы выборов, якшто не была бы в них така отданность нашей державі. А што мы дали за то людем? Може повісте, што не потребно то згадувати. Але я думам, што история и того не забуде.

Религийный вопрос. Кому потребно было выгнати греко-католицизм и замінити його православием? Мы грубо порушили права про религийны почутия народу. Адже всі добрі памятаме, як вшитку то робилося, як за єдну ноч всіх зробили православными. Чом словаки, чехы або поляки не міняли своих богов?

Кому потребно было міняти наши русскы школы на украинскы? Адже учителей не было. Народ столітими бесідовал по-русскы (най то буде по русинскы), а зразу йому сказали, што то не твой язык, ты повинен не лем называтися украинцем, але и говорити по-украинскы! Не была то помылка? Люде зачали вымагати словацкы школы. А мы зачали обвинувачувати людей, што роблят неправильно. Бабуся коло Гуменного зобрала за дві години подписы на словацку школу, а мы дивуемеса, як то неграмотна бабуся могла зробити?! Як бы были русскы школы, то той бабусі не впало бы ни на думку міняти то, што віками было добрым. **Мы административном методом взяли от людей то, што они любили, чым гордились.**

Наши газеты не треба было бы поширювати административным способом, тому што и чешска, и словацка молодеж читала бы нашу пресу. Про нас знали бы люде. Кто чытат тепер нашу литературу, кто чытат тепер нашу газету? Вам то видніше, лем не треба закрывати очы. Думате надруковати творы Духновича, правда, по украинскы для наших людей. Чом бы не друкувати Духновича так, як он писал. Адже он писал для нас языком, який и тот неграмотный газда товдыль розуміл. Тепер, коли зачинатся выправление минулого, было бы помылком, чтобы наши помылкы не поправити.

Много, хто думал, напевно, што коли впроваджувалася украинска мова в наши школы, што то дурниці, што книги

нам надішло Украина. Але што с того, коли дітина не розуміє што таке радгосп, не розуміла тому, бо у нас того не было. Тото, што было зрозуміле дитині на Україні, для нас того было незрозумілым. И мы його вчили, што дієся на Україні, а забыли йому повісти, што робится в нашем селі, то то было йому зрозуміле. Я думам, што ищи гнес так робится. Посмоттеся, скілько в газеті пишете про Украину, майже цілий журнал присвячений украинским писателям. Мы жиєме в Чехословакии и мы повинны нашим людем бесідувати перше за все про их житя, про житя их сел.

А коли посмотриме в пашпорты (доводы особисты) наших людей, яка в них записана национальность? Вы, може, будете бесідувати, што то тоже помылка минулого, што на СНБ им неправильно пояснили. Ничого подобного. Он там на СНБ бесідувал просто, што он словак. То зато, што он боялся, што його пошлют на Украину, а также боялся того, што його діти будут вчитися по украинскы. И вот наслідкы: на наших селах — словацка школа и жыют собі спокойно словакы. А мы кричыеме: винуваты державны органы, партийны органы, школы, учителя, родиче, діти. Лем мы без вины. То не так. Як што народ любит свою историю, яка она бідна не была бы, то чом мы бы не дали возможность нашему народу тепер любити то свое.

Тяжко, але треба буде вернутися до того, чтобы в наших школах прозвучала наша бесіда, чтобы в нас, в наших культурных центрах были наши гимназии, чтобы за слово “русин” не ганьбитися. При тому не хочу ту бесідувати про экономичне положение наших людей.

(СНБ — полиция в ЧССР).

АНДРЕЙ БІРОШ, Бардиев

НЕ БУДУ ТАК РОБИЛ

Не буду так робил,
Як єм доталь робил,
Жебым з камаратом
До дівчате ходил.
Камарат любувал,
А я ся чудувал,
Як ня жаль обышол,
Та єм домів пішол.

Пришол я сой домів,
Сіл я сой на лавці,
Так єм ся зажурил,
Як мі жыти далі.
Мама ся звідуют:
— Чогос, сыну, смутный?
— Теля ня поболо,
А што вам до того.

Т. и Гр. Бованко

Мгр. Е. Д. Яновицкая (Лавришь)

ТАЛЕРГОФ

В тот час, коли я пишу тоты слова исполнятся двадцет пять літ с часу торжественного открытия во Львові на Лычаковском кладбищи так называемого “Талергофского памятника”, — посвященно-го памяти жертв німецко - австрийского террора, пострадавших за свои прорусскы убјждения в роки первой світовой войны.

Як извѣстно, в концентраціонны лагери Талергофа, Терезина и друкы были загнаны по вражеским доносам десятки тысяч русских галичан, из котрых многы нашли свой послѣдній приют на так званом “кладбищи под соснами”. То были преимущественно шроты русскы селяне, виновны лем в том, што дома у них читалися книги Пушкина або Гоголя, што у них были русскы молитвенники. Всю их вину составляло то, што они принадлежали к галицко-руским общественным организациям або же молилися в православной церкви... В тоты лагери был заключенный цвіт галицко-русской интеллигенции, многочисленны представители галицко-русского духовенства, — як православного так и греко-католического.

Памятник сооружался по всенародной подписки, он производит больше впечатліние несмотря на свою, поражающую строгостью линий, простоту. Памятник украшат

символический барельеф: двуглавый орел (символ двуединой австро-венгерской монархии), терзающий Русь.

Русский Голос
Варшава 10.8, 1959. № 15.

* * *

1. Заключение в Медыничах

О Талергофі писали немногы. Во Львові до войны вышло из печати лем два издания Талергофского Альманаха I и II част.

Мні хотіло бы ся подчеркнути тоту сторону той “юдоли горя и слез”, о котрой молоде наше поколіня мало знае, а што для истории мае свое значение.

В своих воспоминаниях я коснуся только того, што лично пережила или видѣла — собственными глазами.

В Талергоф я попала с транспортом из Дрогобыча, в котром на 850 людей было всего чотыри дівчины. А именно: дві сестры Сушкевич из Стебника коло Дрогобыча, (мои подруги по гимназии в г. Холмі - люблинском и молодша дочка Николая Лютика из Ролева, тоже дрогобычского округа, Параскевия Николаевна Лютык. Сушкевичи были арестованы разом со своим старшим братом, студентом политехники, котрый в послѣдствии погыб на италиянском фронти. Старша из них, по имени Анна и сейчас жие в Стебнику, за-

мужна за Куликом, молодша Мария умерла от тифа по повороти из Талергофа.

С третьом арестованом, Параскевиом Лютик, мы часто сообщались перед первым св. войном, ище коли я училася в Дрогобычи, а затым на вакациях, коли я училася в России. Лем мы дві из женского пола участвовали в труппі гимназистов из русской бursы в Дрогобычи, роз’їзжаючи по окрестных селах с представлениями в псльзу бursы. Тото, очевидно, знали наши власти хорошо потому што, коли в одну из недѣль приїхала ку мні в гости Параскевия Лютык, то не заставши мене уж дома, подошла к тюрем в Медыничах, штобы увидѣти мене через вікно. Там она была арестована.

По дороге ко мні она встрѣтила жандарма “украинца” (мазепинца) по фамилии Бойко. Тот не был в службѣ, но видячи в Медыничах Лютык, он побіжал домів, взял ружие и подошел к стоячей около забора Лютык и сказал: “именем права вы арестованы”. Ждал, штобы тота направила ся в тюрьму. На ей вопрос — “за што?” — Бойко отвѣтил, “што йому извѣстно як она — Лютык — передавала для Лавришь чеколяду, а то зовсім выстарчат на то, штобы и вы сидѣли там, где уж тыжден сидит она”.

В тых днях дома был арестованный и ей отец.

Я уж была арестована разом со своим отцом около 15 августа 1914 года в селі Летні, где мы постоянно жили, пятью жандармами,

рано о 9 годині и перевезена в тюрьму в Медыничах, где просидѣла десят дней. В тот час приходило под тюрьму масса всяких “паненок и паничей” не лем медыницких, но где-то аж из Раделич, за 15—20 вєрст, як мні потом розказували, посмотрѣти на опасну шпионку — гимназистку.

Всі они были любопытны, што робила я цілый день. Я же произносила наизусть всі заучены давно стихи и, правду повѣсти, была дуже рада, што их в свой час так много выучила; співала голосно русскы пісні. Послѣдне барз злило жандарма Бойка, котрый передавал даже через начальника тюрьмы, штобы я співати перестала. На то-то я просила передати жандарму, штобы он указал мні закон, забороняющий співати невинно заключеной.

Я сидѣла сама една. Лютык сидѣла в Медыничах лем пару дней и то Бойко приказал закрыть ей отдѣльно от мене.

Но співала я лем первы дны, пока не было в тюрем только я, отец и г-н Антоний Безсметюк из Медынич. Коли же с каждым днём послі 20 августа стали приводить все больше и больше мужчин, а приносящы им поживу женщины напротив мойого окна штоденно барз плакали, я рішила попросити начальство, штобы мене одну повѣсили за всіх, а их штобы выпустили. Но начальник тюрьмы надомном посміялся. То был тоже русский человек, котрый познакомился со мною на улице случайно за нѣсколько дней до мойого ареста.

На жаль я не памятам його фамилии, штобы на том місци подчеркнути його хороше к нам отношение и особенно поблагодарити за тоты обіды, котры он штоденно присылал мі своїм женом из домашньої кухні.

Напротив мойого окна в тюрьмі находилася квартира начальника суда, тоже русского у котрого была племянница. Она штоденно посылала фрукты — сливы, яблока. Ни с начальником, ни с його племянником я не была знакома, як в Медыничках я вообще не знала чиновников. Я приїзжала только на вакации и кромі участия в общественной роботі, интересовалася только книгом.

Еднак племянница начальника суда прислала мі сливы, завинуты в газету. На газеті был нарисованный квіток, к которому я уж в Талергофі подобрала цвіты, вышиваючи його на дорожкі на стол. То был первый узор в Талергофі, по котрому потом вышивали всевозможны рукоділия, почти без исключения женщины, попавшы в Талергоф из других містностей Галичины. На выставкѣ талергофских работ в Ставропигийском музее во Львові в 1934 году можно было увидіти много хризантем на разных рукоділиях; тот первоузор переснимали от мене в началі, за неиминием других.

Я не стану описувати того ужаса, який произвел на мене арест мой и отца. Я помню хорошо, як идучи дорогом из Литни в Медынички в обществі 5-ти жандармов, двоих спереду и трьох с заду, я ста-

ралася поддержати на духу отца, оставившего дома любимую жену и четверо малых дітей, из котрых я была старшом.

“Ничого печалится — говорила я отцу, — если мы такы важны, што даже Австрия нас боится, то скоро, видно, тут будут русскы”.

Радуючися тым мысленно, я подняла голову вверх, и с полным достоинством ступала вперед, оглядуючися по сторонах и отводячи на поклоны встречных односельчан. Видя по дорогі, што отец мой встаки печален я сказала йому: “уміли мы разом ходити и їздити на всякы общы собрания наших читалень, на открытие памятника, павшым в борбѣ на выборах горучан, так треба тепер не показати врагам нашего уныния, а гордо сносить страдания за нашу русску идею потому, што кромі любви к Руси за нами нит нияких гереступлений”.

Послі пол години мы нашлись в медыницкой тюрьмі. Мене одну дали в камеру, из котрой перед паруднями выпустили цыганку. Тюфяк на лужку был до того грязень и окровавлен, што я цілий час сидѣла на його краю на своим палатнѣ и ночью, не сміючи лячы на нього. На стінах мойой камеры было написано: — тут повѣсилася цыганка.

Правда ли то я так и до сих пор не знам. Но, сознаюся, первые ночи я встаки порядно тряслася.

В один из тых дней, коли я сидючи вздримнула, снилося мі, што я вижу три большы сонца. Я начала их считать и рішила, што два

сонца цілы, а третьому бракуе одной четверти. Удивляло мене тоже, што сонца тоты всходят не на востоки, а чом то в западной стороні неба. Коли за пару дней нас выпустили гуляти на подворец тюрьмы, я все ище была под впечатлінем своего сна и розказала його товаришам недоли. Селянин Иван Попик, председатель русской читальни в Медыничках, объяснил мі, што сонце означат год и добавил, штобы лем не пришлось вам стілько просидѣти в заключеніи. Сон, як потом оказалось, был віщим. Я просидѣла с отцом в заключеніи ровно два годы и девят місяцов.

Дны выдавалися годом. Одну ночь я совершенно не спала. У мене было впечатліние, што где то далеко один за другим ударяе гром. Рано я довідалася, што то так на правду чути было выстрѣлы тяжелых орудий, як потом мы довідались, под Красником.

Я радувалася. Скоро прийдут русскы и нас освободят. Но радуралася я недолго.

На другой ден нас разбудили рано о 6 годині и без сніданку казали собиратися в дорогу, но где — никто из нас не знал.

Из дому я захватила с собой, так на всякий случай, штырі кошелі для себе, одну сміну білля для отца, гребін, шітку, мыдло и даже кусок конгрески — материяла и ыткы. Все тото поміщалася в деревяной коробкѣ. Видівший тото Бойко пришол в ярость и заявил, што нияких річей с собой брати неможно. — Прошу показати мі параграф закона, где сказано, што

я не мам права взяти с собой своих особистых річей — сказала я жандарму и, не ожидая отвѣта, гропхалася през двері на улицу.

На улиці стояло уже приготовленных сім подвод, так як всіх нас к тому часі было уже тридцет пят особ, в том числі пятнадцать селян из Литни, остатні из других окрестных сел. Около подвод стояло масса народа, особенно женщин, котры на наш вид и усаживание по возах подняли такой вой, што казалася никто уж из нас не увидит больше остающихся. Прямо, як помішанная, кричала и рвалася к мужу жена Попика Ивана из Медынич. Она оставалася дома с 4-ми дітми; старший сын только што одышол на войну, а тепер заберали ей отца — кормителя. Ёй оторвали от воза, на котром жандарм усадил мужа.

С нами разом вывозили г-на Андрейчука, чиновника містного суда, дві дівки котрого были воспитанницами Пансиона о-ва “Русских Дам”, а сын — воспитанником бурсы “Народного Дома” во Львові. Жена Попика и Андрейчуки жили недалеко от тюрьмы потому, видно, так скоро узнали о том, што нас увозят и як хто схватился с постелі так и прибіжал к нам.

Всі четверо Андрейчиков шмарилися к отцу, прощаясь с ним, як потом оказалось на всегда. Они отчаянно кричали и плакали и, видно, под тым впечатлінем вся толпа, провожавша нас, заплакала наголос. И ку мі шмарилися Андрейчуки, стали обнимати мене, — но ту уж и мои нервы не выдер-

жали. Я розплакалася и то так, што больше пол години не могла втримати слез, як не старался успокоити мене отец.

Мы давно уже выїхали из Медынич и їхали по шосї к Дрогобычу из котрого, як на ладони, видно было наш дом, так замітно видїлявшийся среди других на горбочку. И покаль я видїла свой родный дом, то мысленно прощалася с ним и со всіми тими, котры в ньом остались, и котрых я другой раз коли не будь увижу? Так заїхали мы в Дрогобыч, где ожидала нас настояща Голгофа.

ТРАНСПОРТ ИЗ ДРОГОБИЧА ДО ВАДОВИЦ КОЛО КРАКОВА

В Дробычі завели нас на подвїря суда, по Стрийской улици. Ту мы застали уж массу арестованных из самого города и уїзда. Среди них оказались и мї лично знакомы: поміщик села Унятыч Антоний Крисков, отец Єднакий из Нагуевич, г-н Кушнир из Дрогобыча — чиновник магистрата, г-н Шустко-лейовец — служивший на желїзной дорогї и двї мои подруги Сушкевичи.

Ту уж мы чєтырі дївицы держалися разом, а то, хотя мы с П. Лютик и їхали из Медынич больше двадцати верст, но жандарм Бойко, сопровождавший нас, ни за што не позволил нам сїсти разом, як мы хотїли, а грубо роздїлил нас, усадовивши на разных подводах.

Среди нашей пестрой арестованной толпы 850 человек, в том числї нас чєтырі дївки (остальны всі мужчины), рїзко выдїлялася

фигура военного капитана, як шептали тогды, чєха, котрый суетился о отправокї арестованных на мїстный вокзал.

Велїли стати осемками. Я видїла, як внимательно розсмотрювал нас капитан — комендант, забрал нас чєтырі с передных рядов и установил в середину транспорта так, што с єдной стороны с краю нас было двое мужчин и с другой.

Послїднє мене удивляло, но коли мы вышли из подворца суда на улицу, и нас окружила неистовая толпа дрогобычских жидков обого пола, я поняла, почему так а не иначе установил нас комендант. Проходя мимо каменного забора суда, я замітила на нїм свою давну сусїдку из Дрогобыча. Увидївши мене, она заламала руки и сказала: “попатжце се и Лаврышувна мєндзи нїмї, таж то таке пожонднє дзєцко”.

Мене удивило замїчание сусїдки, с котром я даже лично не была знакома. А коли, учившись, жила в Дрогобычи, видїла єй лєм через окно своей комнаты.

На улици Стрийской посыпалися на нас каменї, фляшкы. Недалеко от вокзала мы встрїтили дивизию, отступающих с сїверного фронта, мадяров. Наш капитан ганял из конца в конец, но не смотря на то то одному мадяры шаблєм обрїзали ухо, многих побили. Мене в общем смятении повалили на землю, но, шагавший рядом со мною, отец на час поднял мене. Я поранила собї лєм праву руку на котру наступила поваливша мене лошадь, — на ней сидїл мадяр.

Нас усадили в поданный товарный поїзд. В вагонах тых возили уголь. Дверї и окна в них закрыли наглухо т. к. мадяры метали в вагоны каменями и цєглами.

До Вадовиц мы їхали три doby. За цїлий тот час нам совсїм не давали їсти, а свойого мы не мали, даже воды не вїльно было достати на станциях.

В городах нас встрїчали с большими овациями, в родї: “здрайцы, москалфили”. Коли мы просили воды, кричали: “даць їм смолы горонцей” и т. п.

В Самборї к нашему поїзду присоединили вагон бїженцов со Львова. Ище в Дрогобычи мадяры и жидкы зробили надпис на нашем вагонї: “тут идут чєтырі попадянкы”, на жаль, ни єдна из нас ньом не была. На всевозможных языках, по мадярскы — неть кишасонь; по польскы — чєтери попадянкї”; по нїмецкы — фир фрейлейн; по чєски — чтежи слєчны и т. п. Всьо то то было выписано великыма буквами на всїх чотырьох сторонах вагона.

Якыса то панї або панєнка из вагона убїгающих со Львова выходила на каждой станции, где долше задерживался поїзд, и орала всю глотку, показуючи на наш вагон: “там ядом панны зас... кур..., шматы”.

Благодаря єй все внимание собиравшися на станциях толпы все было обращєне на нас. Мы ховалися по углах, но толпа требовала, штобы мы показувалися в дверях, што иногда мы, во избїжание

худшего, должны были дїлати. На счєстья жениху П. Лютик, їхавшому рядом с нами в вагонї — Юлиану Киндю, пришла в голову хороша мысль. На одной из станций львовска панна вышла из своего вагона, штобы по обыкновєнию звернути увагу на нас несчастных, голодных, невыспанных, бо и сїсти в вагонї не было мїста. Нас было 45 лиц и два вагоно-вожатых солдат. Вагон был от угля и мы всі похожы были послї суток такой дороги скорше на чєртиков чым на дївки. Киндий смїло выставил из вагона голову и сказал львовянкї: “ты, панна, с тройгєм дзєцї я знам цє добже зє Львова”. Толпа уже больше заинтересовалася ньом, а она, спряталася в свой вагон, больше из него для указаний на нас не выходила.

Но кошмарна встрїча готовилася для нас на вокзалї в Новом Санчї. К приходу нашего поїзда на вокзалї находилися 20 пняных офицєров. Тоты, прочитавши надписы на нашем вагонї, подошли к дверям и стали кричати: — “за крєв наших брацї пусьцьє нас до тых панєнєк”. — Сопровождаючы нас два солдаты, из котрых єден был Лазурко из Стебника около Дрогобыча, двоюродный брат Сушкевичей, заступили им дорогу в наш вагон. Они говорили пняным, што не смїют нас выдати т. к. мают приказ доставити нас живыми на мїсце, а там нас повїсят. Но офицєр крикнул солдату: — “ты, видно, пташек также недалеко од них ушєдл, ты цєвне такї сам здрайца

як оні”, — став настоювати на своїм. Офіцери видачі, що не помагають грозьби, стали пропонувати двом нашим конвойним піти за той час в ресторан на пиво, даючи їм гроші.

Момент був кошмарний. Нас розмістили товариши недолі по всіх чотирьох углах вагона, стараючись заслонити нас собом.

Я не пам'ятаю, що говорилося і творилося після того около вагона. Сознаючи, однак, що сейчас може проізойти дашто страшне я рішилася ту же заколоти себе шаблем изнасиловавшего мене военного. В своих угрозах офицеры добивались определенно одного — изнасилувати нас “за кривих братів”.

Посмотрівши на двері, я со страхом замітила, що солдат Лазурко виходить из вагона, до того он штыком заступал к нам вход. Сидячи в куті под лавочком, я буквально стратила сознание. Коли я засначала соображати, перед вагоном роздавалися револьверовы выстрѣлы. Двері и окна были наглухо закрыты.

В вагоні гуділо от каменів, фляшок, цегол, выстрѣлов. Их метали в отмістку за того, що вызванный с переднього вагона Лазурком начальник транспорта с револьвером в руці, выстрѣлив предвзятельно три раз в воздух, приказав офицерам розыйтиса.

Капитан пригрозил им, што должен буде стрѣляти в них т. к. має приказ доставити нас до висілицы живыми. В Новом Санчі поїзд наш должен был долше задержатися.

Конвоируюшы нас солдаты обіцяли купити што небудь съісти тому, хто даст грошы, а тым, котры грошей не мали, (як мі), принесут воды в фельдфляші.

Но напрасны были наши ожидания и надії отримати хотя бы воды.

Видячи, што компания, подвыпивших перед отправком на фронт офицеров не унимаеся, капитан приказал машинисту рушити в дорогу поїзд.

Потом поїзд задержанный был в открытом полі, но о 11 год. в ночи и так ничего істи не нашол бы. После ново-сандецкой истории мы уж дверей не открывали. В вагоні были открыты лем маленькы вікна; вагон, як я уж вспоминала, был товаровой.

На дворі была ясна нощ. Місяц спокойно с высоты вызерал, здавалося, на измучены, страдавшыся лица невинных людей уж третью нощ путешествующих в таких условиях.

Насувався товдиль вопрос: за што так мучат нас? И в отвіт на того щемили назойливо мысль слова защитника Ераста Солянско-го в ище неизгладившимся в памяти процесі 1913 года. Коли Е. Солянский, защитник Семана Юрьевича Бендасюка, сказал меже прочим: “тот достойный человек винный, так, винный в том, што полюбил идею, а идею без страданий любить не вільно”.

Слова тоты, почуты мною на политичном процесі были мі подержком и утішением не лем в нашей полной кошмаров дорогі, но

и в последующем почти трьохлітнем заключении.

В тот час моих печальных размышлений некотры, сідячи, дремали.

При ясном освѣтлении місяца очі мои, поневолі, стали розсматривати, хто як себе веде.

Добавити треба, што история в Новом Санчі и всі частіше роздающыся слова о том, што где-си то висілица жде нас, убили окончательно всяке настроение и охоту к жизни даже в самых молодых и безстрашных, як пишуща тоты строкы.

Напротив мене, под стѣном, увидѣла я, лежащу на лавкѣ, П. Лютик. Она была блѣда, як полотно. Тота блѣдость заставила мене подойти к нѣй ближе. Забесідувавши с нѣм першый раз после того як рушил поїзд, (все были так зогнуваны, што никто после тых сцен з никым не бесідувал), я замітила, што она не лем мі ничего не отповідат, а як будто не чуе и не розуміе. што я ей бесілую.

Присмотрівшись ближе, я замітила на ей шыи полотенце, котрым сильно было стягнуто горло. Розвязавши и стягнувши силом с нѣй полотенце я дала волю своим словам. — Не штука было, твердила я, жити, коли дома был полный достаток. (родители ей были возможными людьми). Коли літом приїзжали студенты, іздити с ними по селах, подчеркиючи трудом своим и невзгодами любовь к Руси, к ей славі и величию. А ото гнес докаж, што умієш с гордос-

тью и мужеством переносити ужасы и мучения во имя той Руси, войска котрой, може быти гнесзаран отомстят за твою поганьблену честь.

Если даже нам — вывезенным — придется умерати, то оставшыся там — дома будут счастливы нас. В моих очах будеш героем — патриотком, если в том горю не наложыш на себе рук.

Молчала, усажена мною на лавку Лютик; так и до сих пор не знам, о чом думала она в тот тяжкий час, но рук на себе больше не накладала.

В ВАДОВИЦКОЙ ТЮРМІ

На другой день мы были уж в вадовицкой тюремѣ. Нас долго выдержали на коридорі, покаль обіскали нас, отнявши брансолеты, перстені, годинкы и грошы. У мене забрали мой заручиновый перстѣн, единственный предмет, котрый у мене оставался, як воспомин о далеком другѣ, жившем в России и вшиток мой капитал чотырі геллеры (гнес два грошы). В комнату вызывали поединчо. Передавали шепотом, што иде суд.

Был вечер. Корридор слабо освѣтленный. Темнота придавала ише больше таинственности. В мысли арестованных пролетѣл страх перед незнанным. И от ту началась в душі мойой пытка. Што сказати, коли спросят, за што взяли. Много я передумала, штобы только не закопати отца, у котрого дома осталоса 4-ро малых дѣтей, но подлизуватися и трястися не рішилася, а лем говорити правду.

Послі години оказалось, што тоты вісти были неправдивы: отнявши річы, нас розмістили по камерах.

Нас чотырі ввели в камеру, в котрой мы застали одну женщину — літ тридцет. Як мы не старалися розбесідуватися с нѐм, она молчала. И лем на другой день оказалось, што то моя недалека сусідка учителька — Емилия Андреевна Яворска из села Рудники жидачевского округа, котру арестовали разом с братом священником Стефаном Яворским, парохом Рудник.

В камері было два лужка и мы розмістилися по дві на едном. Но уж на третий день в нашу камеру ввели ище дві женщины. Ними были: Мария Сохоцка из Самбора, молода дівчина, дівка адвоката, бліда, змучена, с долгими черными распущеными волосами. Друга, — госпожа Ясиницка, жена священника, старушка 60-ти літ, одіта в літне ситцеве убраня черного кольору, и больше ничего на нѐй не было, хоц на дворі было уж холодно, — был сентябрь місяц.

Обі они были неимовірно избиты, ноги, спина и руки в синяках. Попали они к нам из транспорта через Мискольці (Венгрию), котрый описаный в едном из выпусков "Талергофского Альманаха".

Нам — старым уж жителям камеры, отдохнувшим дві ночи, слідовало принять несчастных гостей, як мы и зробили, предложивши им наши постелі. Они полігали и заснули. Надармо в обід и на

вечерю хотіли мы поділитися с ними нашом поживом, физольом, они їсти отказалися и даже поздним вечером ище спали.

Не памятам, што зробили другы, як положилися спати. Вечером к нам ввели ище 35 цыганок, брудных, они розмістилися на подлогі.

Свое лужко и захвачену из дому маленьку подушечку я подарила ище днѐм старушкі Ясеницкой. Тепер, ночью, я не мала совісти тревожити во сні ледѐ живу старушку, штобы лягнути третѐм на лужку. Днѐм я просидила на подлогі рядом с цыганками, а поздно ночью, коли уж всі твердо спали, я мала до выбора лем едно місце — под лужком старушкі, котрым я задоволилася. Всі остальны місця на подлогі камеры были заняты цыганками.

Я нигда не забуду, як на другой день пробудившася рано и сообразивша где она, г-жа Ясиницка благодарила мене за то, што я уступила ей свое лужко и подушечку, промучилася цілу ночь на голой подлогі. Я же старалася и виду не показати, што тото, мѐ тяжко зносити и лишила матушкі лужко уж до конца нашего перебивания в Вадовицах. Старушкі я твердила, што под лужком спится барз добрі.

В тюрмі вадовицкой мы пробывали понад тыждень. Днѐм открывали окно. С улицы до наших ух долітали пісні солдатов, припівы котрых звучали: — од Варшавы

аж до Петербурга за москалями марш, марш, марш...

На посліобідной прогулкі, прибившись к нам украдкой наши товаришы недолі, шептали нам, што русскы войска уж под Львовом и Перемишльом.

Тото видно было поводом, што за пару дней нас начали отпавляти в Талергоф. Послідны дны в Вадовицах мѐ лично давали ідо и ліпше чым другим и больше. Я замітила, што хлопец арестант, роздававший нам ідо, с начала ку мѐ внимательно присмотрѐся, а затым стал наливати в мою посудину лучшы и большы порции. Мы всі обратили на нѐго увагу. Хлопец был барз красивый, блондин с кудрявыми, виющимися волосами, едным словом, тип в духі поэта Кольцова. Нияк не хотілося вірити, што то злодѐй засуженный, старый быватель строгой вадовицкой тюрмы.

Лем по дорогі в Талергоф отец объяснил мѐ, почому доставала я лучшу поживу. Совсім не потому, як подсмѐхувалися мы жартуючи, што злодѐю я присмотрілася — полюбилася. Ларчик просто открывался. То, оказуеся, был мой земляк — односельчанин, живший далеко от нас на конци села в лісу. Я його не знала. Но отца он познал в первый же ден. Отец сказал йому о мѐ, затым и мене он, повидимому узнал и старался прислужитися землячкі. Сам же он попал в тюрьму не знам за што, но начал зо сусідных жур и заглядываний

ночью в чужы коморы, а тепер был осужден на пару літ.

ДОРОГА В ТАЛЕРГОФ

Тото было в першой декаді сентября. Из тюрмы вывели на улицу арестованных четверками. С рана лял проливный дождж. Нас было уж больше тысячи. Покаль всіх усадили в вагоны прошло половина дня. Цілый тот час стояли мы на проливном дожджи под голым небом. Коли я в своем пальті совершенно промокла, а дождж ище усилился, присоединившийся ку мѐ отец, стал держати на домном мою рижску баксочку, — но руки мліли, к тому же я уж дрожала от зима и мокрости.

По дорогі наш транспорт розділили: Лютик и Сушкевич поїхали в едну сторону — в Каринтию, а я една из женщин осталася в вагоні на цілый наш транспорт. Горю мойому по тому поводу не было границ. Я зас плакала неутішно, скрываючися от отца в углу. Вечером я почувствовала дрож во всѐм тілі, а в грудях и плечах колькы. Я начала стогнати и ище больше плакати. На счестья два солдаты, тепер наши хранители вагона заинтересовалися мною. Еден из них был поляк (мазур), другой русин из под Ясла. Оба они сняли свои шинели, закрыли двері вагона, штобы не было холодно, — повынимали свои домашні піджаки, уложили мене на подлогі, подстеливши шинелі, напоіли румом, накрыли — и я заснула. Моя мокра

одежа была мі, видимо, ночью со-
гріваним компресом.

Коли рано я обудилася, то не
чувствовала уж колотя в спині и
грудах, а лем сильно боліла голо-
ва и ціле тіло.

Мы іхали через Чехию, где пер-
ший раз за цілу дорогу нас накорми-
ли. То были чешскы женщины,
котры узнавши, што идут русскы
галичане, угостили нас всім, што
у них на вокзалі было. Мы достали
пожыву, пива, а мужнины даже па-
пиросы, котры курили перший раз
от начала свойого тернистого пу-
ти.

Дальше проїзжали мы прекрас-
ными околицами, но нич не радо-
вало мои очы, а скорше вызывало
ище большу тугу и смуток. На слі-
дуючу ноч над раном под Віной я
заснула. Во сні увиділа я тоты са-
мы "гангары", постройкы для ае-
ропланов, в котры нас ище того
самого дня вечером помістили.

Я не стану описувати дорогу из
Абтисендорфа в Талергоф. Упо-
мяну лем, што она представляла
ужасне зрілище измученных лю-
дей, котрых в темноті, идуцы с
факелами солдаты, били немилосердно,
под всякими предлогами и
без них. Я старалася ийти правильно
шагом, не отставати от своей
пары, ибо за того найбільше би-
ли.

Ту вспомнула я, што наша чешка
соколка для уроков гимнастики в
Мариинской гимназии (в Холмі)
научила мене правильно ровнатися
в ряду, благодаря чому я ни разу

не достала прикладом карабина по
спині.

ТАЛЕРГОФ

Нас розмістили в "гангарі" № 1,
а на другой половині рано мы уви-
діли таких же, як мы, феретеров -
зрадников, котрых привезли из
Сянока.

Я увиділа в нашом отділенні
ище три женщины, они, оказуеся
пришли с нами вечером, но было
так темно и лял дойдж, што я их
не виділа. Едном была — панна
Зося Лецишин, друга — Маня из
Николаева, служивша прислугом
во Львові; третья — селянка от
Золочева, участвовавшая в хорі по-
койного Галушки в його выступ-
лениях в России.

Селянка была уж замужна, мужа
ей забрали на войну, а ей в Талер-
гоф. Она была в тяжы, но благо-
даря тым переживаниям поронила
дітину. Мучилася при том на вя-
занці соломы, подстеленой на бе-
тоновой подлогі у самого выхода
из гангара, где веліли лечи нам зас
четырьом женщинами.

Женщина тота была барз крас-
на, — деликатны и симпатичны
знакы лица, на котрых неизмінно
рисувалися знакы всього пережи-
ваемого. Особа, як потом оказа-
лося, барз солидна. Жаль, што не
памятам ей назвиска. То была на-
стояща представительница моло-
дого нашего покоління — жен-
щин, воспитанных в духі девизов
читалень "О-ва им. Михаила Кач-
ковского". Серьозна, патриотка,
сносивша свое глубоко затаєне го-

ре без ропота и наріканий.

Першы ночи я ничего не замі-
тила. Но послідуючы начались
приморозкы, ночи были барз хо-
лодны. Я, не маючи рішительно
ничого, штобы накрытися, стала
проситися в середину. С одной
стороны мене положила панна
Зося, с другой панна Маня. Обі
они мали по одной великой волня-
ной плахті и мі меже ними в сере-
дині было тепло. Добавлю, што
они охотно взяли мене в свою ком-
панию. Но уж на другу ноч я пере-
коналася, што с тым обществом мі
не по дорогі.

Вечером я замітила, што панні
Зосі толстый солдат — німец при-
нос колбасы и черной кавы, ла-
комства о котрых я товдиль и ду-
мати не могла. Ночом, коли наша
компания кріпко спала, я, обудив-
шися, прислухалася к необычайно-
му шелесту близко мене. Подняв-
шийся на небосклоні місяц помог
мі в темноті розсмотріти тлустого
войака - німца, лежащего сейчас
рядом с панном Зосьом. По дру-
гой стороні от мене, к моему
страху, около мойой другой сусід-
кы, тоже по другой от мене сторо-
ні, лежал другой войак.

Не желаю даже в темноті бы-
ти свідком того, што около мене
творилося, я высунулася из под
теплых плахті и цілу ноч просіди-
ла под стіном. Солдаты одышли
над раном. Так продолжалося
кілька ночей. Я просіджувала без
сна праві цілый час, а то, правду
повісти, боялася заснути, штобы
и ку мі во сні хто из войаков не

присоединился. Завдякы тому по-
слі кількох дней, я почувала себе так
недобрі, што мі порадили зверну-
тися к доктору.

В тот час уж обходил баракы
наш интернированный лікар — д-р
Могильницкий разом с д-ром Ля-
якером — німцом. Оба як потом
оказалося, были прекрасны люди.
Я стала в ряд к визиту. Припомі-
нам собі як д-р уж был близко
мене, но я перевернулася, упавши
в обморок. Тото привлекло ку мі
внимание лікарів.

Доктор Могильницкий, коли я
пришла до себе — очкнулася,
попросил мене, штобы му розпо-
вісти подробно, кто я, и што при-
чином мойого обморока. Я рос-
казала йому, што по ночах не спю,
бо боюся солдатів и просила пе-
ревести мене в друге отділение,
где я виділа тоже четырі женщи-
ны.

Они спали в середині гангара,
а не як нам приказали при откры-
том (без дверей), вході. Доктор
в началі не соглашался, но коли я
рішительно подчеркнула, што в
теперішньом моем обществе я
долше оставатися не могу, то,
вольом - невольом, должен был
со мною согласитися и перенести
мене.

На другой день послі того слу-
чая я находилася уж в другом от-
діленні. Ту моими ближшими су-
сідками на соломі были: дві дівчи-
ны из Костаровец коло Сянока —
Анна Масляна и Ева Соболевска,
г-жа Вислоцка, мати Ваня Гунян-
кы и учителька Вендзилович.

Из мужчин же, спавших напротив мене, были: д-р прав Орест Гаврилович Гнатышак из Крыницы; д-р Шатынский Евгений Михайлович; священник Грабец Федор с сыном Мирославом из Лупкова — трчанского округа и много других лемков - русинов, интеллигентов и селян. И ту спали мы на бетонной подложке, на вязанце соломы, рядом еден около другого. Было так тесно, что ночью приходилось спать лем на правом або левом боку, — навзгак лечы было невозможно — не выстарчало місця.

С одной стороны мене спала г-жа Вислоцка, с другой Емилиян Рудак. Спавшы в моих ногах вышеназваны докторы мали концы одіяла. Я мерзла, як пес у планного газды, бо кромі літнього плаща ничего не мала. Ночом в сні я часто ссувалася вниз, штобы под одіялом докторов хоц ноги загри-ти.

Но біда не спала. Через парудней я захворіла на червонку. Ночом я до того тряслася в лихорадкі, што памятам, спавший со мною рядом Милек Рудак снял с себе свой пиджак, накрыл мене ним, а сам притиснулся к брату и отцу под накидку. У них, кромі той накидки — пилерины отца тоже ничего не было. Холод мой усиливало ище постоянное вставание и бегание по своим надобностям, благодаря болізни по 10-20 раз на ноч. Так прошол в Талергофі долгий час.

КУПЕЛЬ

Коли на дворі были уж добры приморозки, нас стали брати на роботу. В стирке, к котрой требовались дамы, знающия немецкий и французский языки, описаной в одном из Талергофских Альманахов — и я принимала участь.

Купалася тоже в холодной воде при дежурстве солдат, што тоже в Альманаху описано. Добавлю лем, што тота купель тоже не прошла ми даром. Послі ньюй я зас захворіла, зас мене кололо за лопатками на плечах. Я пролежала три тыждні уж в бараку, где перевели нас женщин послі купели. Ту лічыл мене д-р Могильницкий, понятно, бесплатно, а жена його, всіми нами уважаемая Надежда Павловна, ухаживала за мною в часі лежания в мойом барлогу.

С Надеждом Павловном и ей сестром Любом Павловном мы с тех пор сжились, што и они были холмские мариинки, ученицы товдиль ище Холмского Мариинского Училища. Рассказы о их старых холмских знакомых и преподавателях незамінно сблизили нас от первых дней ноября 1914 року и до конца талергофских дней мы жыли дружно, помагаючи друг другу, кто чым мог. Обі Могильницкы были внуками Адольфа Ивановича Добрянского, рожденны Гомичко, замужом за двома родными братьями.

В тоты дны в Талергофі уж набралось полный барак женщин, котры заняли первоначально по-

ловину бараку № 7, а потом целый 21 и наконец родинный 30-тый.

Я помню, што многы священники собирали подписы талергофцев, едгак до тех пор, кромі лемковского списка, нит другого. На основании тогдашних списков можно было бы тепер составить список женщин или хотя бы подраховати их. То, што до тех пор уціліло в мойой памяти, то лемтысячна доля из того, што пришлось пережити и с кым пришлось встрічатися.

Ище долго пришлось бы писать, штобы дати хотя в общих накреслениях образы житя в Талергофі. К счастью, много уж описано в "Талергофском Альманаху". Потому я ограничуся тепер лем до некоторых фактов из мойой личной жизни и жизни некоторых женщин, с котрыма я ближе была знакома.

ЖЕНЩИНЫ РУКОДІЛЬНИЦЫ

Ми нееднократно приходилось чути в Талергофі, што я перва своим приміром показала женщинам, што можно очекувати дня выхода из полного кошмаров Талергофа, но в тот - же час заняти ум и руки чым то больше полезным, як хождение от брамы до "айнцлев", (так назывался барак, де саджали в едінку), почти целый день и думати о своей горькой доли, та жалуватися на ню. Так, по крайньої мірі, несколько раз твердила о. Феликса, живша в Талергофі разом с мужем, сыном и двома дочками.

Я действительно перша начала рукодільничество, но тото вышло, случайно: я из дому захватила с собою немного ниток и кусок канвы, о чом я уж вспоминала. Коли житя потекло больше-менше нормально, если такой вообще в Талергофі його можно назвати, я от скуки принялася вышивати дорожку на стол.

Первый взор подобрала с газетного паперя, а другой из напличника кошелі той селянky, с котром мы зас встрітились в 7-мом бараку, хористкы Галушкы. Хризантемы и звіды — ото два перво - взоры, котры вышивались на всевозможных рукоділиях и розмаитыми квітами ниток нашими заключеными.

С тех пор як д-р Лакуста и г-н Михаил Гумецкий занялися заказами в Грацу, в фирмі "Кастнер-Оглер", посредством симпатичного серба — агента той фирмы, потребных нам интернированным річей, работа пошла успішно. Пізніше, коли в лагерь пришла швестер (сестра) Мария, г-жам Могильницкым удавалось доставати от ньюй взоры, котры вышивали в першу чергу мы с Любом Павловном, а от нас уж переснимали остальны дівкы и женщины.

Взор, переснятый мною из кошелі селянky увіковічен на прекрасном рукоділіи — скатерти с 6 або 12 салфетками, вышилом женщинами 30-го бараку, под руководством нашей "бабці", всіми нами любимой г-жи Ольгы Михайловны Байко из Самбора. Оль-

га Михайловна, к подобранным мною на мой дорожке цветам ниток, подобрала отливки — отливки, благодаря чему скатерть вышла прелестной, прямо писанком. Рукодельные того преподнесено капитану поляку, бл. памяти, Остапешевскому — человеку с великой буквы, как выражался Горький. Прекрасны рукодельные работы выполняли: г-жи Могильницки, Раставецки, г-жа Байкова, Созанска Елена, Хлопик Мария, Ольга и Мария Гнатишак, Ярослава Куций и много других, в том числе и я.

Другим толчком рукодельничать была сама жизнь. Людей подержали свою одежду из дому и явилась необходимость заменить ей новой. Тут уж пример показала Надежда Павловна Могильницка, вышившая мужу и сыну Володимиру по одной кошель. Одну из них и я помогала вышивать.

В 30-ом бараке перша кошель была зачата Любом Павловном Могильником, в которой я тоже принимала участие. Люба Павловна звернула у нас на то, как Ярослав Гелитович, його брат Володимир, Хризостон Гмитрик, д-р Емилиян Михайлович Вальницкий и його брат Кирилл, а тоже много других свои пиджаки праві подержали, потому, попросивши их купить себе потребный материал, мы женщины поднялися их обшивать. — как лем зме всі уміли.

Когда наши "хлопчики" побуждали косоворотки русского взору, то то мимо мой воли послу-

жило для мене реклямом, я стала отримувати еден заказ за другим од тех, котры мали платню, хоч невелику и могли ми заплатить за работу. Но были и гимназисты, котры заплатить не могли, а руску косоворотку мати хотіли. В таких случаях я вышивала и шила, а получавший ей разбил ми рамки, кассетку и т. п. Кошель за гроши вышивала я г-ну Методию Андреевичу Трохановскому из Крыницы, директору Спольскому из Коломыи и многим другим.

Вышивание и шитье косовороток дало ми возможность купить мыла и кус лахов для себе и отца, дати направити черевіки и другие річы. Головно, же я не примушена была отримувати из того мизерного фонда для учащихся, на котрый собирали в своем селовищы тоты, котры получали платню. Тых несчастливых учеников и без мене было много. Мойому примеру последовали потом многие девочки из других барачков.

УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Другим больше важным моим занятием в Талергоффе были уроки русского языка. Моим разговорным языком со всеми интеллигентами галичанами, а потом и карпатороссами, (в Ужгороді и Мукачеві), все был язык литературный.

В начале талергофского заключения было даже опасно говорить на русском литературном языке. Но мы с Надеждой и Любом Пав-

ловном говорили лем по русски, хотя нас слухали и швабы. Надежда Павловна в таких случаях твердила: — най слухают и най знают, если за русские дело терпиме, то уж их встыдаться не будет.

Благодаря тому еще в осени 1914-го року стали звертаться к ми некоторые особы с просьбой учить их русского лит. языка. Я в таких случаях шла на встречу желающим. Учить русского языка, я считала даже своим священным обязанностью т. к. в России и готовилась к своей миссии учить русского языка в Галиции. С другой стороны — учить было для мене самым большим удовольствием. Потому я охотно принимала все предложение давать уроки.

В Талергоффе моими первыми ученицами были две ученицы: Наталия Ковальска из Галича и еще одна — назвиска которой не памятам; затым уж — Мария Сохоцка из Самбора. Тоты три — учились еще в сентябрі—ноябрі місяцех, до перехода в 30-ый барак.

В январе 1915 року в 30-ом бараке я мала уж больше учеников и учениц и примушена была составлять группы. Бывал час, коли я мала в группе по дванадцать учеников и учениц. Едни из них учились больше продолжительный час, иншы коротше. К самым приятным моим ученикам принадлежал отец (священник) Николай Феленчак, отец Владимир Венгринович, священник Стрільцев. Все

три и найдовше у мене учились.

Затым из священников учила я: о. Стефана Копыстьянского, о. Дутковского Казимира и других. Из женщин учились у мене: уч. Емилия Андреевна Яворска, из Рудник, Стефания Савчак из Крыницы. К группе в кабині Гнатишаков принадлежали: Мария Гавриловна Гнатишак, Ярослава Даниловна Куций, София и Мария Феликсовна, Раставецки и др.

Интересно замечать, что текстом на грамматичные правила служили ми, заучения еще в школе на память стихотворения русских классиков. Познише уж книгом для чтения служил единый экземпляр немецкого издания Гаришина: "Четыре дня" и другие.

В тот сам час я находила еще достаточно сил перед обедом на занятия для себе. Так, праві не переставая целый час мойого заключения, от января 1915 року, я начала заниматься по немецкой литературе в оригинале, язык я выучила в гимназии.

Занимаясь систематично каждый другой день с разрабаткой, еден день приготовить уроки, т. е. выписать незнакомы ми слова и выучить их; прочитати кілька разов текст, а другой день отвечать своей учительнице — семинаристке Черновецкой учительской семинарии — Епифании Смерчинской. В вознаграждение за то я учила упомянуту русского языка. Мои занятия по немецкому языку шли успешно. За два роки с малыми перерывами в часі хворо-

ты я успіла перейти в оригіналі праві всіх німецьких класиків аж до новших романів, як Альверден, із получаних газет от г-жи Могильницької із Граца.

Тото основательне знаомство с німецьким язиком в моих послідуючих університетських занятях мі барз придалися. Я достала тему на дипломову роботу, материялы к котрой были праві исключительно в німецькой мові 15-го віку.

Паралельно с німецьким язиком я продолжала изучати язык французский, котрый учила мене Надежда Павловна Могильницка. Н. П. изучала дентистику в Швейцарии, потому франц. язиком владела, як родным русским. Платы за уроки она от мене не брала, я же, штобы не оставатися в долгу, от часу до часу што небуд вышивала на ей материялі и ей нитками.

Замітити слідує, што моя уч. французского языка была женщином в тот час уже с высшим — университетским образованием, дужэ поважна и солидна женщина. Надежда Павловна уміла кажется вьсьо, нарисовати выкройку, сшити лахы собі и сестрі, сшити билизну мужови и сыну, и даже к Рождеству спечи торт из талергофских продуктов — фасоли — чого, насколько памятам, никто из наших газдын не ухитрился зробити.

Так, Надежда Павловна была настояща "тургеневска" женщина: вірна жена, добра мама и економна газдыня. Ей не лем я полюбила, як родну маму. Ей уважали и низ-

ко кланялися всі, кто ей встрічал и наши, и солдаты — німцы.

Я часто бывала у лікарів Могильницких. Зимом мы занимались в их квартирі. Я все любовалася том супружеском паром, котра точно вчера повінчалася; так ніжно звертался д-р Владимир Осипович со своим Надюнчиком, як называл свою жену наш славный талергофский лікар, спаситель жизни многих, в том числі и мной.

Вспомнувши о той світлой личности Талергофа, к чести сказати наших заключенных, их было больше, я не могу промолчать о той нужді, котру испытывал даже главный и самый усердный работник Талергофа, лагерный лікар — Владимир Осипович Могильницкий. Потому и я, маленький там человек, старалася в благодарность за уроки и добре — тепле ку мі звертание, чым могла отблагодаритися и облегчыти долю таких прекрасных и полезных людей.

Когда послі долгих мук они переіхали в Югославию и поселились в Свѣтый Юрий, возлі Южни желізницы. — одталь писала мі Надежда Павловна сердечны письма, призывала приіхати к ним учыти русского языка містных интеллигентов. Но достати паспорт на выіед в тот час было невозможно. И мене со Львова вызвала для той же работы друга фемелия Могильницких, родна сестра Надежды Павловны — Люба Павловна, жена судьи Корниила Осиповича

Могильницкого, с котром разом я жила в кабині 30-го барака два roky.

В Могильницких (лікаров) в м. Бучачу (Галиция), послі их ареста осталось трое дітей родных, четверта была их воспитанница, дочка брата Павла, священника из Пряшевщины. Отец ей умер, а извістне діло: "попу звонят, а попадо с села гонят", як говорили и робили и у нас... Послі смерти о. Павла, умершого молодым, осталось трое дітей. Желаячи помочь вдові, родственники — сестры покойного взяли их к собі на выхование. И так Надежда Павловна, маючи своих четверо дітей, взяла к собі дівочку Зорю (Гомичко). Ей то и сына Бориса помогла я в 1918 или 1919 року отправити в Югославию. Тото стояло мене много клопотов, но для Могильницких тото зробити было для мене великим задоволением именно потому, што могла хотя тым ділом отблагодаритися им за вьсьо сділане мі в Талергофі.

ГОЛОД

Из всіх предметов в школі я найбільше захоплялася исторіом и литературом. В исторіи я часто читала, што в такы-то roky, на примір в России в смутном часі от 1601 — 1613 роках был страшный голод. Читала, але мало вникала в суть того страшного слова голод. Лем там, в той "юдоли горя и слез", я познакомилася с тым кошмарным словом ближе и основательно.

О том, як кормили нас, писали уж многы до мене, потому я на том місци лем вспомну о своих переживаниях.

От початку перебивания в Талергофі нас кормили: рано и вечером — чай из копривы. На обіды в ідлі было больше еднообразие. А именно: (за малыми исключениями), первые три місяцы — штодневно рыжова каша, другие три місяцы — панцак, треті — капуста, а дальше лем квашена ріпа. Послідний рок и того уж не было так, што на обід давали лем буквально чорну люру — помыи, в котрой лем где-н-где плывали куски карпеля. Я ослабла до того, што уж и ходити не могла. А треба добавити, што я все сьідала порцію супы Любы Павловны, свою же — отдавала отцу. Любова Павловна іла обід у сестры, котра отримувала обід из шпыталя в тот час фizioлю, панцакы и капусту и больше ничего особенного. Даколи удавалось им посредством солдатака италиянца Россини достати кусок мяса из Грацу.

Я николи не забуду 6-го января 1917 року. В тот день был сочельник — Канун Рождества. В обід нам дали по три рыбки (москалков, як товдиль их называли), на особу, полторы из них мі пришлось вышмарити — были згнилы. Остатні я отложила на святу вечерю, дньом по традиции — постила. Но в сумерку пришел отец и спросил: — чи не мам я дачого істи. — Я молчаючи отдала свой кусок хліба и тоты рыбки. Отец

забрал тото и одышол в свой барак. Ішло отдавала я отцу рахуючи, што я могу умерти и там остатися, а отец должен вернутися к любящей жені и дітям.

Послі ухода отца я расплакалася. Тож тима продуктами я повинна была угатити голод цілого дня. И долго лилися ручаи слез, но от того я ище больше была голодна. Голод дошол у мене уж до того, што покаль лежиш — ничего, пойдмешся — круги в очах, ноги не тримают тебе кріпко, а шатаются. Я лежала, прижавшись бріхом до тюфяка, штобы не чувствовати голоду, но тото не помагало. Бывали дны, коли я готова была украсти, обманути, лем бы достати дашто сьисти. Но, в такы минуты забесідували правственны устои и я рішалася скорше умерти с голоду, чым опозорити себе яким небуд недостойным ділом. Но в тоту ноч я не выдержала. Праві до рана я пробуджалася, не будучи в состоянии заснути голодном.

Я жыла уж товдиль с Любом Павловном Могильницком в кабині № 6. Як бы для искушения мене у ньой на полічкі лежал кусочок хліба, котрый она напевно лышыла на сніданя слідуячого дня. Я чувствовала, што если не сьім його, то до осмой години рано не вытримам.

Борячися со своей совістью я подошла к полічкі, взяла тот кусок хліба, сьіла и, запивши водом, положила на нары и заснула. Коли рано пришла от сестры

Люба Павловна я пробудилася, и первым ділом, начала извинятися перед ньом. — Простте, Люба Павловна, я сьіла ваш кусок хліба, — сказала я и расплакалася...

Мі жаль было, што она, кормяща в тот час грудью дітину, не буде мати што сьисти даже к тому чаю из копривы и ждала от ньой бури. Но Л. П. сказала лем жартуючи: — я знаю што ты обжора и на том инцидент с хлібом скончылся. А треба добавити, што хліб наш уж давно состоял из перемолотой фасолі, гороху, бобу и перемерзлых бандур, так, што підпавок нияк не тримался разом, а распадался на куски. А товдиль наша порция составлялася уж лем 200 граммов на день. Смаку он не мал, но жолудок треба было чымси заподнити, то и ілі його, скріпляючи сердце. Голодуючи, я чувствовала, што приходит мі конец.

Тото было в 1917 року, послідном року нашего перебивания в Талергофі. В февралю я приуныла, перестала учыти других, сама перестала тоже заниматься. Надежда Павловна по-прежнему приходила до мене с другого на третее подвиря под вечер, штобы разом перейти. Видячи, што со мною жлі, она порадила мі на другой день не вставати, а товдиль д-р, ей муж, запише мене до шпыталя. В шпытали давали четвертку літра молока на день и супу, в котрой попадалися фасольа або горох, а даколи даже бандура, котрой мы уж два roky в бараках не ілі. Ту лікар приписал

мі по кроплях мышьяк (аршеник) от одной до 15-ти и оборотно — от 15-ти до одной.

Послі двох неділей — три вечера со мною было совсім зле. Температура упала ниже 35 градусов Ц., я стыла, переставала дыхати. Призывали лікаря. Тот приказал пильнующой хорых женщины, натерати мене: руки, ноги, все тіло мокрым полотенцем, намоченным в уксусі, покаль не приду до себе, што она робила. Послі трьох дней мі было

лучше. Ходити, розуміеся, я не могла — не мала сил, но уж не “умерала” вечерами.

В шпытали я пролежала цілый місяц февраль. Ту, от часу до часу, заглядывала Надежда Павловна. Коли мала кус фасолі або капуста, то приносила мі, а я с великим аппетитом сьідала.

Так, благодаря г-жам Могильницким, я была спасена от смерти, будучи безнадейно голодном.

ВИДИНИЕ В ШПЫТАЛИ

На четвертом тыждни мойого перебивания в шпытали в одну ноч я чогоси то не спала и лежала с закрытыми очами.

В шпытальной сали темно: горіла лем одна маленька лампочка. Зас чую, же ктоси вошол. Открываю очы и вижу. Высокий шкелет...

Коли он поровнялся с лямпом, я старалася познати його. В білизні, на плечах нашмарене паперове сіре одяло. Всі кругом спали. Тото было женске отділение. По другой стороні коридора было отділение мужеске. Присмотрюся лучше и вижу — не человек, а шкелет. В тот час он подходит к первому ночному шкафчику, открыват, шарудит руком и, не находячи ничего, иде к другому. Пол жива со страху, спрашам, чого он глядат. — Кусочка хліба, чого-небуд поісти, — ледво чутно проговорил он. Подумавши, што шкелету хліба не треба, и што то — живий человек, я встала с постелі и пошла глядати по ночных шафочках. Нас было около 60 лиц, но я нигде не нашла ничего до сьіджия. Видячи тото, мужчина расплакался и сказал: “до рана уж не дожию, не вытримам. Бідна моя жена и діти...”

Тото было о полночы.

Рано мене позвал в мужеске отділение о. Владимир Венгринович. Умирал о. Михаил Шатынский из Сянока, с сыном котрого, юристом, я была знакома зо Львова. Ту я довідалася, што человек, глядавший ночью хліба, уж пару ночей, коли нхто не виділ, питался соломом из своей тостелі и скончался гнес на розсвіті.

Я припомнула мое знакомство с ним.

То был крупный, рослый мужчина. Брюнет. Правильны, красивые рисы лица поневолі приковывали к нему взоры наших. Родом он был из Буковины. Зимом 1916-го року мы с Надеждом Павловном виділи, як вечером, коли сторожевый солдат не виділ, он вырыл из под снігу кочан капусты и ту же жадно принялся істи його.

В другой раз я несла на руках маленьку Таню Могильницку. Он подошол ку мі и спросил: мой тот хлопец. Я отвітала, што то дівочка г-жи Могильницкой, с котром разом жию в кабині.

“Таке и я оставил дома и, расплакавшись, добавил — напевно уж больше николи його не увижу”.

Взрушена слезами дорослого мужчины, я старалася найти слова утешения: “Бог добрый, вернетесь, увидите”.

Ище больше розрыдался чоловік бесідуючи: — “Ой не увижу, не увижу... — Чувствую мое сердце, што не видіти ми больше ни мойой любимой жены, ни дорогих діточок, придется ту умерати с голоду.”

Высока, крупна фигура того чоловіка в самом начале лагерной жизни, а за тым його слова и впоследствии його шкелет, так врылись в мою память, што навірно до конца житя не сгладятся с ней.

Слова несчастного буковинца я повторила Надежді Павловні. Мы боліли над тым чоловіком, но чым и як можно было помочы йому, коли таких як он уже были тысячи. Товдиль уж и интеллигенты начали істи кто газету, а кто пуделка з пачечков, а потом ходили до лікаря лічитися.

Так, то был страх, котрый пойме лем тот, кто сам його пережил, но котрого словами не опишеш.

А 1915 — рок...

В еден февральский світлий и морозный день рано я вышла перед наш тридцатый барак. На дорогі меже бараками 27, 28, 29 и 30-тым стояло 39 (тридцат девят) деревянных трун, заполненных трупами из тых бараків. Бріховый тифус косил в тоту зиму лучших селян патриотов и интеллигентов. Не маючи чым накрытися в холодных и вогких бараках, штобы согрітися зарывалися біднягы в мокру солому, та в ньой и умирали. Бараки были с дощок, повал не было, с дахов, крытых папом лялися каплі воды от пары и потому солома, котрой было барз мало под каждым изгнанником, была перетертом и мокром.

И так из 20 до 30 тысяч, лишенных свободы невинных людей, под соснами осталось, записанных о. Владимиром Венгриновичом больше 2000 (двох тысяч). Но не ку всім баракам был доступ для него.

Печальну личность представлял собом хлопец “Босый”. Настоящей фамилии мы не знали. Попал он в наш дрогобыцкий транспорт из села Солоньска — перше село от Дрогобыча по дорогі в Медыничи.

Весном и літом пас он, як розказував, у поміщика коровы, а коли осенью пришол к нему за запластом, поміщик дал його арештувати. Взяли його так, як стоял, — босый в порванных штанах и лениной кошеле. Больше ничего на ньом не было. Літ йому было не больше 16-ти. Покаль было тепло “Босый” держался, а коли настали морозы, он достал запаление легких и умер в числі первых. Дати йому што небудь из одежи никто из нас не мог: сам лем мал того, што на собі, а лагерны власти в тот час ище ничего интернированным не выдавали. Так и заплатил житьем молодой здоровый хлопец лем за то, што посміл просити в пана заслуженну плату.

В тот трудный час каждый старался спасти себе от смерти с голоду як мог. Ту уже не смотріли на послідствия, яки очекували в случаю неудачы, — сидіние в одиночку в одном, презначеном для той ціли бараку. Припоминам, был ноябрь 1916 року. Около бараків весном была засажена фасоль и капуста. Фасоль давно уж оборвали заключены, а капусту німцы начали вырубувати и увозити гдеси. Собралася компания и рішыли вечерком под росивший дойджик, зроби́ти хоц бы маленький запас. Группа была солидна. Розділили ролі.

Надежда Павловна Могильницка и Павлович, начальник узловой станции из Буковины, розговоруваючи, прогуливалися, — смотріли, штобы не надышол сторожевый солдат. Я вирізувала головки, котры, к мойому страху, в вечерной тишині тріщали кус заголосно. Елифания Смерчинска и Констанция, дочка и внучка г-жи Смерчинской из Буковины, и Ананій Тарневецкий, тоже буковинец, носили в барак. В тот вечер нам удалось заготовити 75 великих красивых головок капусты. Прятали мы капусту под нары, на котрых спали. Всі кабины, в котрых дашто спрятали получили от нас капусту и (варили ей пару неділь

ПАНИ “ПСЯКРЕВ”

Як все, где жие больше скупление людей, та ище в таких собачьих условиях, и в Талергофі не обышлося без комичных картин.

Так осенью 1914 року привезли в наш, товдиль семей барак, даму. Ей было около шістдесяти літ. Одита была элегантно в темно - синій костюм доброго бельского материялу, на голові модна шляпа, прическа.

Коли солдат, сопровождавший, начал сдавати ей на попечение “цимер - коменданта” (газду барака), она розглядувалася кругом по бараку.

Комендант назначил ей місце рядом с родином Могильницких, напротив мене и Лютик. Старушка увидівши, што всі мы сидиме на перегнившей и мокрой соломе, пришла в ужас.

— “Ци я звірина, штобы спати на таком гною”. — “Моя корова на ноч все лігала в суху солому, она мала в стайні повалу. (В бараках повалы не было, лем дах из черной папы). — На ню с верху не капало, а я...? як я могу так спати? Разві я ферреретер - зрадник? Мой муж заслуженный генерал австрийской армии, а я в лагрі?”

Всім нам близшим сусідкам жаль было старушки, начали ей утешати.

Постепенно она, здавалося, успокоювалася. К вечеру она сняла свей капелюх, волосы ей были темного кольору, но коли она встала рано, волосы были совсім сивы. Так за ноч, коли мы, привыкшы уж к свойому горю, хорошо спали, хоц под нами было мокро, а ушы уж барз грызли, она не замкнула ока и с отчаяния совсім посивіла.

Послі неякого часу Юлиа Геровска, (Юлиа Геровска, русской народности, из Буковины, мати братів Геровских, с дочком Ксеньом, д-ром философии, давно уж — с первых дней войны — сиділа за кратами в Нидер-Штейнклямі — в Австрии) — так называлася свіжа узница, начала ходити за браму. За брамом была канцелярия — управление лагером. Она вносила прошения едно за другим, штобы ей выпустили. В еден прекрасный морозный день было назначено ей слідство. Допрошувал судья. Оказалось, она іхала в Карльсбад (гнес Карлове Вары, Чехословакия). По дорогі из Перемышля дали ей конвента-солдата с поручением доставити ей в Талергоф.

В слідстві оказалось, што она не родственница Геровских из Буковины, котры были русскими. Судья сказал ей — я вижу, што тут произошла ошыбка потому, што пані называеся Юлиа Геровска.

Взрушена слезами дор
ва утішення: "Бог добрый,
Ище больше розр
не увижу... — Чувству
любимой жены, ни до
Высока, кру
жизни, а за тым
в мою память, ш
Слова
Мы боліли
коли так
істи кт
читити
не

Тавлович, начальник уагоной
огулывался, — смотріли,
изувала головки, котры
кус заголосно. Епифа-
носили в барак. В
Смерчинско из
Всі кабины, в
ей пару не-

Катерина начала: — "Прошу ласки пана, я служила во дворі (у поміщика) и у нас было три партии". — Чировський доволен покрутил на креслі. — "Говори, говори", — добавлял.

— "Прошу ласки пана", — повтарят допрошувана, — "у нас было три партии. Одна партия — в поли робила, друга — в городі, а третья в стайни — коло худобы... — "А ты до котрой належала"? — задае вопрос слідователь.

— "Я, я... прошу ласки пана належала до той, што коровы доила". — В сали сміх.

Чировський незадоволений. — "А какой ты народности"? — "Я прошу ласки пана, украинка". — Катерина чула, што, если хто-то докаже свидетелями, што он украинец и за него поручится украинский комитет в Відню, то його выпустят. И Катерина пошла на хитрость, — назвалась украинком; но ище долго послі того топтала дороженьку меже лагерными бараками.

Так она и осталася в памяти талергофцев "Катерином украинком", принадлежавшей к партии, што доила коровы.

ЯК ЕДЕН ТАЛЕРГОФЕЦ ВАРИЛ ПЕРОГЫ

Некотры наши патриоты попали в Талергоф разом со своими женами. В их числі был отец Мариян Мышковский из села Перегримки, горлицкого округа на Лемковині. Отец Мариян был барз потішний. Он постоянно смішил нас чым небудь особенным. А любили мы його и матушку за их "барз уж гардый лемковский язык, на котром они меже собом бесідовали". Ругательным словом у них было "бортак" (нездара). Ним обділяли они всякого молодого, котрый чым небудь провинился.

Отец Мариян часто жалувался своим сусідам, — пошто тоты швабы забрали и його жену, уж лучше бы она была дома с дітми сиділа. На што тоты жены на світі потрібны. — Тото припоминало нам слова безсмертного Николая Василевича Гоголя, котрый в одном из своих произведений выразился: "Господи, и так много всякого зла на

Геровска" — отвітала наша

и на свое освобождение, но че, як "пані псякрев".

был тоже при комиссии, произошло с Катерином — барз грубом женщином, савшой на себе увагу.

ие. Діло ей вюл Чировський, (послі Талергофа), офицер чал допрошувати Катерину, а к партии, маючи на мысли

належала". —

и очы, он весело подмигнул ні он заявил: "Но, но, рос-

світі, а Ты ище и жінок наплотив". И отец Мариян часто по том поводі высказувал свои неудовольствия.

Коли свирипствовал тиф. то Мышковска заболіла. Ей забрали до шпыталы. До того часу матушка все дашто зварила, т. к. предпримчивый д-р Добия, живший разом с ними в кабині, от часу до часу роздобывал дашто из продуктов посредством солдат. Но коли жена захворіла зварити дашто не было кому. Варили тоты, котры получали місячний фасунок. К ним принадлежали священники, котрых серед интеллигенции было наибольше. Коли госпожа Мышковска уж выздоровіла. отец Мариян рішил доказати, што он и без жены може будшто зварити, и даже занести ей в шпыталь для подкріпления сил.

В запасі мал кус муки, бандур достал с трудом от кухаря, варившого для солдатов, пильнующих нас. А треба знати, што в Талергофі една ложка муки представляла большую цінность. Маючи ей можна было заправити получаему на обід квашену ріпу и съисти ей смачніше, но, и, розуміеся, обід был сытнійший. Даже послі такого обіда кышкы тихие грали свой постоянный марш.

О. Мариян, зваривши очищены бандуры, погружал их лыжком и даже добрі замісил кісто. Наробил перогов, розложил их на причах на чисте полотенце. Едным словом покаль всьо было готове по всіх правилах кулинарного искусства. А работа тота для него не была легком. Осталося лем зварити перогоы и пригласити на угощение сусідов священников, с котрыми от ничого робити часто вечерами грали в карты. Товдиль в моді был вист, гра в котрой можно было выграти або програти 1-2 гроша в продолжении долгого зимового вечера. Так обыкновенно грали талергофцы.

Памятам, в еден прекрасный вечер д-р Могильницкий встал от стола, за котрым грали в карты, и радостно заявил: — Надюнчик, я выграл! — Сколько же ты выграл? — был вопрос жены, — полтора гроша, — продолвал отвіт. Видно, змученный штоденным трудом, доктор часто проигрывал своим партнерам, а раз за який час выграл, был барз рад.

Отец Мариян принялся за послідный розділ своей работы. Всьо готове, лем зварити.

Вымывши відро на 8 літров, налял ту холодной воды, шмарил праві до полна перогов и, запаливши примус, начал варити. Он виділ, што, коли жена варила перогоы, то тото якоси ишло скоро, а у нього примус горит уж пол години, а перогоы не готовы, не всплывают наверх.

Тото настрашило недосвідченого повара, взял лыжку, начал их мішати. И... о... страх! Из перогов зробилася "саламаха", як называли в старину киевскы бурлаки. Выйшовши в корыдор, о. Мариян начал голосно звати на помоч своих сусідок: "госпожи, госпожи, ратуйте мои перогоы".

Из кабин выбіжали: Ольга Михайловна Байко, г-жа Раствецка, Купий и Созанска, а за спинами опытных газдынь, мы дівкы заглядували в чым діло. И видиме: на причах осталося 4-рі незвареных ище перогов, котры не помістилися в відро. Тоты лем и спасли наши газдынь, давши раду о. Марияну шмарити их в кипящу воду. Всі остальные пропали, т. к. бандуры и тісто всьо росплилось в воді.

И так наш симпатичный сусід был сконфужен. И муку, и бандуры попустил, сам не сѣл, жені не занюс и гостей не мал чым угостити, як мал замір. И осталася для нас молодых, будущих газдынѣ, научка, што пероги мечут лем в кипячу воду, а не в зимну для того, штобы их зварили. Тото на таком печальном приміру показал нам о. Маріян Мышковский.

С того часу прошло 44 роки, а если бы я была художником, то зараз ище по памяти нарисовала бы интересну картину, як синьо-окий отец чуть не плакал, што його пероги пропали, а жені мог занести лем тоты 4-рі оставшихся.

Кто чтить и любить родину, как мать,
Не должен о прошлом забывать.

КТО УМЕРАЛ В ТАЛЕРГОФИ?

Арештованных ни за што ни про што людей были тысячи. Едны из них годилися со своим положением и свое горе таили глубоко в души. не показуючи його другим открыто. Но были люде, на лица которых уж с первых дней заключения рисовалася глубока печаль и тоска и николи на лица их никто не виділ яког-то проблеска радостной мысли або надежды на вернение домов. Домів... Яке тото было могуче и радостне слово! Як много планов вызывало оно в каждом умі заключеного и заключеной.

Но были люде, котры даже на тото магичне слово, товдыль, не реагвали. Их ум, як будто, застыл, их чувство, як будто, притупилося, умерло, в тот самый день, коли они, под насилием жандармов, должны были прощатися со своим родным домом, своим дорогым семейством, котре уж дві тысячи літ тому так печально воспите півцом древности Овидием в своем безсмертном стихотворении Тристия (Печаль). Овидий рожденный в 43 року до нашей еры.

К таким неутешенным относился и мой сусід по селу Иван Попик. По характеру — прекрасный человек. Вірный муж, хороший отец своим дітям и не меньше заботливый член своей громады — своего села. С яким трудом создавал он в Медыничках: читальню имени М. Качковского, кооперативну лавку, кассу Райфензена, и молочарню.

Сам он селянин. А совітником його в тых цілях был интеллигент с 6-тьома класами гимназии, Антонь Бехметюк, отставный австрийский жандарм, так жадно рвавшийся на пенсию из окрестностей Кракова, штобы послужити полезным трудом своему народу. Помочником их вірным во всіх наших народных ділах был чиновник суда Кисера, которого в таком молодом віку пришлось нам хоронити на медыничкым цмынтарі. Тоты три люде создавали всі для добра своих едносельчан. И во всіх тых учреждениях Иван Попик был занятый. В читальни — председателем, в кассі, лавкі и молочарні кассиром.

И памятам, як радувался 60-ти літний старичок Бехметюк, што ест в них такой честный человек, котрый гроша общественного не дотхне, хоч сам к богачам не принадлежит.

И вот тот человек уж с первых дней ареста психично заламался. Я молода и наши старички, мой отец и Бехметюк, всіми силами старались розогнати його старунок и пригнетение, но нич не вызывало радости в том дільном и энергичном ище так недавно человеку. Он ту-

жыл и грызся и тоты два чувства были написаны неизгладимыми на його челі, лица, очах и на всім його физичном облици. Он, молодой ище, сгорбился и принижился всім своим существом.

Мі, двадцети-літньої товдиль дівичи, было непоятно, як може так психично заламатися человек, здоровый организм которого полный жытьевых сил и труд которого был так полезный для других. Таж маме сознание доброго для других діла должно давати йому силы вытримати лихы часы неволі.

Но я мылилася и была неправа в своих розсуждениях. Тото продолжалося недолго. В том убідил мене день 6-го декабря 1914 року.

В тот тяжелый для нас узников медыничкой тюрьмы день, около 9 години рано прошла по всіх бараках Талергофа неприємна вість: кулем "дум - дум", (котра выстрілена розрывается на части), убитый якысий-то селянин в бараку на другом подворці. Мене тота вість точно ножом кольнула в сердце.

По недолгом часі приближал до мене в слезах мой отец со словами: — убитый наш Попик.

Баракы были "холеричны" — там были случаи холеры и його изолировали — отділили от других. Ту не мож было входить посторонным. Но отец и я не могли воздержатися. Нараджаючися на такую же кулю, выждати момент, коли стороживший барак солдат перешол дальше, юркнули мы с отцом под деревянным бельком и нашлись в бараку. На соломі лежал мертвый наш дорогой земляк, сознательный патриот, вірный сын своего народа.

Черны, як смола волосы и такы же ровненькы обрывы украшали и тепер бліды и барз красивы рисы лица человека - мученика.

Мы узнали, што солдат стрілял в человека подававшего хліб другому в том бараку.

Попик стоял на колінах и молился. Куля стріляющего прошла через стінку бараку и попала в самое сердце молящегося, он лем перевернулся и уже не жил.

Постоявши над мертвым, отдавши йому честь, незаміченными солдатом, выбралися мы с отцом из бараку и, разышлись по своих місцах, долго оплакували и вспоминали дивны рисы твари послі смерти — такими рисовали коли-то лем святых.

И лем послі смерти Полика порозуміла я, почому так смугился тот человек, почому послі його ареста николи не увидили мы, його товаришы, недолі, усмішки на його твари, даже товдиль, коли други сміялися и могли його заразить своим веселым настроением. Понятным стал мі тоже душу роздарающий крик жены Полика, коли нас вывозили из медыничкой тюрьмы. Узнавши вскорі послі ареста мужа о смерти найстаршого сына, павшого на Сербском фронті, а затым в том же року о трагической смерти мужа, не выдержало здоровье хрупкой женщины сердце... Оставивши трое круглых сирот, преждевременно сошла в могилу. Настроению же, чувству, тых двоих людей, як я замітила уж в будущем на многих — едно лем може быти определение: зле передчувство, котре задолго до личной трагедии человека кладет на його настроение свою тяжку печать.

ЕДЕН ДОКУМЕНТ ТЫХ ЧАСОВ

Письмо с конфинации (жандармского надзора) Мелании Дмитриевны Гмитрик, рожд. Романовской к Емилине Дмитриевне Лавриш в Талергоф.

Моя золотая Милочка!

Твое письмо получила, за память благодарю. Барз ми жаль Любы, (Могильницкой, котрой мужа судьёю взяли из Талергофа на италиянский фронт простым солдатом). Хотіла бы ей утшштыти, як коли-то она утшшала мене, коли я была убита горем, но к сожалінню тепер не могу отблагодаритися за её добре сердце. Г-жа Гусця (Могильницка) выехала к своим дітям в Галицию, а отец Могильницкий жие в Відни. Где — пока не знам. Дітей г-жи Гусци я виділа на знімкї, барз красиво выглядят. Г-жа Гусця барз радувалася, што послї так продолжительного часу увидит своих щебетяток.

Ох, если бы так я могла дожидатися того, а то кажется ми, што уж сил не выстарыт: мои нервы начинают воювати. Ой, если бы так жил был мой Люсик, всьо было бы иначе. А так треба скаменїти на всі болї и терпіння, о чом тверджу собі цілый час, но не могу. Всьо едно и то же на мысли и думкї, где не пойду, где не посмотрю сами раны открываются в мойом сердце, а конца не видно.

Милочка дорога. Из письма твоего вижу, што Ты барз упала на духу и начинаш сомніватися в своей будущности. Не унывай! Если он человек с характером, то Тебе не оставит николи, а буде и дальше любить и ласкать в своих мечтах. А если нїт, то он Тебе не стоит. (То о мойом жениху Николаю Игнатьевиче Дмитрюк из Рейовца около Холма. В часї войны он узнал, што мене повїсили в Перемышлї, так рассказывали очевидцы. Будучи студентом Духовной Академии в Москві, попросился на фронт, штобы одомститися австрийцам смерть своей невесты. На фронтї под Красником, (тото расповїла ми подруга из Дрогобыча зо школы в 1923 року), был тяжко раненый и, очевидно, умер от ран, так як ни родны, ни я його в живых не отнашли).

Но я вірю, што сомніния твои напрасны. Ты мучишся ними и зря теряеш свое здоровя. Тверджу о том потому, што Ты поровновала його характер с моим Люсиком, а мой Люсик не сдїлал бы того и не оставил бы мене на роздорожу жизни за ниякы сокровища того свїта. Една смерть сумїла, тепер в саме лучшее время нашей жизни взаимной любви, разлучити нас. Но напрасны мои страдания, не вернут они мойого счастья. В моих ушах звучат лем грустны пісні, а в головї кружат лем тяжкы думы.

Ми кажется, што я была больше счастлива в тоты минуты, коли стояла в дверях бараку и смотрїла хоц лем на тот білый крест, котрый далеко - далеко білїл в місячну ночь або при бляску заходячого солнца. А тепер не мам и того маленького утшшения.

Заран уж 9 місяцов, и я една піду на заупокійну литургию, котру будут слижити за його душу. Помолюся, поплачу и Господь буде милостив для него и для мене.

Мы жиеме яко-такое, дороговизна росне с каждым днём. Хризь (брат мужа) попал в плїн к русским, он уж уходячи в армию из Талергофа рішыл попасти там.

Пиш, Милочка, што нового в вас. Кто из моих родственников и знакомых пошол в армию. Передай привїт о. Вахнянину, о. Роману Кокотайло и всім прочим знакомым. Поцілуй от мене г-жу Любу. Писала я Яни Крыницкой, но отвїта не получила. Ей муж Петрусь, як рассказывали Свистуны, (тоже бывшы талергофцы) получил нервовое розстройство, коли взяли його в солдаты. (Петро Крыницкий судья в Городкї коло Львова. Жену взяли в Талергоф, а його в армию). Но тепер йому як будто лучше. Их маленька дочка, говорят, умерла.

Цїлую кріпко и очень сердечно.

Меля

Оберллабрунн (Нидер Остеррейх).

22 ноября, 1915 року.

Сколько скорбы и трагедий в єдном лем писмї. А таких писем на нашей маленькой Родинї было сотни тысяч в каждом домї в тот печальный час было свое неутшше горе.

СПИСОК ОБИТАТЕЛЕЙ СЕМЕЙНОГО БАРАКУ
ИНТЕЛЛИГЕНТОВ № 30.

Перечислены тоты особы, котры долше в том бараку жыли с особенным вниманием на женщины.

1. Г-жа Куций, жена священника, с мужем, сыном и дочком Ярославом.

2. Учительницы: три сестры Стеранкы с братом из Жегестова.

3. Послї них в той кабинї жыли двї сестры Сушкевичи с братом, студ. полит.

4. Фамелия проф. Гичко: проф., жена, дочка Лидочка и сестра жены Неон. Полянска.

5. Фамелия Раствецких: отец Феликс, жена, сын Йосиф и двї дочки Мария и София.

6. Г-жа Саламон, жена священника с мужем.

7. Г-жа Мышковска, жена священника с мужем, из Перегримкы, гориньского повіту.

8. Г-жа Крыницка, жена судьи с мужем — судья из Городка коло Львова.

9. Фамелия Гнатышаков: отец Габриил, парох Крыницї села, с сыном Теодором, студентом ветеринарии, Орестом, юристом, а пізніше двї дочки: Ольгом, замужном Кукуревич и Мариом, замужном Витошинском.

10. Фамелия Смеречинских из Буковины: мати, сын — юрист Константин, дочка, ученица учительской семинарии Елифания и внучка Констанция.

11. Г-жа Сандович Пелагия Ивановна, вдова по отцу Максиму, православному священнику на Лемковинї. Г-жа Гмитрик Мелания Дмитриевна, рождєнна Романовска, дочка священника из Дмитрия, жидачевского уїзда, муж отец Николай и Лавриш Емилине Дмитриевна, из села Летни, дрогобычского уїзда, замужна Яновицка.

12. Панї Дедзинска, полька с мужем.

13. Г-жа Созанска Елена с мужем с Бжозова, позже и Городецка Надежда.

14. Фамелия Могильницких: судья Корнилий Осипович, його жена Любовь Павловна, рожденна Гомичко, внука Адольфа Добрянского; жена брата Корнилия Осиповича — пані Гусця — полька.

15. Г-жа Свіжинська Анна, вдова, с племянником Петрасевич.

16. Г-жа Чубата с мужем священником и сыном гимназистом.

17. Учительница Яворска Емилия Андреевна с братом о. Стефаном, парохом села Рудники, жидачевского уезда.

18. Учительница Савчак Стефания с отцом.

19. Г-жа Гумецка с о. Юлианом, парохом села Вербиж, жидачевского уезда.

В остальных кабинах были мужчины преимущественно священники.

20. Отец Дуркот Йоанн с двома сынами: Теодосий и Сергей; о. Йоанн умер там.

21. Отец Гелитович с сыном Ярославом, студентом политехники и Владимиром — судьом, и Вальницким Емилианом Михайловичом, юристом; о. Гелитович, парох Косова.

22. Отец Венгринович Владимир и други, котрых уж не памятам.

ТАЛЕРГОФ — ТО КРОВЮ И ТЕРНЬОМ ПИСАНА ИСТОРИЯ ВІРНЫХ СЫНОВ КАРПАТСКОЙ РУСИ

Хто выдавал наших людей в руки австрийских властей?

Коли строчиш смутну историю Талергофа, вопрос доносов напрашивается сам собой. Но к великому нашему сожалению, нам недоступны архивы первой світовой войны. Недоступны нам тоты папері с печатками и подписами. Но их не увидит и послі нас историк Карпаторусской Голгофы.

Австрийцы и их помощники украинскы самостійники знищили все, што могло бы их опозорити послі отступления из Галиции австрийских войск.

Но людска молва и поведение украинских шовинистов по отношению к русским патриотам уж в первые дны войны, т. е. в августі 1914 року, настойчиво твердили, што ждут нас аресты и висілицы.

В Медыничах и Летні не находили собі місця, пока нас не забрали, пан судья Саевич, дорожный техник Шведзицкий и жандарм Бойко. Саевич и Шведзицкий штоденно сообщали, покаль жандарм Бойко, в компании ище 4 помочников — солдат, не забрали отца и мене, первых из Летни, а затым уж остальных 15 людей из Летни и Медынич. Коли мы вернулись из Талергофа, судья Саевича уж у нас не было. Видно угрызения совісти гнали його с місця на місце. Бойко погыб на войні в первые дны. А Шведзицкого тоже уж не было и тоже, видно погыб. Тото относительно нашего села.

Што тычытся Лемковины, то еден из наших выдающихся историков тых часов, котрый попал в Талергоф, як гимназист 7 або 8 класы, уж там на місци, записувал все достойне його увагы. Йому именно можно вірити вполні: через його руки прошол не еден документ при изготовлении к печати “Талергофского Альманаха” от 1924—1932 годов.

То доктор Ваврик в статі “Русского Голоса” за прошлый год дае

отпор Тарновичу, украинскому писаці, котрого и теперішны события ище ничего не научили. Правдиво голосит народна пословица: “горбатого и могила не напростуе”.

Посмотрте, што пише Василий Романович в отвіт Тарновичу.

В своей книге Тарнович мече громы на поляков и “москалів”, т. е. русских, но тщательно молчит о всіх звірствах австрийских жандармов, дійствовавших в 1914 року по указаниям украинских шовинистов. Он не пише, што на основании доносов учителей: Кобанього из Гладышова, Переймы из Русской Ропицы, Гуцуляка из Изб и священников: Менцинского из Маластова, Заяця из Великой Мацины, Говды из Боднаркы, Дороцкого из Злочкого, Смолинского из Ростокы, были звірско ростріляны; в Горлицях православный священник Максим Сандович в Новом Санчы, декан Петро Сандович и його сын Антоний.

В Грибові был повішенный гимназист Теофиль Мохнацкий, а сотні общественных деятелей из интеллигенции и селян были вывезены в концлагеры: Терезин, Талергоф, Оберголлбурн и др.

Военным судом в Відни в 1915 року были приговорены к смертной казни через повішение: Семан Булик, адвокат из Мушины; Гавриил Гнатышак, священник из Крыниці; Роман Прислопский, священник из Жегестова; Александер Гассай, юрист из Мушины; Александр Савюк, адвокат из Сянока; Дмитрий Вислоцкий, редактор газеты “Лемко” из Лабовой; Иван Андрейко, студент из Тылича; Федор Мохнацкий, земледілец из Мохначкы; Александр Милянчик, учитель из Поворозника; Мефодий Трохановский, учитель из Крыниці; Феодосий Дуркот, священник из Ждыні; Николай Громосяк, селянин из Крыниці.

Тот список можно было бы продолжати без конца.

ПРИРОДА

Природа в Талергофі была замічательна.

Лагер расположеный был в долині рікы Мур, в подножю чудных гор Альп. Кругом были дремучы лісы. В некотры дны весной, літом и осенью бывали на небі чудесны рефлексии — отражение, переломленных в горах лучей солнца. То бывало особенно рано и под вечер. Коли в ранний розсвітний час поднимался золотый солнечный шар. Коли солнце поднималось, продиравшеся из за туч отражение його розділенных лучей на всі радугы, робило на созеравшего його узника неизгладиме впечатліние.

Товдиль обыкновенно якыса часть неба была світло-синього, майского кольору; друга темно-темно, до черно - синього, а ище где-то, у самого солнца, горіло ясно красным поломеньем, точно оген.

Тоже бывало в некотры дны, коли уставше, казалось, за весь день солнце уходило на ночный покой. Товдиль казалось, што кто-то воткнул в облакы всіх кольоров радугы громадніших розміров флаг, котрый полыхал в небі разными отінками красок. А прохладными ночами в небі появлялося столько звїзд, што сегодня сказали бы мы — то, навірне, якутске алма-зоискатели в Сибири выложили на показ всю свою добычу.

И просто вірти не хотілося, што на лоні такой чарующой природы могли родитися и жыти такы извергы рода чоловічого як полков-

ник Штадлор комендант лагра и його помощники.

И прискорбно што именно тоту прекрасну долину выбрали австрийскы власти на настоящий ад на земли — пекло — для своих споконных “тирольцов востока”.

ТАЛЕРГОФ — ТО ИЩЕ ЕДНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРЯМОЙ ДОРОГЫ ЕДИНСТВА РУССКОГО НАРОДА, ДОРОГЫ, С КОТРОЙ ЗАВЕРНУТИ ЙОГО НИХТО НЕ СМОЖЕ.

Перейдут літа и увидит наш человек на полици у знакомых посірівшы книги — “Талергофского Альманаха” и йому подобных — барз мало — и зморщится: Неужели ище не надоило. Все поросло уж травом. Не треба трогати — бередити стары раны. Книжечкы невеликы и негрубы, пожелтівшы от старости, но на каждой страници ничым незаслуженны страдания, мучения и кров розстріляных, ужасы повішених.

А где-то у далекого небосклона воскреснут в памяти кресты кладбища “Под Соснами”, заоранны давно уж под управу зерна в Австрии — воскресне. Терезинска тюрьма в Чехии, и така же в Оберголабурні, в той же Австрии.

Вспомнутся узники, заключенны в столицы Австрии, Відни, всіх 12 особ, осужденных на кару смерти через повішение. Им на интервенцию — заступничество — испанского короля Альфонса 13-го смертна кара была замінена пожизненным тюремом. И лем на основании амнистии цисаря Карла I-го дня 15 мая 1917 року віденскы русскы узники вышли на волю.

Так невинно, лем за свою горячу любовь к Руси, к ей гуманистичной культурі просиділи они праві три roky.

Но не всі могли вернутися, остался там, навірно, самый наймолодший из них Теодор Гаврилович Гнатышак, студент ветеринарии. Он не желал идти в армию послі всього пережитого с білом опаском на шапкі, што означало ферретер - зрадник. Пил чорну каву большыми порциями и коли стал перед военну комиссию, был признан негодным, хворым сердцем.

Яке же было чувство старичка отца, смотрившого на смерть сына и думающего о том, што в Талергофі остались ище дві dorosлы дочки, а найстарший сын юрист, с білом опаском на шапкі послі Талергофа, должен сражаться в рядах армии того государства, котре так бессмысленно и глупо уничтожило своих же граждан, там на их родной земли и ту в казематах.

Люде, посвятившы себе служению народу, поймут тоту благородне чувство наших узников, тым больше, што нихто из них не гонялся за славом. Их единственным “переступлением” против Австрии было желание подняти выше экономично и культурно свойого селянина. За такую работу серед простого народа другы государства все награждали медалями, русских же жителей Карпат от многих літ ждали лем переслідования и тюрьмы.

Их вознаграждением была радость честно исполненного долга перед своим народом.

И за тот безкорыстный труд Австрия заплатила им адом Талергофа.

Емилия Дмитриевна Гальчак

НАШЫ ПАМЯТНИКЫ

Вшиткы народы мают свои памятники, памятники историчны, памятники культуры, а так само памятники, котры припоминают о борьбе народов за свободу и прогресс.

Маме такы памятники и мы лемкы. Тоты памятники будували наши прадіды, ділы и няньове, а декотры и наше покоління. Тыми памятниками дорожили и опікувалися наши передновы люде и переказували их старшы молодшым.

В 1945-1947 роках наши люде змушены были опустити свои родны села, а так само и наши памятники остави без опіки. Треба повісти, же дакотры с них уж пропали, дакотры нищият дальше и не в силах их днеска уратовати. але сүт дакотры, што при вспольном порозумінію и помочы материальной удало бы ся уратовати. О тых остатных хотіл бы-м дашто написати. Як ходит о памятники нашого будовництва и архитектуры, то серед них ест найповажнійшом церковкы. Велике число, то уж або розобраны, або скоро розвалются и згниют от того, што перетікают дахы и гние дерево, а так само с середины нищият малюнкы и дорогоценны образы. Часть с них ужитку и тоты сүт меньше загрожены, бо практикуючы люде опікуются нима. Друга часть, котра представляет велику вартость забыткову, ест обнята опіком державного консерватора, котрый в

міру можности и средств провадит ремонт, як в Ріпках, Ганчові и инших.

Остатныма днями рішено передати ище пятнадцать церквей в воеводстві Ржешовском до ужитку практикуючим (вірующым). Вопрос ест лем теперь тот, чи загосподарувати и отремонтувати!

Сут у нас и такы памятники, котры поставлено в рочниці принятия православной віры, то ест крещения Руси. Такий памятник стоит в селі Ганчова, сүт и в инших селах. В Перегримкі стоит памятник мученикам Талергофа. Правдоподобно в селі Воловец стоит памятник М. Сандовичу, а недавно отнайдено памятник 44 мученикам в Перемышли, котрых 14 серпня (августа) 1914 року зрубали шаблями австрийскы палачы. (Меже ними была молоденька дівчина Мохнацка). Памятник находится в добром состоянии, лем нее на ней таблицы с именами помордуваных. Ест дуже місцевостей, где в остатной войні помордувано наших партизанов и мирных жителей, але місця тоты до того часу ище не сүт упамятнены. Што правда, побудовано символичный памятник павшым в борьбе за свободу с німецкым оккупантом в Устью Русском, але незалежно от того, належало бы ся упамятнити и тоты місця, хоч не великим коштом, наприклад, в Перегримкі, где лежат наши герои Григорий Во-

дзик и Андрей Завойский, в Розділю, где помордувано кілка особ и спалено хижы, в Клопотниці, где росстріляно жену Стефана Оленича и спалено четыри хижы, в Мацині, где росстріляно кількох людей, в Свіржові, где згинуло двох партизанов, в Мысцові и иных селах Лемковщины. То ест нашым долгом оставшихся в живых заопікуватися тима місцями погибших геройов, котры отдали свое життя в боротьбі с гитлеровским оккупантом, бо то буде доказом, же наши люде не стояли на убожы, а боролися, отдавали свое життя и днеска мают право на свободу.

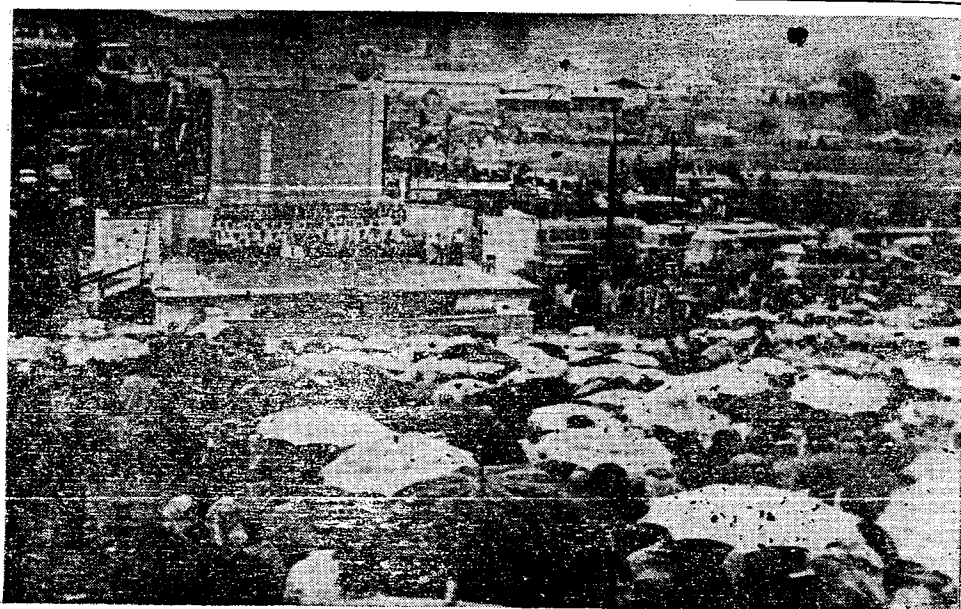
В Польші прошлого вересня (сентября) поминки померших, и в тот день вшитки люде идут на гробы своих близких, кладут кві-

ты, світят свічки и лямпкы. В тот день цмынтари біліют в квітах. Тым способом живы отдают честь и пошану близким.

Минушого року перший раз перед святом поминков собралися лемковскы діятели и рішили, жебы отнайти вшитки місця, где лежат помордуваны наши герои и зробити список, а в міру можливости их упам'ятнити, хоц бы на разі без больших выдатков, заопікуватися тими памятниками, котры ся ище сохранили и их отновити.

А в день свята вмерлым 1-го вересня группа лемков зложила квітки и горющы лямпкы на памятнику мучеников Талергофа в Перегримці, а так само на гробі недавно помершого Петра Павляка.

Михаил Донский

Снимка с фестивалю в Свиднику

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИТЬЯ СТЕФАНА КОПЕЙ, ИЗ СЕЛА ПОСАДА ЯСЛИСКА, ПОВ. СЯНОК, ЛЕМКОВИНА

ИСТОРИЯ МОГО ЖИТЬЯ ОТ I СВИТОВОЙ ВОЙНЫ

Я рожденный в селі Посада Яслиска, пов. Сянок, на Лемковині. Село заселене в большинстві поляками, але мы лемкы як русины народно и религийно принадлежали до парохии русского села Дальожа. В нашем селі был великий тартак на четыри гатры, што різал дошки день и ночь непрестанно, был великий фольварок, где біднійшы люде зарабатывали собі на життя, был кляштор с польскими законницами, но и лісничий, який дозерал паньского ліса.

Недалеко было мале місточко Яслиска, там был постерунок жандармерии и финанцов, бо то лем една миля до Чехословацкой границы и дорога веде через села Чертіжне, Габуру, Гбуров до міста Лаборца.

В родині нас было семеро дітей, два брата и пять сестер. Тепер три мои сестры живут в Совітском Союзі, една сестра в Монреалю, Канада, а сестра Анастасия и брат Ілько живут в Линден, Н. Дж. США.

Наш отец, по большой части перебивал завсе в Америкі, зато я як найстарший сын приучувался до господаркы при родині, и так зацяглося аж до 18-го року мого життя.

Коли началась I Світ. Война в 1914 р. наш отец як раз недавно повернул из Америки, то на першу мобилизацию забрали нам коня, а незадолго потом забрали и нашего отца до войска, но он дался реклямовати на газдовку, бо были ище малы діти, так што його потом отпустили домов.

На другу мобилизацию в 1915 р. забрали уж и мене на военну службу до міста Сянока. Но русска армия была уж в Галичині, то нас рекрутов повезли аж на Венгры до Будапешту. Там абрехтерували нас за два місяцы, а так потом нас всіх умундуrowали и зробили уж готову на фронт марш компанию. Тогда нас рекрутов змішали и прилучили до штандовых вояков, што уж были на фронті, и знов их з нами разом гнали на фронт.

З Будапешту привезли нас до Кракова и там дали нам уж цілый фасунок на фронт, т. е. узброение, провианты для вояка як цвибак, консервы и иншы потребны до життя річы, и то всьо на разі заказано было нам істи. Нас подвезли уж под самый фронт коло Лимановы, там мы розложилися на пару дней и ждали на приказы, а же кухня не подходила до нас уж четведтый день, то гдекотры воякы голодны начали істи свой провиант. Зато потом они достали тяжку жару, яку называли "слупок", што для мене было страшно видіти и призератися на таке.

Тымчасом в дорогі я познался с едным цугсфирером, котрый уж был раз на фронті, а то был наш краян лемко, а зато он признался мі в секреті, же он боится идти знов на фронт, и што он волілбы ліпше достатися до русской неволі. Я му повіл, та з неволі ты николи живым не вернеш, бо там они тебе убьют, а он каже, того я ся уж не бою, жебы лем посчастлило там достатися.

Я взял собі тото до головы, подумал собі дост серьезно, и так потом задумал и я достатися до русской неволи, и так мі потом счастье послужило.

Было то уж под вечер, коли на приказ команды мы подышли уж на фронтову линию и там под гором розложилися на ночь. Через ночь было тихо, ни мы русских не атакували, ани они нас. Памятам, як раз в тоту ночь мене назначили на варту, но хоц я и чул дашто в кряках то я не стрілял, бо до русских я не хотіл стріляти, а як бы там не было ничего, то я боялся, же будут мене карати, што я здрадил нашу позицию. Видите, и так зле и так недобрі. Но скоро над раном, як начало розвиднятися, было здалека чути русских, што подходили ближе под наш фронт, а мы мали приказ не рушатися з місця ни вперед, ни взад. И так потом цілый день была стрілянина, русскы стріляли до нас, а австриякы до русских.

В моим регименті, я был в першой компании, в першом цугу и в першом швармі на самом правом крылі, так што по правой стороні мене не было никого на фронті. Але перед вечером, коли началось змеркати, русскы зробили наступ на нас на цілом фронті. Козаки обышли ліве крыло и начали стріляти из пулеметов, и так по цілом фронті не чути было нич, лем стрілянину и ура-ура-ура!

Австриякы достали приказ отступати, а русскы ище больше гнали за нами и так розбили наш регимент, што мы не мали уж жадной команды. Много было перебитых, даяка часть поутікали назад, а решта поукрывалися в лісах и потоках. Мы австриякы были так розбиты на всі стороны, бо нас атакували цілу ночь, а там были великы горы, густы лісы и страшно глубоки потоки, так мы и сами не знали где мы находимся, зато мы ся так потратили по пару вояков ту и там.

Мы на правом крылі не виділи русских, а они нас зауважили, но и як засіяли по нас з машингверов, та мы долго лежали так тихо, што никто пальцом не рушил. Русскы думали, же мы уж побиты, но они взяли за долгий націль, так што кулі дас пять кроков падали понад нас.

Так мы там перестрашены цілу ночь лежали, а рано никто не знал где утікати, бо нас атакували со всіх сторон и с фронту, и з боков.

Коли началось розвидняти, то мы потрачены воякы ходиме по лісі, всяди тихо и нигде ничего не чути, а не знаме где мы находимся и ніт кого звідатися в лісі. Нас было трьох, там по дальше стрічае знов трьох, ище дальше двоих. и там знов пятох, и никто не знат где ест наша армия. В лісі тисне мороз, бо то зима, як раз надходят "Різдяны Свята".

Вышли мы на край ліса, там на долині видно малу хату обложену соломом от земли аж до верха. На дворі видно было хлопа и дві жены. Зышли мы на долину, вошли до хижы звідатися где мы, и где австрийскы войска.

"О та вы уж позаду дас 15 км за русскыми войсками, бо цілу ночь без перестанку ишли русскы войска". Жена, только што нам повіла, а в дверях стоят два козаки и кажут "Бросай ружье" и выходи на двор! Нас забрали до команды, где стояла ціла козацка рота.

Уставили нас в линию до ряду, пришол ку нам козацкий капитан, и звідуеся каждого, кто и якої он народности, а к тому додал: "А кот-

рый поляк, тому я у морду дам". Меже нами были нашы галицкы и буковинскы русины, а были и полякы. Капитан пришол до мене и гварит: "Кто ты такой?" — "Я русский", — отповід я. Он вытяг из кишени половину срибного рубля, дал мі и повідат: "Счастливы ты, што попал в плен, будеш жив".

И як на диво, што тогды всі записалися за "русских", не было ни поляков, ни украинцев, а там нас коло фронту ище, было уж около 70 вояков. Поставили нас в ряды и в поход, и никто не знал где нас поженут.

Нас гнали козаки на конях, а мы плінны ишли пішком на ногах, а по дорогі каждый день до нас прилучали новы группы военноплінных с других фронтов. На ночь заводили нас на великы станции в селах, где были великы школы, або в паньскы дворы, где мы спали в стодах. Козаки, што нас гнали, змінялися в каждый день иншы, а мы плінны ишли цілыми днями на ногах, и так за два тыждні пришли мы аж до Львова.

Там было нас уж 1,400 австрийскых военноплінных, нас завели до касарні и злучили нас разом з плінными из других фронтов. До той касарні приізжала якаси графиня, она привозила там на великом возі хліб для плінных вояков. Незадовго потом во Львові, повели нас всіх на стацию, посадили на товарный поїзд, по 40 вояков до вагона. Нам давали каждому по 40 копійок на ден, а всяди на станциях, где оставлялся поїзд, была кипяча вода на чай, там были лавочки (склеп-кравниция) где можна было купити собі хліба, а як выстарчало грошей, то и сала до хліба.

Нас привезли до Киева, там пересадили нас на поїзд и повезли до Одесы, из Одесы знов до Москвы, а из Москвы повезли нас аж до Омска на Сибирь. Тота наша подорож тревала за два місяцы. Там в Омску была страшна зима и барз великы снігы. Нас повели до великого лягтру для военноплінных, где было уж много народностей як німцы, бадары, румуны, но и славяне — чехы, словакы и мы русскы. В tych бараках была страшна зима, здавалося так, же там буде уж наша загибель.

Але на счастье, за пару дней пришли там два русскы офицеры и кількох солдат и розділили нас по народности. Нам русским приказали ставати на одну сторону, порахували всіх, нас было там 700 русских всіх разом. Интересно замітити, же ни поляков, ни украинцев там не было, хош меже нами было много из Буковины и вост. Галичины, но там всі записалися за русских.

Там нашу русску группу завели потом на желізно дорожну станцию, перевезли за місто на другу станцию и кажут сходити. Там ждали на нас уж богаты господарі из околицы, што приіхали в санях на станцию за нами. Коли мы зышли из поїзда, вошли до середины, а там направили по сибирскы убраны мужикы, по два аж по землю кожухы, футровы шапки на головах и валенки на ногах. Идут они по меже нас и выбирают собі до вподобы, кого захоче. Еден бере одного, двоих, трьох або и больше, залежно, на сколько он мае місця в своем домі, и сколько он мал для них работы на господарстві. Им платила казня по 40 коп. на день за утримания одного плінного.

Коли нас звыбериали и сажали в сані, то нас убрали в теплы шу-бы, кожухы, шапки и дали нам валенки на ноги. В санях запряженный лем еден конь, бо там барз глубоки снігы, так што конь за коньом тягне санки за колейком, як в тунелю, а по боках сніжны стіны. И так привезли нас на деревню, собралися люде, им интересно было знати, што то мы за люде тоты “австрияки”, а нам знов было интересно видіти, яки то люде живут там на Сибири. А ружницы не было великой меже нами, кромі того, же там бесіда твердо русска и с початку нам было дост трудно порозумітися. Я, сам попался до богатого господаря в селі Ключонка, таких богатых людей, подобно як у нас “дідичов” на фольварках, их там называли “Чалдонами”.

В том селі было нас 100 военнопленных, всі русскы из Галичины, из нами был еден австрийский оберлейтант и фельдфебель, но и трьох русских конвойных солдатов. В каждую неділю мы сходилися на село, для проверки и переслухання даяких жалоб або доносов.

Там мы робили через літо на господарстві за ішло и до того платили нам по пару десят коп. за роботу. Літо там на Сибири дуже коротке, лем 3 місяцы, але горяче, весна и осень праві незамітна, зато зима долга и тверда, завсе 42 градусы (Цельзиуша) ниже зера. Але зато земля сама чорна, маіна, без камсничка и така урожайна, што зерно там за 2—3 дны выросне скорше, як у нас за дві неділі.

Народ там на загал был до нас дуже приятельский и дружелюбный. Там мы побыли пол зимы и ціле літо.

На зиму знов нас повезли до міста Самара над рком Волгом. Там не видно было русских людей, лем татары и киргизы, ани не видно там коней, а всю робили верблюдами. Там знов за дротами в бараках, змішаны с военнопленными ружных народностей, перебыли мы через зиму. На весну нас всіх русских забрали и перевезли нас до Одессы. Там в бараках было много новых, только што из фронта привезенных военнопленных.

В Одесі, там была для нас работа на пароходы (шифы, угля ладувати, не легка то работа, а до того нами зачали барз тяжко гарувати. Наши офицеры повіли нам, жебы на рано сидіти в бараках и не выходить на работу. Мы так и зробили, але за короткий час пришол русский капитан с цілом ротом войска. Капитан дал приказ нам всім пленным выйти из бараков на двор и поставати до ряду, перед цілом ротом збройного войска. Так мы стояли и ждали, што буде с нами. Тогды капитан закликал наших офицеров, и звідался, ци мы поїдеме до работы. Офицеры поговорили разом, а потом приказали нам ийти зараз до работы. Так мы робили там через літо и цілу зиму змішаны разом перебыли зме в бараках в лягрі за дротами. На весну нас русских знов забрали на станцию и поїздом перевезли на меншы группы, по 20, 30 або 50 людей и розослали далеко по желізно дорожных станциях, где сколько было потребно. Там едны направляли желізные вагоны, поправляли треки (торы), перекладали або ладували угля на желізные паровозы и т. п.

Я был назначенный до Мариополя и оставался там на місци, але ту мы были уж зовсім свободны и могли без надзора ходити або выходить, где мы сами захотіли. Там до Мариополя сходятся желізные

дороги зо всіх сторон, от Москвы и Петрограда, от Смоленска, Киева, Одесы и прочы. Там ставал каждый поїзд наберати угля и воду.

Было то в 1917 року, як раз приїхал поїзд из Петрограда. Из паровоза вышел управляющий машином с газетом в руках и кричит, же в Петрограді настала революция. Он привюз несколько газет и каже, кто хоче дознатися за революцию, то газета стоит 3 рубля. Люде скоро росхватали газету, но и каждый кто хотіл сам почитати газету, мусіл собі газету откупити за 3 рублі. Коли люде дозналися правду, што в Петрограді царя зошмарили из престола, зробилося замішание. Были такы, што боялися, же буде біда, но революция ширилася што раз больше и многы робочы оставляли фабрики и заводы и іхали на помоч революционерам. Многы из наших военнопленных так само ишли до большевиков, а мы познавали их по пісні, яку в поході співали:

“Вставай, подымайся рабочий народ,
Бери палки в руки, накрывай господ!”

Стефан Копей

Зараз видно было, што всі желізнодорожны служащы, инженеры, робочы и руководящы паровозов, кромі поміщиков, всі были зволениками революции. Но при такой заверухі, началися также и беспорядки, бо находилися хитры люде и шпекулянты, а при том и добры люде або купцы, боялися долгой революции и начали ховати свои споживчы товары. Тогды, многы простые и бідны люде, подобно як и мы военнопленные, мусіли стояти и чекати по очереди за хлібом.

Там в Мариополю прожили мы больше як рок часу. Но 1918 р. начали уж приїзжати там австрийскы и німецкы поїзды, они ладували и заберали всю што лем попало, навет чорну землю заберали из русской территории, бо тогды ище всю называли русским, и там я ище не чул за Украину.

Потом пришли там части австрийских войск, и нас всіх военнопленных заладували на поїзд до Австрии, и привезли нас аж до Сокаля в Галичині. Нам всім дали 1 місяц часу на отпуск (урльоп), а потом приказали вернутися, каждый до своего regimentу, а мой regiment стоял в Перемишлю. Нас, што повернули из неволи, кликали назад до войска, бо война в Италии не была ище закончена. Коли я вернулся до сво-

го regimentу, то мене призначили до марш компанії, што через два тижні должна была идти на фронт над ріку Пияву в Италиі. На щастя, як раз брали охотників до школи при машин-гверах. Я не хотів идти на фронт, то я перший из піхоты записався до той школи. И там при науці машингверов забрало нам два тижні часу. Скоро потом знов трафилася нагода до школи при артилерии, знов я перший зголосился за охотника, на науку артилеристов, и там я так само збавил два тижні. И тым я выиграл на часі, бо теперь видно было не спішилися нас послати на фронт до Италиі.

Из Перемышля перевезли нас до Ляйтмариц на Судеты в Чехах, где жили самы німцы. Там пребывали мы даякий час але нас дуже не обучали войскового діла, бо так офицеры як и воякы были перемучены войном. Нас там часом выганяли на поля до работы при бураках.

Раз по обіді, коли воякы дозналися, же война закончена, и же Австрия войну прогнала, то всі, котрым недалеко было домов, забирали коні и мундурами, забирали убраня из магазинов, и всьо што могли занести брали домов. Для мене до Галичины было задалеко брати дашто зо собом, але як я приїхал на польску границу, то там на каждой станции польскы легионеры переглядали каждого вояка и забирали всьо, лем бодай он зашол домов обутый и не голый. Так на конец я уж дома из австрийской войны, а ту застал ем нову паньску Польску.

Коли Австрия распалася на части, то из ней вытворилися новы национальны державы. И в нашей Галичині, котра была втягнена до Польши, начались реформы, штобы створити мощну армию для Польши. До той Армии ишли охотно молоды, як и старшы, выслужены уж за Австрию польскы воякы, а также забирали наших молодых лемков, а так потом кликали и нас выслуженных при Австриі вояков. Но мы старшы, не хотіли больше воювати, то мы ховалися по лісах. Коли польска армия была уж дост "мощна", то наш пан Пилсудский объявил поход на Киев по Украину. В тот час многы из наших русских лемков дезертировали из польской армии, и укрывалися по дебрях и лісах, бо не хотіли идти воювати против русских.

И коли мене хотіли забрати, то я так як и други скрывался по лісах, а польскы жандармы глядали за нами и в день и в ночи, но боялися до ліса заходити. Но коли находили зимны ночи, то мы приближались до села и спали где кто мог, по загатах, стайнях або стодолах, а жандармы слідили за нами.

В нашей хижі, коло дверей под постелью была выкопана яма, што накрывалася сверху дверцами, якбы подлога. Коли в ночи ишли жандармы, то як пес на дворі забрежал, то я ховался до той ямы. Але раз жандарм зловил 9 рочного хлопця, сына моего братанка, настрашил його, же його возме до войска, як му не повіст, где я мам хованку, и хлопец оповід, што знал, але не признался о том, аж як мене забрали до войска.

Коли я пришол с поля домов, пообідал и зрыхтовали мні добру мериндю до ліса, а ту жандарм уж в дверях. Забрал мене на постерунок до Яслиск, з Яслиск форшпаном отшывовали до Сянока, а потом аж до Нового Торгу. Там стоял уж перший полк Артилерии Горской, и там было "польске моцарство" пана Пилсудского.

Мене не послали уж на фронт, але там оставили при войску, аж до розгрома польской армии Буденным на Украині. Ту я мушу зазначити, што житье в польской армии было о много горьше и тяжше, як была русска неволя.

Коли мене отпустили из польской армии, то я перебивал дома аж до 1926 року, а потом коли начиналася эмиграция, я поїхал до Канады. Тоты, што іхали на шыфі с нами от Львова люде, мали уж своих знакомых в Монреале, Торонто, або мали адресы до знакомых фермеров в Канаді, а я давно навет не чул за Канаду, и теперь я никого не знал, ани до никого адресу я не мал. И так в Галифаксі агент посадил нас на поїзд (трен) аж до Виннипег, Ман. Нас было трьох товаришей, мы зышли в Виннипег на станции и я пошол до агента, што розсылал людей до работы на фермы, або корчити лісы. Я звідуюся агента, где буде ліпше, ци оставатися ту, ци идти дальше? А он мі каже, чым дальше в ліс, там больше дров. Я подумал, же чим дальше, тым ліпше и мы послушали агента, а он заслал нас аж до Алберты, провинции. Зышли мы там на станции, и як я увиділ тоту страшну зиму, то така сама, як на Сибирі коло Томска, где я был давно в пліну.

Пришли там фермеры и дают нам работу корчувати лісы за 30 дол. на місяц. Єден товариш остался там, и до днесь никто не чул за него, а двоих нас, рішилиме вернутися назад. Идем мы на ногах треком ближе до Саскатон, дагде перевеземеса товарным тренем, дагде дорогом повезли нас фермеры, а и на ночь мы просилися дагде до фермеров. Так дошли мы до провинции Саскачеван провинции. Там на станции мы стрітили буковинца, што помог нам достати работу на фермы, за 30 дол. на місяц. Мой товариш пошол до єдного, а я до другого фермера. Выробил он єден тыжден, пришол до мене и повідат, же не годен там дальше робити, — фермер не добрый. Так он пошол дальше, а я остался у моего фермера.

У того фермера было дость тяжело для нас обох, бо мы не могли порозумітися разом, але я мал уж английско - украинский словарь, так што помалы давали собі раду.

Выробил я там єден місяц, газда заплатим мі 30 дол. и так я сам як палец пустился дальше в дорогу. Никого я не знал и не знал английской бесіды, а до желізно дорожной станции было так далеко, што я устал, не зашол и ноч примусіла мене в канадских степях в лісу ночувати. Наламал я из дерева голузя, наскладал дост высоко на вогу сурову весняну землю (13 апріля 1926 р.), и там зараз твердо заснул. Там я не был певный, што буде до рана, но встал я рано, иду дальше и ледво там дойшол до желізной дороги.

На треках была группа рабочих, и там єден буковинец повіл мі, же на другой станции берут до работы. Пошол я зараз и там проробил ціле літо аж до жнив, потом я пошол на ферму, там платили 5 дол. на день, там я робил цілый місяц.

Тогда я купил билет на трена до Монреале, але там никого я не знал, тогда зашол на емплоймент офис и мене заслали до м. Квебека, где будувалася фабрика - паперовня. Там мы цілу зиму копали ровы и закладывали руры. На весну 1927 р. я вернулсся до Монреале, там уж теперь находил наших краянов, бо в 1927-28 роках, приїзжало най-

больше наших эмигрантов. Але уж в 1929 року начиналася депрессия, а позднійше и зо свічком не мож было знайти роботу.

В тот час як чужы, так и нашы людє начали перекрадатися через границу из Канады до Соединенных Штатов. И я задумал также зробити так, але грошей было за коротко, агентови треба было дати 40 дол. а до того я немал адресу до никого в США. На счастье, як раз приїхали из Нью Йорка нашы людє до Монреалю, так они дали ми адрес до себе. Но и так я в 1931 р. перешол границу и приїхал уж до тых краёв в Нью Йорку. Они достали для мене роботу в реставранті, где они сами робили. Там я робил за 10 дол. и їсти, шість дней на тыждень. Нас было ту 4-х товаришей из Канады и мы разом мешкали, але же то была небезпека для нелегальных в США так за 9 роков мы переносилися з місця на місце 15 разов, бо боялися, жебы нас дакто не здрадил властям, бо таке часто ся трафляло.

Памятам, гдеси в тых часах, коли редакция Л. С. была перенесена из Огайо до Нью Йорка, раз крайн Кокуляк принюс газету "Лемко", повідат, же собі ей предплатил. "На читай", гварит. Я взял газету до рук, зачал читати, и своим очам я не вірил, жебы то дашто таке было печатане на чистой нашой лемковской бесіді. Вірте ми, же слезы в очах ми стали, так ми тота газета припала до сердца, же я не мог потом обійтися без ней.

Бо лем подумати, правда, же я за молодой ище вышел з дому, и обышол столько світа, а нигде я не чул ани не виділ печатаного слова на чистой нашой лемковской бесіді. Нераз я сам собі думал, же о нас лемках никто ани не знат ани за нас не дбат, а ту вижу на свои очы, же и мы маме штоси свое народне, а навет свое родне слово и письмо печатане на своей родной материнской бесіді.

И так всьо затыглося аж до 1938 р., коли то за през. Рузвелта вышел новый закон, што всі нелегалны эмигранты должны зарегиструватися, и объявлено законну амнистию (прощение) всім до того часу, нелегальным, и што они можут внести просьбу о першы папері натурализации гражданства Соед. Шт. Тогда мы были уж смілы и небоялися даякой зрады.

Але, я завсе прагнул выйти из Нью Йорка и достати роботу до фабрики. Коли Гитлер начал II Світ. Войну, то многы фабрики виробляли всякий материял и аммуницию на оборону, но до такой фабрики треба было мати уж ситизен папері.

Коли я довідался, же в Елмайра, Н. Й. ест фабрыка, што можна достати роботу, то я выїхал из Нью Йорка и достал роботу в Амер. Бридж. Ко. где я робил 10 місяцев, але роботу я не любил и лишил, а поїхал аж до Бристол, Конн. Там достат роботу в Бресс Ко. и там я робил 10 місяцев. Але же я завсе хотіл достатися на "Дефенс" роботу, и подал там свою просьбу (апликацию) но завсе коли я там пришол, повідати, же ище не достали позволения. Наконец пришло таке дозволение, я достал роботу и начал робити.

За пару дней потом пришли детективы из Гартфорд, Конн. взяли мене на офис, вывідалися и списали все о. што им треба было и повіли ми, же можу подавати по перший ситизен папір и так я зробил. Але за пару дней пришол знов якийсь детектив и повідат, же я под арештом и же мене за 30 дней одошлют назад до Канады, але тимчасом я мусіл

зложить \$500 дол. запоруку (кавцию) за себе. Тогда я нанял адвоката, и он зажадал \$500 дол., штобы мене боронити и легализовати. И там в Джeneral Моторс Ко. в фабрике я робил аж до 1948 року, а коли я там лишил, то знов я вернулся до Нью Йорку.

Потом, як раз тогда потребно было человека за управителя до К. Р. А. Центра в Юнкерс, Н. Й. и я принял там работу, где я послужил аж до сентября 1960 р., а коли я лишил в К. Р. А. Центрі работу, то я пошол за стражника (гвард) до Кляйна Ко., но и там я робил за 2½ рока, а потом я пошол жити до Лемко Парку в Монро, Н. Й.

Теперь на закончение мойой истории, хочу спомнути, што в 1963 р. я поїхал до Советского Союза отвидіти свою родину. Для мене было интересно видіти, які там за тот час зашли перемены, бо за царских часов я прожил там 3½ рока. Но тым разом я не был на Сибирі, а был я 4 дны в Москві, 4 дны в Києві, там был я в Каневі на могилі Т. Шевченка, побывал по пару дней в Донецку, в Сочи, коло Чорного Моря и на Кавкаских горах, аж так поїхал я до Львова и там я перебивал у своих краёв и родины за 11 дней.

Найперше спомну, што на загал я зауважил там огромный прогресс и великы зміны на ліпше. Давно за царя по великих містах было видно только величавы церкви, и теперь красуются церкви, але при том видно также великы и красивы забудовы, величавы школы, готелі, великы парки, широки и чисты улицы. Людє там теперь обчитаны, учены и образованы, зато они интересны и сериозны, не такы як давно были закріпощены крестьяне. Коли мы присіли уж на аеродромі во Львові, то ми аж на души легше стало. Велика гурма краёв с квітём на руках чекали уж на мене. Аж ся сердце крає из радости при чувствительной встрічі с родином и краёнами, але я мало кого познавал. Потом там у Львові приходили мене видіти родина, краёне, знакомы и не знакомы людє, а всі они там выглядали и чувствовались, як бы една родина. Заходили там всякы бесіды меже нами, а в том и за нашу родну отчизну Лемковину, но видно было, же каждый з жалём и слезами в очах и не охотно о том споминал, но теперь они назад вертатися не хотят, бо не навидят они польских порядков. А по мойому взгляду, они там так чулися подобно, як и мы ту в Амедикі, не дома, а на чужині.

Ту мушу зазначити, же я сам не мал охоты и не поїхал до Польшы, отвидіти нашы стороны и опустошены села, бо и я отчувам до поляков жаль, же они выгнали народ из його родной и прадідной земли. Там они забрали и мою родну хижу и мою власну отцовску землю.

Там во Львові нашы людє высоко цінят нашу народну организацию Лемко - Союз, одобряют и цінят нашу народну газету и работу в Америкі. И я теперь мушу признати тоту велику заслугу, бо мы лемкы без народной организации Л. С. и без своей народной газеты, не мали бы мы жадного народного значения, бо поединчо мы каждый як тота муха, што як полетит світом, никто не знат где, або коли она загине. Но мы зме людє и народ, человек што має свой розум, чувство людске и душу народну, зато мы всі сознательны, як пчолы до своего улья, должны трудитися разом и горнутися до своей родинной и народной группы.

Стефан Копей,
Лемко из Посады Яслиской,
повіт Сянож, Лемковина.

КРАЙ ОТЦОВ НАШЫХ

ЛЕМКОВСКИЙ ПЕРЕКАЗ (ЛЕГЕНДА)

В долги зимовы вечера, коли я был ище малым хлопцом, нераз слухал ріжны байки, казкы, легенды, оповідания, загадки и проповідкы. Их оповідали старенькы дідове, бабусі або способны, роджены до того оповідаче. Тепер я уж сам старый, а не мам кому росповісти то, што я запам'ятав. А жаль мі стало, што заберу всі оповідания зо собою до гробу, то постановил ем одну записати на вікы нашим внукам и правнукам. Опишу так як знам и як мя стати.

* * *

Діялося то барз давно, ище в том часі, коли то Христос з апостолами ходил по земли и воскресшали помершых, оздоровляли хворых, потішали и розвеселяли засмученых, а тым што терпли Христос обіцял надгороду в царстві небесном а невольникам обіцял, што дасть им силу побороти своих панов и тогды они будут мати свободу и счастье житья на земли. Сам Христос з Апостолами ходили по селах и містах и били тых богачов, котры убивали и продавали народ на торговии як худобу. Та трудно то всьо оповісти и перечислити, як мучили даколи бідного человека. Зато всьо Христос не ждучи аж на страшный суд, ище за свого житья засудил богачов на вічны муки и обіцял их покарати тым, што горбатый верблюд лекше перелізе через ушко иглы, чым богатый достанеся до царства небесного.

Христос и апостолы ненавиділи фарисейов, то ест таких людей, што удают, же боронят бідных людей, удают, што они их приятели, а напавду сут тых людей ворогами, бо доносят на них до паньской власти, што бідны думают зроби ти зо своим гнобителями.

Так то было тогды ище барз давно, як не было на світі ани Руси, ани Польшы, ани Чехословакии, але панове польскы, німецкы и мадярскы уж были, и то были барз богаты, мали великы стада худобы и овец. Лемкы уж тогды были пастухами и по горах Карпатах пасли свою и паньску худобу и овцы. Старый лемко што ходил в зимі и в літі в долгой чугани и носил мериндю в едном рукаві кромплі и овечий сыр, а в другом рукаві капцюх з дуганом, файку, кремін (кресало) и спорошений кусник дерева нераз собі співал по горах стародавну співанку, котру он запам'ятав по дідах и прадідах:

А я бача уж барз старый,
Незнам ци дочекам яри,
Уж мі може не закукат
Кукулочка на кошарі...

Иншы співанкы співал за молодых роков, але на старость, лем таку одну найчастіше повтарял, овцы спокійно щипали траву, а зозуля зо за потока на буку выразно озывалася му куку-куку, же она му закукат ище на далеки и далеки яри.

Кромі чугы носил он білы сукняны холошні, красно оздоблены голошниці, но нижню часть холошень окручал наволоком от керпци в

котры был обутий. Опасувался широким ремнем. В руках ни то для подперания, ни то для обороны носил здорову карадулю, бучака, выкарбуваного ножом дивными украсами. И не дивно. Он был найстаршим пастухом и всі го слухали. Раз приказал абы в едну неділю з рана всі пастухы собралися на поляні под Кичером, коло грубого дудлавого бука. Воля його была выполнена, пастухы хотіли знати, што он от них хоче и лем шепотом меже собою бесідували. Едны предвіщували, што одыде от них, други, што глядат собі біды и так дальше без конца.

В назначену неділю першый на поляні явился сам он, старый лемко Ваньо и сіл собі на великом мягком мохом поросеном каменю, што лежал на самой середині поляны. Закурил он файку и впал в глублину задуму покля посходилися пастухы. Як уж виділ, же зышлися вшиткы, стал на камени и палицом дал знак абы зышлися близко доокола него. Як бы пророк, обозрілся по вершках окружающих Карпатских гор, во всі стороны и начал бесіду:

— Сынове мои, — так их сынами называл, — ци знате, што мы лемкы покровнены нашими праотцами с тыма пастухами, котры першы прибігли до стаенкы Выффеемской, коли родился Христос, тот самый Христос о котрого так дуже бесід чуєте, якы он творит чудеса и подтримуе на духу всіх покривдженых, угнетеных и поневоленных в цілой Римо-Византийской державі, на граници котрой мы жиєме. Мусиме ити до того спасителя и довідатися о судьбі нашої лемковской, як долго маме ище быти пастухами и кочовати з місця на місце, и звідатися його, где то для лемков Господь хоц фалаток світа в тот час, коли он приділял для всіх народов світа білым, жолтым, червеным и чорным, бо напевно же и о лемках не забыл.

По тых словах пастухы глубоко вздыхнули, а еден найсмільший из них подышол блисше камня, на котром стоял старый лемко Ваньо и начал бесідувати:

— Братья мои, — так он называл всіх пастухов, — я реку думам, што никто з нас ліпше не потрафит доступити до Христа и до його апостолов пруч нашего учтивого няня Ваня, —бо няньом го звали вшиткы пастухы. — Он не лем же своим повагом заслужил собі быти от нас высланным, но и мапу на котрой Христос покаже му назначену лемковску землю найлекше пойме, бо лем в той земли лемкы можут свободно и счастливо жити.

— Правда, правда! — рознюсся голос по поляні и отбивался ехом от ліса до ліса, от горы до горы. Най няньо Ваньо буде нашим верховодом. Лем он може быти нашим заступником так перед властями земными, як и небесными. Най он иде до Христа, просиме го о то.

Старый лемко Ваньо задумался, бо слова довірия взрушыли го до глубины чувств. Його румене лице ище веще порумяніло, по котром покотилися як горошкы слезы с очей. Он поднюс палицу и пастухы утихли и тоты голоса, котры ехом отбивалися от ліса до ліса и от горы до горы, и як настала тишина, як в гробі, тогды он одозвался дрожащим голосом:

— Сынове! В мене нее ани такой отвагы, ани я немам такой чудотворной палиці, як у Мойсея была, а и вік мой приклонный не даст мі той силы абы выполнити ваш приказ и вашу волю. Но миссию положену вами на мене принимаю с тым условием, як доберете мі до помочы

с помеже себе ище двух молодых лемков, а то Миколая Могучого, — бо тогды ище назвиск не было, лем призвиска, а Миколай был могучий, бо нераз, як треба наймогучишого вола брал за рогы и валил на землю, коня як вхопит едном руком за ноздри, а другом за гриву переверне го на землю ище по нѣм поколінкуе. Або и звѣр дикий, як го нападе, то його на засилку с бича завяже и зарѣже, тогды пастухы мали уж дост мяса їсти. Такого могучого пастуха хотѣл старѣй няньо Ваньо до дорогы, шгобы могли оборонитися от диких звѣров и подлых людей, бо дорога перед нима стояла и не коротка и не легка.

На другого посланца старѣй няньо Ваньо показал палицьом. Был то Асафат Мудрый. Мудрым го прозывали, бо знал зачарувати, заворожити и з незнамыма духами бесѣдувати. Захворѣл пастух або його стадо, он знал зѣлом залѣчити. У худобы заворожил курдель, чемерицю, слинавку, у овец заклинал всяку хвороту и посылал ей гет з вітрами в другы стороны свѣта. Босоркам, што забрали молоко у коров, вынашол, спровадил на мѣсце и приказал отдати, што забрали. Люде оповѣдали, што и градовы хмары розганял и отвергал их косом в противну сторону и буря устала, лем дожд лагодный попадал. Як змѣя вкусила пастуха або скотину, то як му дадут знати замовит боль и человек выздоровѣе, а змѣя здохне. Зато, што вшитко знал вылѣчити и заговорити, называли го Мудрым.

Вшиты пастухы радо згодилися на обох молодых пастухов Могучого и Мудрого, бо такы в дорозі все моглися придати, та и заслугы уж за собом мали.

По законченію собрания на поляні, трѣх лемковских посланцов забрали на плечы цѣдилята с хлѣбом, капцюхы выпханы дуганом, кресала и файкы, а на остатку палиці забрали в руки и глубокыми лѣсами и высокыми Карпатскыми горами, через потоки и рѣкы пустилися на всход солнца.

Сближалася уж третья рочница лемковского собрания на поляні, пастухы и народ починают непокоитися. Смуток огартат их сердца, же не вернулись посланцы ани жалной вѣстки о собѣ неподають. Напѣвно трафилося по дорозі несчестя с котрого ани Могучый Николай, ани Мудрый Асафат не мали силы, ани не знали як выйти. Передавали едны лемкы другым, же они напевно погыбли. Рѣжны домѣслы кружили и што раз то больша тревога охопляла людей.

От коли нашы послы рушыли на всхѣд, едно несчестье за другим падали на лемков. Выбрыкы шляхты и королѣв не мали граници. Натиск и угнетение доходило уж до той мѣры, што здавалося, же и посланцы не будут мати до кого вернути. Паны забѣрали землю, лѣсы, пасвиска и поляны собѣ. Здавалося, што и Бог забыл за лемков и кинуд их на пожертя диких звѣров и одичалых панов. Хлопи ходили засмучены, а жены ходили с плачем.

Та не лем звѣры и дику паны были ворогами лемков, але и сама природа, як бы погнѣвалася на них. Великы бурѣ и слоты навѣстили землю лемков. По причинѣ вод рѣкы помѣняли свои русла, рушыли иншыма мѣстями, с гор позмывало землю. Людей и худобу навѣстили страшны хвороты. Люде и малы дѣти померали на холеру, а зо заходу с далека час до часу на лемков нападали чужы племена, забѣрали хлѣб и худобу, а часто и людей вводили зо собом, объявлялися властителя-

ми и опустошали цѣлы села. Молодшы люде утѣкали в глубоку лѣсу в высшы неприступны горы, бо кто не бѣжал, остал невольником. Старшы люде запряжены в панске ярмо тяжко бѣдували и страдали. Не было старого лемка Ваня, не было Миколая Могучого, ани Асафата Мудрого абы помогли лемкам в бѣдѣ и несчестях. А и надѣи як не видно, так не видно.

На четвертом році в тепле солнечне лѣто блискавицьом рознеслася вѣдомость, што послы повернули живы и здоровы. Велика радость настала всюда серед лемков. Они оголосили великий праздник, гостилися, спѣвали, кто лем остал жити. Здавалося, же спѣв чути на полях, в лѣсах и на дорогах. Спѣвали люде, спѣвали птици и самы горы Карпаты вызѣрали весело.

Едного дня дался чути голос труб звѣтых пастухами с деревяного лубя. Людям была передана вѣсть, што на Асафатовой Горѣ на серединѣ великой поляны послы чекают на лемковский народ объявити му правду творца свѣта. Люде рыхтували меринди и выбѣралися в дорогу на велику поляну послушати послов.

На поляні собралися тысячи и тысячи лемков: молодых и старых, мужчин и женщин, хлопцев и дѣвчат. С каждого села были представители. Гвар и шум неуставал.

Наступила торжественна хвиля. Старѣй Ваньо, посланец лемков вышел на велику камяну купину, што была высыпана серед поляны, а коло купинки стали и другы два послы и старшы хлопи, як бы днешня президія на собранію.

— Братья и сестры, сынове и донькы, народе наш лемковский! — озвался старѣй Ваньо, а голос його разносился ехом по цѣлой поляні подобно, як днеска разносится голос по радиовых голосницах.

— Хоц мы мали тяжку и трудну дорогу, ваше поручение мы выполнили и вернули до вас с добром и радостном новином. Достали змеся до апостолов Христовых и передали зме вашу просьбу. Оповѣли зме, чого зме пришли, представили зме им ваше трудне житѣя и страдания. Апостолы слухали нас с великом увагом, а потом пішли на нараду, а може вывѣдатися Христа в нашей справѣ. Як вернулись до нас, то апостол Сивка, так го там называли, же уж до чиста сивый аж бѣлый, переповѣл нам господні слова:

— Коли Господь Бог ділил свѣт и указал для каждого народа його мѣсце на земли, то для лемков, котрых ділил на остатку, остал найкрасшый куток в Европѣ. Край той землѣ лежыт в горах Карпатах. На заходѣ сусѣдуе с пѣдножамы Татр по рѣчцѣ Дунаец, на полночи с просторами подгоря, на всхѣдѣ по срибну рѣчку Сян и Уж, на полудне далеко низинами подкарпатскыми аж на захѣд до рѣкы Попрад и дале. Тот кусник землѣ божой приділил для житѣя лемкам во вся вѣкы.

— В нѣдрах гор Карпат суть великы и богаты скарбы природы, котры назначены для ваших потомков. Скарбы тоты Господь прикрыл лѣсами и убогом земльом, на то, штобы ворогы ваши не довѣдалися о них. Богатства тоты вы мусите пильновати, пока вы набѣрете зрѣлости и зроснете в силу, штобы зналисте и моглисте их розбѣрати и боронити. Як завчасно ворогы нашы довѣдаются о тых богатствах будут старатися вам их одобрѣти, а вас выгнати. Для вашего добра Господь створил богато всякой звѣрины в карпатских лѣсах и всякой птици, котра

прекрасным своим співом буде веселити вас. Воздух вашей краины и жерела сціляющих вод, все то дане Господом для вашей корысти и тым всім прославится ваша краина и вы прославитесь славным характером. Ваша трудолюбивость и богатства вашего краю лакомством для ваших неприятелей, котры позавидят вам и будут стараться вам все одобрать, а вас нищити.

Враг из полночного - заходу буде вельма хитрый и срогий, буде стараться вынищити вас материально и морально. Он буде тым для вас страшный, што буде мати союзника, котрый буде кварный и буде соображати постать потворы о семи головах и діяти буде як бы в имени самого Бога, и в том буде заключатися його хитрость. Сила буде оператися на том, што он буде запускати свои мацкы осмерница морска. Она обойме вас и буде затискати свои мацкы и ссати с вас житьодайны соки и слабити вашу народну енергию. Падати будут на вас переслѣдования и богато піде з вас на муку, зато же будете боронити свою народность и свою віру. Кто не здрадит своего народа и не перейде на його сторону и за правду згыне мученическом смертью, имя його буде прославлено на вікы віков, а всевышний надгородит го в царстві небесном.

Будут и такы, што вихованы вашим хлібом, але останут слабы духом. Они здрадят ваш народ и запродадутся на службу врага. Тых непожалуйте. Прокляты они будут ище на земли в своих поколініях, а окончательно их сягне мста люта. По земли не ходити а тягаться будут, як по терню, а дороги их будут застелены розпеченым каміньом. Сердца их будут вічно грызти як черваками за зраду своего народа.

Благословенный Богом и людьми и имя буде возвеличено того, кто непокорится зраді и остане вірным сыном своей лемковской страдальной родины.

Найтяжше приде вам перенести першу велику бурю світа, котра вырве з рядов ваших найкрасшых сынов и борцов за народны діла. Друга світова буря принесет вам ище тяжшы страты. Тут стане велика опасность ци лемкы будут дальше существовати, ци ніт. Слабы духом браком віры в свой народ будут массово переходить на сторону противников и неприятеей ваших, отречутся своих предков, родного отца и матери, своих бартов и сестер, а даже своих дітей и потомства. Такы будут прокляты як зрадники в першой світовой бурі. Отвертайтесь от них, они недостойны того абы на них смотріло око лемков. Благословлены будут тоты, котры останут при своей вірі, при своей народі и будут боронити його прав, боротися за його волю и лемковску землю дану им Богом. Величайте и прославляйте их имя во вся вікы.

* * *

Так в перший раз дозналися лемкы где им Господь приділил фалаток земли на кули земской, где их отчизна, котрой он приказал им боронити.

Сказаны слова самым Христом до лемковских послдов, лемкы обовязаны передавати своим дітям и внукам з рода в род. Для тых слов каждый лемко повинен зроби́ти місце в своем сердци и особливо матери должны тот завіт своим дітям передавати. Разом с грудным молоком вплекувати им відомость чьи они діти, и якого краю потомкы, без

огляду, где тымчасово судьба присудила им быти, бо лем тогда лемковскы діти будут уважатися равными меже другими народами світа.

Слово лемко должно вязати всіх лемков в единство. Оно должно переменитьсѣ в тоту благодатну силу, о котрой мечтали діды и прадіды лемков и котра отворит двері каждому страждующему на чужині в дом отцов наших, в землю приділену для лемков с начала світа.

Переказал Стефан Туринский из Саноцкого повіта

РУССКИЙ ДОМ В ПРЯШЕВІ

Русский Дом в Пряшеві покупленный в 1925 року с средств и жертв містного жительства и русского народа в США по инициативі апостольского администратора священника Гавриила Мартыяка. Русский Дом пал жертвом конфискации на требование Культурной Спілки Украинских Трудящих. Коммунистична партия уполномочила для перевода той sprawy Йосифа Биланин, урядника КСУТ. Против конфискации протестовал завідующий Русским Домом Осиф Збиглей, але протест небыл учиним.

В Русском Домі поміщалися всі общества а тоже общество Духновича, цінна библиотека, галерея образов русских художников и т. д. За конфискацию Р. Д. несут ответственность лем украинцы, котры ненавиділи, же на ньом ест русска напись.

ДАШТО О КАРПАТАХ

Карпаты — одна з великих горських дуг, што сператся обома кінцями о ріку Дунай. Они починаються недалеко од міста Братиславы в Чехословаччині, утворюючи около 1500 км. дугу, вигнуту на північ, доходять до Желізних Воріт в Румунії. В межах Чехословаччині на південному заході і Румунії Карпати тягнуться дост широкою смугою і роблять вигляд горського масиву з огляду на велике число хребтів то паралельних, то розташованих під кутом до свого загального напрямку. Тут вони і досягають найвищих точок.

В альпійський етап горотворних рухів, што тривав около 165 млн. років, піднімалися гори Карпати. Особливо австралійська фаза в тому етапі зазначилася докладно на формі Карпат, в якій вони були найбільше підняті і зом'яті в складки. Згаданий вік в історії Землі не так великий (за вік Землі приймають до 4 млрд. років), зато Карпати вважаються молодими горами.

З підняттям Карпат в земній корі в місцях найбільших згинів утворювалися розколини, через які з глибини Землі піднімалися розпалені маси розмаїтого літологічного складу, што або застигали підземним кором, або частково виливалися на її поверхню. Про тото свідчать мінеральні жерела, розположені в багатьох місцях Карпат, а також сейсмограми землетрусів.

Треба повісти, што горотворні рухи Карпат ище не закончені. Сейсмічні станції, розміщені в Карпатах і на їх окраїнах: во Львові, Рахові, Межегор'ю, Косові, Ужгороді, Виноградіві, Бухаресті, Братиславі, Кракові і Недзіні реєструють кожне найдрібніше їх дрожання. До річчя повісти, што вулканічні огніща, розміщені, головним чином, вздовж південних схилів Карпат по лінії Сигет - Свалява - Гуменне і далі на захід. Установлено, што окремі ділянки Карпат од Вигорлат - Гутинського (хребта) піднімаються, а десь опущаються.

Згідно повідомлень Чехословацької Академії Наук перший землетрус зареєстровано в Гуменному 19/XII 1778 року, якого сила була 8 балів, пізніше було декілька землетрусів слабшої сили, а останній зареєстровано 5/VI 1941 року — си-

ли 1 балів. Землетрус, якого сила 7 балів означає, што предмети перевертаються і чути звуки великих дзвонів, а землетрус сили 8 балів означає, што падають димові комины, а в кам'яних стінах утворюються шпары. Поряд з тим можна одмити, што на території Лемковини на північних схилах Карпат не зауважено будь-яких слідів землетрусів.

Меже ріками Дунайцем і Сяном і їх притоками Попрадом і Ославом в верхів'ях річок Білої, Ропи, Вислоки, Ясьолки і Вислоком з північної сторони Карпат, а Топльом, Ондавом, Лаборцем з численними притоками з південної сторони Карпат, де їх хребти найбільше знижені і зручні для прокладання доріг сполучення в меридіанному напрямку, розташована територія Лемковини. Она займає 0,1 (одну десятку) частину карпатської дуги — около 150 км тягнеться територія Лемковини з заходу на схід. Лем річка Попрад — права притока Дунайця перетинає горські хребти Лемковини з півдня на північ. Остатні річки, розділені вододільною лінією, што проходить по державному кордоні Польщі і Чехословаччині, становлять частини великих басейнів Балтійського і Чорного морей.

Односно вертикального положення Лемковина займає дост вигідну площу. Заокруглені вершини гор з пологими схилами лагідно спускаються до межегорських долин. Нигде не видно оголених скalistих вершків гор, або острих пік, так характерних для молодих гор. Наоборот найвищі їх точки покриті ігlistими і листястими лісами, што роблять вигляд схвильованого темно - зеленого моря.

За найвищу гору на Лемковині треба уважати гору Іглу, якої висота досягає 1284 м. з географічними координатами — 49 ступнів і 11 хвилин по широті і 20 ступнів і 37 хвилин по довжині, рахуючи од Гринвіча. Далі йдуть гори: Реліско (1250 м.), Шкапова (1228 м.), Чорно Гусец (1214 м.), Прегыба (1195 м.), Плаша (1163 м.), Ясель (1153 м.), Яворина (1116 м.), Гырлята (1103 м.), Гронек (1082 м.), Волосян (1070 м.), Ляцкова (999 м.), Яворина (885 м.), Ваткова (847 м.), Магура (814 м.), Марешка (794 м.), і другі.

Значно більших абсолютних висот досягають Карпати на схід і захід од території Лемковини. Тут ряд вершин піднімається понад 2000 м. Для порівняння наведемо декілька точок характерних висот, розположених на заході і сході Карпат: г. Герлях — 2663 м., Баба Гора — 1725 м., г. Негою — 2544 м., г. Говерла 2058 м. (найвища гора на Україні).

В межах Лемковини находится много зручных перевалов, яких високости рідко піднімаються понад 600 м. Ту розположені два перевали, яких висоти уважають за найнижчі в Карпатах — Дукельський перевал (502 м.) и Конечнянський перевал (559 м.).

Т. Т. ШЕВЧИК

ВЫСТАВКА ТВОРОВ НИКИФОРА ВО ЛЬВОВІ

Гнес громадянство старовинного галицького міста Львова має можливість оглядати прекрасні акварельні твори значного народного майстра Лемковини, Никифора Дровняка с Криниці.

Минуло рівно 30 років от першої великої виставки творів митця-самоука, яка була во Львові. От того часу до гнес виросло немало інтелігенції и художників, то треба було ознайомити их з творчістю Никифора, тепер уж широко знаного художника.

Обставини так уложилися, што гнес художник проживат на Лемковині в Польщі, прото звязок з ним не перерывається.

Виставку Никифорових картин організували Львівське відділення Спількы архітекторів Совітської України разом з Львівським музеєм українського мистецтва. До того немало причинилися зас найбільший прихильник таланту великого самоука, художник Роман Турин.

На той виставці експонувалося 35 найкрасшых творів знаменитого самодіяльного митця як з 30-х років, так из поведного періоду, што знаходяться в музейной и приватних збірках Львова.

В скарбницю народної культури творчість Никифора ввошла ище на початку 30-х років, коли открыто великий талант самоука, коли по-належному оцінено його творчість, коли організовано виставку його робіт в Парижу (1932) и в Львові (1938 р.).

— Открытие гнешньої виставки робіт Никифора — в вступном слові бесідувал голова Львівського відділення Спількы архітекторів Сов. України, М. Вендзилович, — то визначна подія в багатогранном житю Львова. Тому передувала велика и складна організаторська робота, яку провели наша громадськість, інтелігенція и діятели культури. Гнес, — бесідувал дальше бесідник, — творчість Ниикфора здобула собі популярність в Польщі, Франції, Болгарії, Англії, Америці, Італії и інших країнах світу.

Виставка здобула собі великий успіх и викликала зацікавленість суспільства, доказом того был багатолюдный вернісаж 12 мая 1968 р., а также велика кількість зрітелів виставки.

Львовяне активно реагують и приймають мистецтво Никифора, што свідчить про високи, естетичні смаки нашої громадськості. — Адже творчість Никифора гнес розглядатся поряд з творчістю знаменитого французького митця-аматора, урядовця Руссо, незвичайного грузинського народного майстра Піросманашвілі и інших всесвітových митців-самоуков.

Одкрываючи виставку, выступил зо своїми спогадами про Никифора, художник Р. Турин, який перший указав на талант лемківського митця. Турин в своїй промові підкреслив великим оригінальним талантом, што в його картинах-примітивах в якійсь мірі відбилася особиста доля художника-самоука, што його творам притаманні чудові колорові поєднання, багатий рисунок и композиція, своєрідна перспектива, в яких наївність примітива переходить в філософську узагальненість образного мислення. Вшитко того прикмети, што дозволять отнести твори Никифора до правдивого мистецтва. Дуже Р. Турин розповів про його довголітню дружбу с тим милим и простим митцем.

Виставка захоплювала всіх, хто любить и шанує народне мистецтво, во вшитких його проявах, різновидностях, хто прагне якнайглибше познати його всі сторони и стилі.

В своїм вступном слові старший науковий сполробітник Львівського історичного музею, знавець Лемковини Іван Красовський зазначил, што все своє творче життя Никифор постійно поєднувал з життьом, з якого черпат натхнення и теми для своїх акварелей.

На виставці експонувалося: пейзаж, портрет, інтер'єр, види міст и вилл, а так само улюблені и родні криницькы и прикарпатські краєвиды з их смугами — полями, з их клітками — лісами. Природу Никифор малює безпосередньо, то ест так, як приймає.

Никифор учился сам малювати. Спостерегал декоративну красу в просторой лемківської хижы, обставленой утилітарними и художними витворами народних умільців; вивчав побит, звичай и ритуалы буднів краю, сприймав кольор, рисунок — побудову; сам проходив добру науку. Тому його малярство не знає ніяких академічних впливів. Свідчить оно про високи досягнення форми и виразу, самобитного мис-

тецтва — наивного примитиву.

Выставка творцов Никифора поучна и переконуюча — доводит професор А. Гнатишак. Ту глядач не залишится легкодумачим, а захоплюється, дискутує, виражат свои погляды, словом, душевно переживат.

Слід зауважити так само, што художник К. Звіринский барз добрі оформил выставку. Кольор рамок, нібы дополнювал и перекликувался з фіолетово-синьом и коричнево-золотом колористичном композициом малюнку.

Сама експозиция так само добрі побудована в выставочной сали старовинной архитектуры.

Крім того, на выставці експонувалося література про митця російском, украинском и иншими мовами, што допомагало смотрящому ширше познайомление з світовом популяризациом творчости великого митця Лемковины.

Володимир Вітрук

О. ВОЛИНЕЦ

НА РУБЕЖАХ ЛЕМКОВСКОЙ ПУЩЫ

(Перепечатано з “Лемковской страници”)

На полночный заход од дорог, які розходяться з перехрестя на полноч од Крыниці, званих “крижовком”, простянулася горска місцевость, яка єст неодъемном частином Низкого Бескиду, кордон якого проходит од Телицкого перевалу, долином річки Камениці, аж до Нового Санча, а од того міста вздовж желізной дороги и шосом до Грибова.

Околицу тоту характеризує значна низинность, в поровнанию з полудневыми горскими верхами. Горы мают ту форму куполів и, звичайно, покрыты буковыми и смереково-ялицевыми лісами. Высокоством досягают они 882 м. над уровнем моря.

З них треба згадати найвысшы и найбільше для околиці характерны: Скольник — 620 м., Каня — 697 м., Солиско — 685 м., Маргонь — 775 м., Сапальска гора — 830 м., Поставне — 802 м., Убич — 882 м., Чершля — 871 м.

Дальше на схід и полноч місцевость значно обнижується, ланцухы гор стаються низкими, а самы горы часто стоят окремо, як бы одорваны од тых ланцухов. Розорваны они глубокими межегорскими долинами. Місцевость особливо в три-

кутнику меже селами Камінна, Крильова Русска и Мацейова, розділены глубокими долинами, часом зо стромыми узбочами.

На отдали 15—17 км на полночный заход горскы пасма и окремы горы остро урываются стромыми, тереновым порогом до долины річки Дунаец. Выступляют ту лем невеликы низкы пасма подвыщень и “островны горы”, звичайно, лем в своих верхніх яругах вскрыты лісом.

На полноч од той территории, меже Новым Санчом и Грибовом, зачинаючи од взнесения “Постане” (816 м), місцевость значительно обнижується, горы ту не досягают навет 500 м., а великы лісовы комплексы уступляются орным полям и лукам.

Стары лемкы тот тереновый порог называют “Грань”.

В ясный, теплый, майовый ден выходжу з автобуса на пристанку Пташкова. Разом зо мною выходит ище штырі особы: я, обтяженный туристичными праладями, дві молоды сельскы газдыні, што повертаются з ярмаку в Новом Санчы, молода, рухлива людина, яку на перший погляд можна зарахувати до гнешньої сельской интеллигенции, и стара бабуса, што приїхала в свои родны стороны з Приморья.

Праві всі мы идеме до самой Богушы, села, до якого доходит можлива для пішохода дорога. Идеме вздовж малой горской річки. Жены по ярмаку мают про што бесідовати и, звичайно, мают чым похвалитися. Молода людина, як одразу выяснилось — то был сельский учитель, што робит ту перший рок; иде он разом зо мною и выявлят зацекавление як моим особом, так и моим туристичном метом.

З розмовы довідуюся, што молоды жены проживають в селі Богушы, 8 км од пристанку, а старенька прямує ище дальше, до села Билцаревой, ище кілька км за Богушом.

Дорога несподівано повертат на схід, и меже высокими деревьями видиме типову деревяну лемковску церковь, што стоит над поточком. Для ориентации пытаю своих супутников, ци то уж село Королева-Русска. Жены подтверждают мое припущение, але една з них несподівано звертат мою увагу на то, што тепер нее уж ани Русской Королевы, ани Польской, а — як казал ксьондз — сут лем Дольна и Гурна Крильова. Я показал жені туристичну мапу, где был видочный напис: “Крильова Русска”, але жену того не переконало.

Молодой учитель подтримує мою позицию:

— Як-то, — повідат, адже ту на мапі зазначено.

Жена не погоджується:

— Адже сам ксьондз казал. Казал ище, што и тоты люде,

якы ту проживали, — то поселены в тех околицях монголы, бо російський цар послі повстання заселил тоты землі монголами, а уж послі той войны монголов повиселявали, бо они против повстанцов воювали.

Учитель аж подскочил на місци:

— Як-то, якы монголы?! Я так само историю в школі вичал, але такого николи не чул, то выдумка!

Створилася неприємна ситуація. Бабуся смотрила на жену, яка про монголов розповідала, и покивала головою. Учитель горячково звернувся до бабусі.

— Чом же вы молчите, та-ж вы місцевы, ту народилися и ту проживали. Ци вы даколи чули што-небуд про монголов?

Бабуся долго смотрілася в далечину, як бы хотіла в ньой найти правдиву отповідь.

— Так, мои дороги, я русинка, а тепер проживаю далеко над морьом, але колисий ту ище од діда-прадіда мы всі проживали, ту посеред тых гор и лісов я народилася и выросла, и не лем тоты села, але каждую стежочку знам. Нияких монголов ту цар не поселявал, бо ото посмотрте — церков ту стоить, як повідають, уж яких 300 літ, аж од старости похилилася, а як стары люде памятають, то народ ту был хрещений и в своих звичаях вихованый. А ото там зараз посмотрте — потічок тот, што попід церквом тече, то так од давна Королівком назывался и плыве он до самой річки Каміниці. Стары люде з давен-давна переказували, што за тым потоком кордон проходив. Там, як бы в сторону Санча, земля до польского короля належала, а ту на схід до русского короля, а тота річечка — Королівка, была границом. Але, што то оповідати, не погодилися чомуси меже собом королі, зачали ворогувати и страх не любили єден другого.

Єдного разу сталося так, што польский король зо своими войками и людьми полювал в тых сторонах в лісах на медведя, а и лісы были не такы, як тепер. Ище за мойой памяти, и як родиче мои оповідали, дерева были не такы, як тепер, а грубы, высокы, от такы, як ище тот віковичный дуб, што при потоці лишився.

Загнав, як повідають, польский король звіря дуже сильного и лютого над берег той річки, але в погони за ним отбився далеко од своих людей, та нашолся сам на сам зо страшным звірском. Біда, видно, пришла корольови и зачал он трубіти, людей кликати. Але на тот час, так само ту в тых лісах, од сходу полювал и русский король зо своими людьми. Почул он, як да-

леко в середині пушцы труба тревожно заграла, и поспішыл зо своими людьми на помоч.

Як приїхали они в тото місце, на берег річки, то увиділи, што величезный роззлюченый медвід зо злостью шмарился на самотного короля. Поспішыл товдиль русский король з помочом, поспішыли и слугы, и медведя забили.

Королі забули старий гнів, простягнули єден другому руки, обнялися и ото под тым дубом запрягли меже собом не ворогувати. Повісили они на голузках того дуба щит и святей образ, а старий дуб признали прикордонным (приграничным) деревом меже своими землями.

Стояли мы вшиты под величезным дубом, який величаво простягал над нами свое грубые голузы. Княжого щиту давно уж нєе, але на потужном пняку дуба видіє стара різба — образ, што, як оповідали стары люде, был ту одколи их діды памятали.

Встали мы с под вікового дуба и помалы рушили в дорогу. Старенька ишла за нами, часом збыхала. Молодий учитель спостерюг, што уж давно минул свою бочну дорогу до села Камінна, але в спрічці и под вражением оповідань бабусі того и не зауважал. Схопился, махнул руком и щєз в гушавині молодых дерев.

Жены ишли молчки, и лем єдна з них штоси тихо на ухо другой шепнула, пізніше сказали нам: “Счастливой дороги!” — и щєзли в садку.

Перешли мы уж и Богушу — з ей мальовничом старом церквом, школу и кілька больших будинков.

Бабуся ишла позаду, лем од часу до часу бесідувала до себе:

— Ксьондз казал..., а одкаль он знає? Монголы — повідат.

Село уж кончытєся, але перед нами вырастат велика мурувана будовля, майже нова. Видно, што была то церков, але зо-всім иншого типу, бо будинок вносил якийсь дисонанс в архитектурну цілєсть того лемковского села.

— То церков? — порушил я тишу.

Бабуся посмотріла на мурувану будовлю ниякого стилю, махнула руком:

— Нєе чого и споминати, бо лем нещєстя на село од того упало, сусід з сусідом сварилися, діти з родичами зачали ворогувати. Оно было такє не лем в нас, але и поиншых селах, особливо ту на рубежи, в Камінной, Верхомлі и в иншых місцях.

Мимоволі пригадалася мі передвоєнна акція переходу лемков грекокатоликів на православие, што внесло розлад в громадске життя того краю.

Село кончилося, мі треба было змінити керунок на полудне, в сторону Камінної. Бабуся мусіла йти просто на сход до Білцаревой, она затрималася на горі под капличком и, показуючи мі кийом на сход, повіла:

— Там проживат моя дочка з зятьом и дітми; до них я йду на гостину, на літо — покаль впораються з роботом, то я дома при дітях побуду, бо уж два роки, як я ту гостювала.

— А там, на мори, в кого вы проживате?

— В сына, добрі там мі, нічого там мі не бракує, бо и господарство одповідне, и хыжа велика, тепла, и склепы з товарами, вшитко ест, але як лем зачнеся весна, пригріє сонце, деревина вшелеяка порозвиватся, тягнне мене ту. Сын каже мні:

— Вы бы, мамо, кус походили, меже людми побыли бы, на озера бы зоркнули, сколько там людей, човнів, авто...

Я послухам його, а такой свое знам.

— Пуст мене, — повідам йому, — на місяц-два до Марисі, я ей там при дітях поможу, на лісы посмотрюся, гробы родных цмынтари упорядкую, бо сколько мі того віку лышилося...

Она ище раз посмотрілася в свою сторону, потом посмотрила на мене и повіла змучено:

— З Богом идте, пане, где вам треба.

Мы розышлися своими дорогами. Я ишол долину, на полудне. За королевским потоком дорога пошла вгору. Крок за кроком зближался я до могутньої зеленой стіны лісу и за який час нашолся в його нетрах. Дорог ту, правду повісти, зовсім не было, а як и были, то нагадували они скорше ледвидны стежки меже гущавином ліщны и молодой бучины.

Дальше вгору ліс рідшал, цілий час трафлялися большы буки и смереки, што вносилися по кільканадцет метров вгору або розлогими голузями затіювали глубоки яругы, яким и просувалися мало замітны струмочки. Не смотрячися на то, што ден был сонечный и теплый, в лісі одчувалося вогкість и тінь.

На недоступных, стромых скалах, где ище не досягнула людзка рука, або з яких не можливо было вивлечи зрубане дерево, росли остатні “могиканы” пушчы — смереки-велетені з мохом пороснеными пняками, росохаты наврозгнны буки и дубы — остатні рештки колишньої пушчы.

З высоких верховин розлягался краєвид зеленого моря лі-

су и лем где-не-где, на пласких прогалинах квітли яблінки и черешні — свідоцтва людзких осель. Дале зелень лісов переходила в дымову блакит, што зливалася з небом.

Было ту, так тихо, што найменьший шелест звертал на себе увагу, и лем ритмичне стукание жовен порушувало тоту тишу.

Долітал часом запах спаленого дерева и дыму, а в долинах — запах черемхы и глоду. Сонце зачало уж сідати, коли я вышол на велику лісову прогалину — перед мною была Камінна.

Од того села стежками до шосы было ище кілька километров.

БЕСІДА КРАЯНОВ ЛЕМКОВ

В клубі при барі сидят дває крайне и голсно бесідуют, перед ними стоят дві полны шклянky пива и два маленькы погаричка вискы. Сден з них старый емигрант, котрый выїхал с краю до Америки, ище за панования цисаря Франц Йосифа, а другой крайн кус молодший, котрый пришол до Амриky по другой світовой воєні. Але же оба крайне з близка, бо еден з Волівце, а другой з Панкной, та собі сіли и попивают, тай да што политикут.

По червеных носах, тых крайнов, можна было зауважити, же то не перша шклянка и пива и вискы, што стоит перед ними на столі. Старший емигрант больше бесідує як молодой, бо молодой не гварит нич, лем слухат старшого и од часу до часу головою покыват на знак признательности и респекту для старшого.

— Ей, што вам гнеска — гварит старый крайн — пришлисте до Гамерики, на нашы контры, на вшитко готове. Мы стары збыльдували зме Гамерику и тоту технику, а вы собі ‘изи’ тепер робите и пейду берете, як чую, то по два и пол таляра на годину. А мы як ту пришли до Гамерики, то зме мусіли робити за 15 центов на годину и то найтяжшу и найпаскуднійшу роботу, бо на ліпшых роботах робили айришы. А и бесіду зме не знали, та нами поганяли, як даякыма горсами. Што вам гнеска: работа ест, пейда добра, життя гуд, гавзы найс, иншыренсы, векейшены, а перше того не было. А и на уряді в сити маме уж своих бойсов, иншы сут фаерманами, полицманами, бо зме ся старали дати дітей вышколити и сут высоко - вышколены, так, як и мой сын.

Мой сын калидж скончыл и знає технику, електрику, вшит-

ку машинерию; зна вшиткы бесіды на світі. Може токувати, як лем хочете. Такого вышколуваного, як мой сын нее другого на цілый наш стейт.

— Чекайте, я вам перерву — гварит другый крайн. — А яку роботу ваш сын тепер выконуе? Повідате, же барз высоко школуваний, то певно мае даякий говернмент джяб.

— О, шюр. Он не єдну роботу выконуе, бо он знае, бо ся учил того. Он и форманом в Американ Бресс был — гварит старший емигрант.

— Выбачте мі и ся не погнівайте — гварит молодший емигрант, — але я бым хотіл знати: чим ся ваш сын тепер труднит и яку роботу выконуе, кой, — як вы гварите — єст барз школуваний?

— Белл — гварит старший емигрант — та он недавно был сейлесменом, але чул ем, же лишыл тоту джяб, бо му не хотіл бос подрейзувати пейду и же достал новый джяб в Апекс Тул в Шелтон за вацьмана, то буде мал гуд джяб и гуд пейду, бо он ся нато вчыл.

— Добра посада невроком на так высоко школуваного — гварит молодой крайн и усміхнулся.

Старый крайн ище долго политьковал: яке он мал значе-ние в шапі, бо без нього бос был бы так як без правой руки. В часі той бесіды опорожнил глєсы от пива и погарничкы от вискы, розкричался и зачал критиковати компанию, зато же компания платит “гринорам”, котры тепер поприходили до Гамерики, таку саму пейду як и тому, што там робит уж 30 роков. Не мог ся нияк с тым погодити и кричал крайн уживаючи слов, котры ту не мають місця.

По двох місяцях удалося молодому крайновни видіти того высоко вышколуваного лемка, котрым ся його няньо так хвалил пред крайном. Пив пиво в клубі при барі. Молодой крайн емигрант пришол ближе к ньому и гварит му:

— Галлов крайн! — А тот вышколуваний вытріщил на нього очы и гварит:

— Ай донт нов ю.

А молодой крайн му гварит:

— То ты сын Сидоряка Майка? Мы оба лемкы и з краю зо сусідных сел. — А он мі гварит, по англицкы, же он нерозуміє мене, што я бесідую и обернувся в другу сторону попиваючи дальше пиво. Я подумал собі, но и школений добрі, бо вшиткы языкы знае, а свого материнского языка ся ненаучыл. Бідны мы лемкы з такыма школуваныма нашыма сынами, то не хва-

литися нам нима треба, але заплакати над нима мусиме, бо то пропавша єдна душа для свого народа, котра одорвалася от своего роду и сам не зна хто он єст.

Направду интересно єст почути, як не єден наш лемко емигрант хвалитися своима вышколуваными дітми, якы высоко вчєны и т. п.

Неодовга встрітил я другого такого крайна, што ся хвалил, якого он має школуваного сына. Повідат: “Мой сын такый вышколений, што он вам може инком текс выписати и вырахувати и повіст вам кельо достанете бек або кельо будете мусіли доплатити, а нато треба мати брейн и голову на карху”. Але мы вшиткы знаме, же инком текс легко вырахувати, бо там сут рубрики, де єст написано, што и як ся має писати и рахувати. И покаже ся кілько тексту треба заплатити або кілько ся вам має вернути назад, бо вшитко покаже рахункова табличка, котру каждому платникови присилают. Ту не треба великой мудрости и великих школ мати, бо каждый роботник, котрый робит в шапі, може собі сам выполнити текс.

И ту для нас научка, же як можна признати такого лемка за ученого або як ту гварят, школуваного, котрый хоцбы дайме на то и каледж скончил и бесідувал вшелеякыма світовыми языками, а як свойого материнского не зна и го не розуміє, то он ниякий не вчений чоловік, бо он повинен перше выучити тот язык, котрым бесідує його отец и мати, котрым то языком його мама до нього бесідовала першы слова и котрым языком співанкы му співала, як го колысала, а другы языкы, то уж сут на другом місци.

Давно в старину были вчени люде, як грекы и римляне, котры знали дуже світових языков, знали астрономию, историю, природу, медицину, географию и иншы світовы мудрости, але найперше выучали свой материнский язык, свою историю, жебы знати хто и якы они. А в новшых часах або и гнешніх днях, коли посмотриме доокола, то тоже увидиме, же каждый народ ставлят на першом місци выучение своего материнского языка, своей истории и культуры, то и мы не будме на самом конци. Бо звідайтєся нашого лемковского вышколеного сына, котрого отец дал вышколити и тым ся все буде хвалил з якого он роду або з якого народа он вышол, то вам повіст “Мой фадер походит з Австрии, а я американ”. Так ту маме цілу мудрость нашего “высоко-вышколуваного лемка”.

ДАШТО С ПОДОРОЖЫ ДО СТАРОГО КРАЮ

Лювиставн, Монтана.

За тоту подорожь уж писали, так же не было што писати, але мои крайне мене просят, жебы я дашто описал за нашы села и што я видів там в тых селах и тоже што я видів в Росии.

Я хочу всім написати, же я дуже задоволеный зо своей поїздки до Старого Краю. Тяжко повірити, яку добру роботу там зробили за тых 50 років! Ище дагде видно руины, але уж мало. Там нема безработья, всі роблят, але никто не забивается в роботі, ниякий контрактор з них не богатіе.

Я чув даколи в краю на Лемковині, же як стары люде говорили, же там на всході даколи буде Америка, и я вірю, же буде, бо она уж сегодня ест. Я бы жичив каждому, кого ест стати иди то всьо видіти. Я певный того, же никто того не по-

Бывший талергофен зо села Ясунка, повіт Горлиці
ЮРКО ШВЕДА

жалуе. Мы мусиме быти вдячны нашей организации Лемко-Союзу, котра занимается такыма групповыма поїздками на Родину.

Во Львові я був лем 2 дни. До Львова мы прибыли 6-го июня, но мойой родины не было там. Я заслав телеграмму за свойом родином, а тымчасом я занюс подарок П. Когутови от Михаила Порады з Юнкерс, а на другой день моя родина пришла, то мого брата дівка Улька Хомик, отдана до Святковы, а и брата сын Тимко Шведа и сын Юлии пізно пополудни приехали. Они мене забрали до Тимка на такси. Я ся привитал с крайном Фецком Романчак. Там я забавился 2 години и назад до готелю. На другой день мене и мого товариша Семана Ренчковского, котрый был с Канады, наша лидерка, Олена Шевелюк, завезла на такси на дипо. Трен такой довгий, што кінця не видно, чистый, а молода дівчина за кондуктора, а курити не вільно. Зашли зме до Мостиск на границу до Польшы. Ту нас барз переглядали на границі. Мы зашли до Жешова, бо ренчковский мал подарок от Н. Цисляка для М. Донского. Зо Жешова мы взяли такси аж до Горлиц. В Горлицях на мене чекав Иван Гайтко и Туз з Волівця. Мы зашли деси пониже села Панкной на босі, а там мы наняли фурманку аж до Ротка, то моя родина. Там переночував и так до Волівця знова на возі. З Баницкого Вершка нее майже ниякой дороги, болото, фосы. Долу берегом Ротко заедно кричат: "гейта, вишта", а Гайтко гамуе, а хомонты коням мало не позлітували через головы, и мало што не перевернулося всьо коло цыганской хижи, бо там лем пару цыганов мешкат. Я знял знимку с церкви, уж ся розлітуе. С приходу до Волівця надышли зме на велику толпу овец, штыри великы псы пильнували овец. Там в Волівці ем ночувал дві ночи. Там жиє 10 фамелий. Увидів ем церковь и хотіл ем достати имена тых, што жертвовали, але они дали княжку ксендзу, а він теперь от них одышов. Где нее газдов, то там зарастають поля лісом. В Незнайові не мешкат никто. Заросло всьо так, што бы сте не повіли, же там даколи жили люде. Нее знаку, где были хижи. Церков схилена, дороги тіж нее, а без воду штука перейти.

В Чарном жиє Сірак и якысы дві жены. Він не сподівався, же дакто го навидит з Америки, то поплав, як мала дітина. Церковь ест в дуже добром стані. Казав, же доки він жиє, то ей ништо не рушит. Я мам знимку з ней. Там кус поорано, дорога незгірна, ~~маєт~~ електрику. Сірак мене просив за газету и за ка-

лендарь. Я бы просив його едносельчанов до него писати, бо йому там скучно.

Вышли зме на мое село Ясюнку на Вершок. Ту мы стали. Я обозрів Опалений, Помірки, Залісик, долу селом до Ростокы, на Камяник. Знял ем знимку из Опаленого. Зашли зме там, где стояла хижа. Нее нич, лем можна познати, где были камені и купа глины, где был пец, а дальше зароснене копривом, так можна дешто познати по цілом селі, где были хижы. Я просив Гайтка и Туза, жебы глядали каменя, што на нем ест крест, то они не вірили, же там ест. Я го выдобав, то Туз го возме до Волівця. Саду ту нее. Были три черешні, што я их посадив, то teraz там лем пнякы. Посадили сад на Баницчом вершку, где Амроз замерз, то сад им вымерз. Липа над річком стоит, и ясен Онуфрив стоит, але уж старый, то видно по його конарях. Коли я обозріл свое миле и родне селечко, то так выглядало для мене, як найкрасша невіста, лем же дуже смутна, отдавшася за “присташа”. Ёй лице гладке, біленьке, як гуся, всі бородавки, яругы, покорчены місця — зрівнаны. Ніт куп каменя на стежках, ніт бороздів, бо всьо зароснене, ціле село. Маю знимкы с того, то як бы кто з наших краянов хотіл, то най напише до мене. Ясюнка, Крива и Баниця поораны. Ту мене никто не привитав, лем една зозуля закукала. Бо люде тамты, то всі чужы, котры пришли на роботу до ПГР-у, а наших ясюнчанов там не пустили ани одну родину. Я Вам не можу повісті, яке чувство обняло мою душу, коли я почув голос того птаха перший раз за 54 рокы.

В Кривой я хотів ввойти до церкви, то поляк повів, же нема ключа, же ксьондз має ключ. Мам знимку с церкви. Йі знову до Панкной “гейта-вишта”. В Горлитах не познав ем нич, лем тоту студню, штом з ней воду носил 54 рокы тому назад, то и гнеска носят. На ярмаку видно было граблі, кісята и розмаиты выробы на продаж. З Горлиц до Устья Русского, до Ганчовы, до Криници.

Теперь в Ждині там жие дуже наших людей, а меже ними и наши ясюнчане там ся оселяют, бо до Ясюнки их не хотят пустити. З моих ровесників и знайомах пришли мня видіти, а то: Фецко Пелеш, Васил Пелеш (братья), Марина Кицей (Зорило по мужу), Евка Феленчак и крестина Дрийовска (по мужу Марчак). Они мене памятают. Фецко Пелеш и Василь мают ту дві сестры и рады бы за них чути. Там мешкат мого брата дівка Марина, отдана за Ивана Зорилу, з вышнього кінця. (Выше упомянуты краяне мешкают в селах: Стодоловиці, Бродо-

виці и Клішов в повіті Волув на выгнаю, где я приїхал видіти свою братаницю). Там сут дуже добры господарства, земля піскувата, але урожайна, літо довге, там родится вшитко. Будинкы всі мурованы, по 5 а часом и веце румів, а сут такы, што и воду мают в хижі. Мают stodолы, мают косярky, грабачкы, плугы, што ся на них возят. То такой господаркы и Длугош в Санкові не мав. Вшитко ліпше, як у нас в Карпатах, лем вода и повітря не такы, але житья на сто процент ліпше, як у нас в Карпатах даколи было. Мы ся там гостили, співали, плакали, бо уж час приходил з нима жегнатися. Як раз я був на весілю, як пришов Антонь Каня и наша лидерка Юлия Адамьяк. 20-го июня вечером мы ся з нима всіми пожегнали. Завезли нас до трена и одыхали мы до Варшавы.

Тоту подорожь не мож забути.

Ту подаю мій адрес, то если бы кто хотів знати дашто веце з наших едносельчанов, то прошу написати:

Andrew Sweda

P. O. Box 757

Lewistown, Montana 29457

Щиро поздоровлям всіх туристов и дякую Вам за таке щыре и миле знаомство. А тогорочным туристам желям счастья и доброй подорожи. Передайте привіт всім нашим людем.

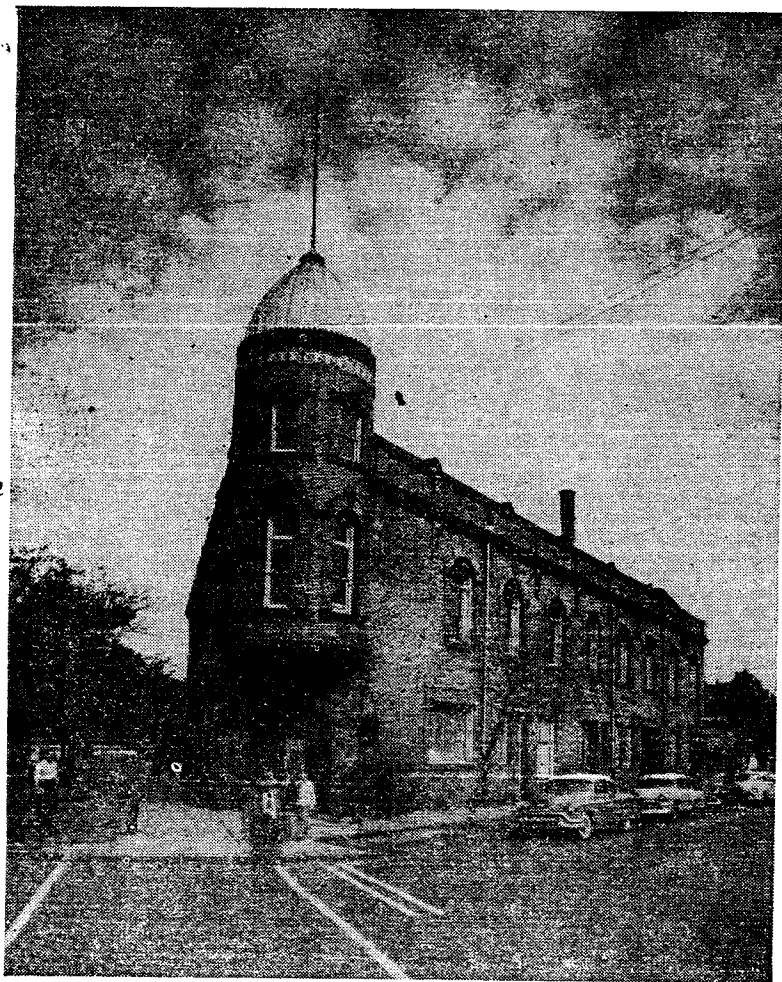
Андрей Шведа

Найбіднійший газда в селі Ганчова, на Лемковині. В той хижі жие Теофиль Каплон, родом из Береста, пов. Нозый Санч. Каплон жие зо 13-рочным сином. (Фото 5-ой группы лемков - туристов в 1968 року.)

Tel. PR. 1-9056

LEMKO HOME

Most convenient and beautifully decorated Hall for
concerts, dances, wedding and social banquets, and meetings

Use Lemko Hall for your next event

CLEVELAND 13, OHIO 2337 WEST 11th STREET

John Cherhoniak Jr. Manager - Joseph Dziamba President

КАРПАТОРУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ—1969 г.

Two Convenient Locations to Better Serve You

Michigan 1-6660

PRospect 1-4173

Rusynyk-Yurch

HOMES FOR YOUR CONVENIENCE

Serving the Public of Greater Cleveland for 44 Years

FUNERAL HOMES

Modern and Homelike

WEST

YURCH FUNERAL HOME

1111 Fairfield Ave.

PR 1-4173

PR 1-4418

EAST

RUSYNYK YURCH FUNERAL HOME

10217 Union Ave.

DI 1-3100

Michigan 1-6660

Cleveland, Ohio.

THE MEANING OF REPUTATION
WITH SINCERITY AND UNDERSTANDING

We are fully aware of the sacred nature of the last memorial for the departed and of the special obligations it imposes upon us as professional men. All of our service is based on a sincere desire to help with our special skills, and with a deep understanding of the importance these rites have to those who are nearest.

“HOW MUCH SHOULD A FUNERAL COST?”

Many people in this community know the answer to this, because we have been asked this question by many people. Our answer is able to pay. The total depends on the merchandise selected and is able to pay. The total depends on the merchandise selected ... and whatever the total, every service is dignified and beautiful.

“Our Homes Are Air-conditioned for Your Comfort”

MALCHOK

Funeral Home

2609 West 14th St. Cleveland 13, Ohio

Call

Main 1-4758

NEW

PARMA HOME

5660 Ridge Road Parama 29, Ohio

Call

884-9100

OUR CREED

"To maintain the high ideals of our profession and to extend a sincere and capable service which leaves behind beautiful and inspiring memories."

SPECK DISTRIBUTION INCORPORATED

2185 West 11th St.
Cleveland, Ohio 44111

Enjoy Doquesne Beer

P. O. C., Silver Top., Schlitz, Labbat's, Lovenbrau
and

Duke in Bot. and on Tap
at

LEMKO TAVERN ASS'N
IN CLEVELAND, OHIO

HERB OLSON SR.

СМАЧНЕ И ЗАВСЕ СВИЖЕ ПИВО ЯК ПОВЫСИШЕ
СКАЗАНО, МОЖЕТЕ ДОСТАТИ В НАШОЇ БАРИ
"ЛЕМКО ТАВЕРН"

237 West 11th St.
Cleveland, Ohio 44113

Tel. 771-5852

SOUTH SIDE HARDWARE CO.

2358 Professor St.
Cleveland, Ohio 44113

OWNER FRANK SHAFRANSKI, Jr.

Paints, Varnishes, Enamels, Plumbing,
Roofing, Linoleum, Wallpaper, Appliances
Television and Radios

ХТО СМЕ И ШТО СМЕ

О том, же хто и што руснаци нихто вам директно не повіст. Не повіст и зато, же незнат, што вы думате. Не повіст и зато, бо знат, же каждый иншак думат. Кед ся, як основа возьме наука, то ест друга справа, але вам снова того не буде ясно. То на конец в справі дотычного на основі науки, кед хочете, навірно вам многы скажут. Хоц хто того вам скаже. А каждый скаже, же так, як он говорит, же то точно и он напавду того добрі знат, а не там даякы чвиркоше. Он всьо точно скаже. Але хто му вірит?!

Я вам напевно повім с той случайности правду. Правду, правдучку правду.

Скажме, я стою на том, же и руснаци, якоси ся зродили. Зависит, где, коли и при яких обставинах.

На цілом світі ест лем еден мудрый руснак. Несчасть лем в том, же каждый руснак думат, же то он тот еден.

Уж роками и віками руснак ся воздвигат над другы народы и национальности. Скажме над сербами. Ци серб знат от розвидніня до нocy быти на полю? Не знат, але руснак знат. Значит, руснак побідитель. Нашу историю, наш правопис (хоц ищы незаконченый), нашу граматику, наше книговництво — то не мат нихто на світі. Руснакы в том единственны! Та ани подложыти ногу другому, нихто так незнат як мы. Рахую, же того подкладаня ноги другому достигло художественный уровень. Дозріло за Нобелову нагороду.

Кед руснак путуе зо своим женом на красиве и синіцке Ядранске море, он nebude по рускы бесідовал зо своим женом. Руснак ся ганьбит, же є руснаком, кед є в широком світі. Не ганьбится лем между руснаками говорити, же мы нич ни-

Вид на лемковске село.

кому не вредиме и нич не представляме. Приміром, серб ся не ганьбит, же є серб а як поїде лем на друге село, та його кривный брат нерозуміт його ани так як руснака.

Дахто говорит, што руснакох нихто не цінит. Та где, выдумал тот, што так повіст. Зокрема, другы дуже цінят нашу русску послушность. А руснаци, наприклад, цінят місто того сербску "сливовицю" (палюнку зо сливок). Видите, якы дуже великы ріжниці в ціненію.

Ищы наши стары приповідали, же кед Бог кликал перед себе представителей народов, штобы сказали, кому што потрібно и што сой желат, то перед нього приступил и руснак. Каждый сой желал инше; дахто велику державу, другой сильну армию, богатство, мудрость... А руснак говорил Богу:

— Я бы, Боже, кебы сте могли... най сусідови здохне ко-рова.

Думам, же теперь вам ясно, хто сме и што сме — а найбільше, же якы сме.

Даяк, ем неприпознал, же и я руснак — же тото вшитко ся односит и на мене. А наконец ищы больше, як на других, бо я ся тішу, же ем руснак.

Але, певно, не ем шаленый признатися, же ем руснак!

Ю. Каменецкий

КРЫНИЦА, иж.
"Карпатской Руси"
и Михаил Доньский.

г. На фото з лѣва на право: ред.
Кичура, д-р Андрей Шлепецкий

Иван Теодорович ЛЕМКИН

ТУГА ЗА ЛЕМКОВИНОМ РОДНЫМ КРАЙОМ

Лемковино, родный краю,
Моя прелесть, земский раю,
З жалом в сердцу ты витаю,
О тобі я все думаю.

Ани отец, ани мати
Не дадутся нам розстати,
Иду спати, рано встаю,
О тобі я все мечтаю.

Коли в сердцу тугу маю,
Або горе отчуваю,
До тебе я ся звертаю,
Свое сердце открываю.

Як пред тобом ся выжалю,
То уж в сердци покой маю.
Ты мой скарбе найдорожший,
Голубочку найсолодший.

Лемковино, любя Мати,
Я не в силі описати
Своей туги, своего горя,
Слез выляных цілы моря.

За тобом плачу, гыну,
Так в ночи, як и в днину,
О тобі я все думаю,
Тобою ся восхищаю.

До тебе я все вздыхаю,
В тобі всю надію маю,
Без тебе жытя не маю.
Тобом жыю, отдыхаю,

Як счастливы мы ся чули,
Коли разом з собом жыли.
Ты нас сердцем голубила
И в объятиях нас пестила.

Хлібом, сольом нас кормила,
Хоть сама голодна была.
Ты нас сердцем огрівала
Хоть ран ты там много мала.

Ворогы нас розлучили,
На погибель засудили,
По світі розпорошили,
Штобы марно мы згынули.

Мы от тебе отдалены
На погибель назначены,
З любых гор выселены,
По світі розпорошены.

Будь проклята тота хвиля,
В котрой з пекла вража сила
Брутально нас выселила,
Наше жытьє докончила.

Тяжко было ся розстати,
За тобом, любя Мати,
З горами ся прощати,
З болю, жалю поплакати.

Любы горы оставити
И в незнане деси ийти.
В світі долі сой глядати,
Нераз горко заплакати.

Вельку рану в сердцу ношу
И штотдня Бога прошу,
Штобы горе пережыти,
Счастливо вік докончыти.

В сердцу туга, вельке горе,
Вылятых слез ціле море
За лугами и лісами.
З жалю, туги за горами,

За хижиним с краю села,
За стежечком, што нас вела
До церковці на горбочку,
Серед дерев, як в віночку.

О, як тяжко мі на сердцу,
Што мы розлучены
И по цілом земском гльобі
Мы розпорошены:

Не тішися, сило вража,
З нашої горкой долі,
Сплыне на нас ласка Божа,
Будем знов на волі.
За терпіния и страдания
Бог вынагородит
Нашы муки и рыдания
Он нам осолодит.

Нашы горы розрадуют,
Солнце засіє,
Лісы громко зашуміют:
“Лемко повертае!”

Цілы вікі переминут,
Мы ся розроснеме,
Нашы врагы всі погынут
Мы тут зостанеме.

Бо то наша русска земля,
То наша отчына,
То колыбель святой Руси,
То наша спадчына.

Горы нашы, горы святы,
Бескиды, Карпаты,
Ту мешкали нашы предки,
Білыи Хорваты.

Стада овец в лісі пасли
И землю орали,
Штобы больше землі было,
Лісы карчували.

Тож мы лемкы автохтоны,
Тут на власной землі,
А не якысы пройдисвіты,
Ци прибуды вредны.

Надармо пан Маціевский
Так нам голосил,
Што лемков на польску землю
Круль Казимір спросил.

Што не было ани сліду
О нас у Карпатах,
Аж нас стягнул на сву біду
По білых хорватах.

Простый парох из Тылича
Вченому доказал,

Што он вчений без облича
Дурньом ся показал.
Той фальш откликати,
Тяжко было ученому
Бо прийшло му, як пьяному
Блудов ся встыдати.

Вы панове историки
Пиште вшыткы правду,
Як сте добры католики
Не задайте гвалту.
Не фалшуйте истории,
О то вас благаме
И не робте комедии
З фактов, котры знаме.

Маціевскы у нас были
Вчера и сут ныні,
Историю, што писали
Най читают свині.
Историю так писали:
Много фактов отнимали,
Де не треба, додавали
И так правду закрывали.

Цілу нашу историю
Так подзюравили,
Же дзюрами меж народом
Незгоду зродили.

Они внесли в нас руину,
Народ поріжнили,
Выдумали Украину,
Штобы Русь знищили.

Украину Берлин сплосил,
А Відень уродил,
Польскы паны выховали
Для Гитлера хвалы.

Польскых панов дябли взяли,
Украину русскы дали
И хоц Гитлер уж не скаче,
Берлин за ньом дальше плаче.

Маме своих историков,
Высокоученых,
Пан Ключевский и Третьяков
Мужы досвідчены.

Маме тоже Рыбакова,
Гречку, Шахматова,
Соловия, Прожнякова,
Всіх гений голова.
Маме ище много других,
Умных и ученых,
Не треба нам людей чужих,
Маме досвідчених.
Всі солідны историки
Так нам повідають,
Же ворогы робят крики,
Бо рации не мають.
Стож нашы историки
Нам все поясняють,
Же початки Руси святой
Пра-славян сягають.
Нашы предки пра-славяне
В Карпатах мешкали,
Як потреба заходила
З врагами воювали.
Гречку віру мы прийняли
Из уст Методия,
Всім славянам показали
Де свята Миссия.
Зостализме окрещены
Во престольном граді,
Через учнів Методия,
В церкви Велеграді.
О дві сотки літ скорійше
Мы ся окрестили

И дві сотки літ милійше
Богу ся молили.
До Києва свята віра
Прийшла з Подкарпатя.
Обі Руси полюбилися,
Бо то родны братья.
Русский Киев обдаровал
Русьом Прикарпатье,
А народ наш заваровал
Слово тое свято.
От товды то Прикарпатье
З Києвом ся зляло,
От той хвилі слово Русин
Для нас святым стало.
Такий вот ест початок
Нашой Лемковины,
Хотяй смутный ест остаток
Той святой краины.
На Карпатах и Бескидах
Русь ся формувала,
По Европі в тяжких бідах
Ся розпространяла.
Два тысячи літ минае
От предков начала.
Богу нехай честь бывае,
Святой Руси хвала.
Лемковино, любя Мати,
Притуль мя до себе,
Ци ест лекше де спочати,
Як тут близко тебе.

ИСТОРИЧНЕ ЗАМІЧАННЯ

Профессор Варшавского Университета В. Маціевский в своем труде под заглавием "Первотне Дзее Польскі і літератури, Варшава 1846" старался доказати, што лемки не сут автохтонами на своей землі, а польскими осадниками, котрым король Казимир Великий позволил поселитися на польских землях. В отвіт на тото о. МИХАИЛ КРЫНИЦКИЙ парох Тылича на основі собраного исторического материяла, доказал польскому ученому, што он ест в блуді, бо Лемки сут автохтонами на своей родной землі. Труд о. Крыницкого носит заглавие "Историческое состояние Намісничества Мушынского в взгляді физично - политично - религийном от основания 51 существующих ту чисто русских сел и городков Мушына и Тылич". Смотри Отечественный Сборник Зборовского, Віна 1853.

Русскы историки Греков, Ключевский, Шехматов, Рыбаков, Прежняков и много других стоят твердо на становиску, што отчыном наших предков Пред-Славян было Прикарпатя и Карпаты, то ест наша Лемковина... Теория русскых историков и днес не подабается некоторым польским историкам, але правду до мішка не вложыш. З Прикарпатя и з Карпат посунулася часть того народа на восток, юг и сівер. Часть дойшла до нынїшного Києва и там дала початок Киевскому Княжеству. Колыском Руси ест Прикарпатье и Карпаты. Прикарпатскы славяне т. е. Лемки приняли віру Христову на 200 літ скорше от Киевской Руси, от славянских Апостолов, учеников св. Методия, а не выключене ест, же ище за жытя св. Методия, котрый помер в року 885. Окрещене Прикарпатя мало влияние на Киевску Русь в напямі принятия віры Христовой. Киевска Русь дарит Прикарпатье "Русью", то значит назва национальна Русь переходит тоже на прикарпатских славян, влученых через Владимира В. до Киевской Руси.

Яков ДУДРА

ЕСЛИ БЫ МОЕ ЖИТЯ БЫЛО ВЗАД ЦОФНЕНЕ

В часі дней святочных, теплых и погодных,
Для всіх людей втішных, милых и выгодных,
Сидят собі люде в парку на лавочках,
Бо такой ест звычай в містах и місточках.
Сідають там стары, сидят и молоды,
Но бо каждый хоче дакус той выгоды,
И просто сідають хворы и здоровы,
И часто провадят з собом ріжны мовы.
Раз вшиты на одну тему розмовляли,
И страшно пиянство там критиковали,
Нихто там пиянство товды не похвалил,
Каждый на згорілку пред всіма ся жажил.
И перший повідат: — Хвала пану Богу,
Же я ся уж позбыл раз того налогу.
Тепер ся мі зовсім инакше газдуе
И жена до мене не жобат, не клюе.
Выплатил ем довгы, якы де лем были,
Жебы языками люде мя не мыли,
И тепер спокойно я собі газдую
И уж тых злых бесід о собі не чую.
А дргий знов гварит: — Я тиж был пияком,
И хоц я не глупый, а был я дураком,
Но бо жаден пияк добрі не газдуе
И выглядат дурный, бо завсе бідае.
Прото и я з бідом мал так довго сполку,
Поклям не одогнал од себе палюнку.
А тепер уж я ей не хцу до рук взяти,
Одвык ем уж од ней и мам спокой святыи.

Третий знов повідат: — А я уж пол рока
Завзялся так сильно, як круль Крак на цмока,
На тоту згорілку — ворога страшного,
Што змушат до біды человека каждого.
И лем шіст місяцов, на семей преходит,
Уж ся в моим домі всім добрі поводит.
И грошей мі не брак, сут завсе в кишени,
И на обід кусок мяса е печений.
И так дальше, дальше, вшиткы до громады
Радят о згорілці, яки сут ей вады.
И так по колеі всі оповідають,
И едны скончыли — други зачинають.
— А я пил згорілку през цілы три літа,
Прото моя жена пішла с того світа,
Бо што ем заробил, то зараз ем пропил,
Вшитком з дому вывлюк, штом в руки дохопил.
Вшитко я продавал и з людми пропивал,
Будь-кого зачеплял и барзся розбивал.
Тай при том здоровя люде мі одняли,
А жена и діти просто бідували.
Жена з біды и смутку мусіла вмерати,
Лем я ище zostал дакий час стогнати.
Жену я мал добру и барз послушнячу,
Лем голову дурну и натуру псячу.
— А я шевский майстер — и хцете вірити,
Же я мусіл босо по місті ходити,
Бо згорілка грошы з кишень выдерала,
А шевска робота тыжднями стояла.
Люде на обува задаткы давали,
Обутя не было — тай мое порвали.
И зроб же им за то, чловече, што хочеш,
Же п'яний и босо по рынку ся шпочеш.
— А што вы на то всьо повісте, ковалю?
— Та и я пиянства николи не хвалю,
Бо и я тиж давно не горділ згорівком,
Але уж сім роков, як ей не пю лівком.
Бо раз ся трафило, же был ем барз п'яний
И вліз ем до кузні уж такий заляный,
И хтіл ем там штоси пильне поклепати,
Але як то п'яний, — можете уж знати,
Же світ ся уж зо мною довкола обертат,
А згорівка ноги подрыват и звертат,
И уж ся превертам — но и так выпало,
Же вдарил я тварьом о рог о ковало.
И, знате, про тоту смердячу псювіру,
Смотте ту под оком — до днес я мам діру.
Діра была страшна, пробита глубоко,
Счестья, же не трафил я на саме око.
— А я такий звykлый работник містовый,
Копам сутеріны часто при будові.

Уж ест десят роков, як я ся тым трудню,
Копам ци то канал, ци рів, ци то студню.
И копам од весны до поздной осени,
А мине тыжден-два — порожньо в кишени.
Бо згорівка грошы на силу выдерат,
А мене в болоті за них поневерат.
Но штож, я человек дуже слабой волі
И хотяй на руках рок-рочно мозолі,
А еднак не можу на то ся завзяти,
Штобы ся од того врага одорвати.
— А тепер слухайте, што я, столяр, скажу —
Же я про згорівку внет до гробу ляжу.
Може дас полтора рока буде тому,
Як я вертал п'яний раз в зимі до дому.
Такий был я п'яний, штом не знал о світі
И не мог я домів уж нияк трафити.
А позрю на рано — я в стаєнці козі
Цілу ноч прележал в зимі на морозі.
Мороз был дост сильный — стайня розтворена,
И там пол живого нашла мене жена.
И од того часу здоровя пропало, —
И роки не стары, а здоровя мало.
Тай жена и діти мусят бідувати,
Бо нее здоровя и треба умерати.
Если бы мое житя было взад цофнене,
И з таким розумом, який тепер в мене,
Не жичил бым собі навет там позріти,
Где бы мя змушали алькоголі пити.
Вшиткы ся преїняли такыма мовами,
И я их докончыл такыми словами:
Же алькоголь треба всім так зрозуміти,
Як тот страшный оген, што хце всьо спалити.
Пиянство три разы больше шкодит в краю,
Як велька посуха цілый місяц в маю.

Tel. YO. 5-5728

John and Peter BIBKO

Wine and Liquor Store

Найлучшы горілки амери-
канскы и заграничны и най-
старшы вина можете всегда
получити по низких цінах у
шторі наших молодых краёв
лемков-американцев — Ивана
и Петра Бибко. Не оминайте
своих!

355 Nepperhan Ave.
Yonkers, N. Y.

YOnkers 9-9157

YOnkers 9-9169

MOQUETTE RESTAURANT

Finest Foods-Wines-Liquors

СВОИ ДО СВОГО!

NICK KRUSKO
479 Nepperhan Avenue
Yonkers, N. Y.

TEL. 486-4300

GREENBERG'S JEWELERS

Fine Jewelry

Since 1923

206 N. Wood Ave.
Linden, N. J. 07036

TEL. 486-8012

**JAY'S
Quality**

**Dress & Work Clothes
and Shoes**

110 N. Wood Ave.
Linden, N. J.

HUnter 6-
8845
8846

**UNITY HOUSE
FURNISHERS**

Furniture — Floor Covering
616-620 E. St. George Ave.
Linden, N. J.

HUnter 6-3468

UNION Beverages, INC.

HOME DELIVERY
Beer & Soda

Union Avenue, Linden, N. J.

Tel. CH. 5-5698

Lockwood Pharmacy

Lockwood Village Drugs, Inc.

913 N. Wood Ave.
Roselle, N. J.

A. D. Cohen B. L. Gersow

CHestnut 5-4425

KLUMAS & GAIS

REALTORS & INSURORS

When calling

Ask for

Dom Gais

(201) 272-4100

663 Raritan Rd.
((Cranford, N. J. 07016))

FULTON 8-4756

A. Lovas & Sons, Inc.

1585 Main St.

Rahway, N. J.

Awnings, Canvas or Aluminum
Venetian Blinds, Removable

Slats

Aluminum Storm Windows
and Doors

Jalousie Doors & Porch
Enclosures

Aluminum, Roofing, Siding
Leaders and Gutters

ELizabeth 3-3132

"Say it with Flowers"

ART FLORAL SHOP

Flowers for every occasion
824 Elizabeth Ave. Elizabeth, N. J.

HUnter 6-2818

DAILY PHOTO SUPPLY CO.

559 Speedwell Ave.
Morris Plains, N. J.
JEfferson 8-8300

117 N. Wood Avenue
Linden, N. J.

GORNY & GORNY, Inc.

J. W. Krowicki, Mgr.
Jacob W. Krowicki Jr.
Carl F. Krowicki

330 Elizabeth Ave.
Elizabeth, N. J.
Phone 352-1415

All homes air-conditioned
Bloomfield Irvington
Paterson

Tel. 339-9733

Daniel J. Kostovich

DAN'S
American Service Center

GAS - OIL - TIRES
BATERIES-ACCESSORIES

1054-56 Broadway
Cor. 52 St., Bayonne, N. J.

FEderal 9-1355 Skylights

AL D'AMICO
SHEET METAL WORKS

Warm Air Heating And
Air Conditioning
Exhaust And Sheet Metal
Repairing
881 Broadway
Bayonne, N. J.

WEST BROAD LIQUOR

SHOP
A. J. DEVITO

65 West Broad Street
Stamford, Conn.

WE DO ALL KINDS OF
UPHOLSTERING &
REMODELING

PETER MIHALIK
Upholstering

For Quality Work Call
STerling 9-4439
2312 N. E. 5th Street
Minneapolis, Minn.

Francisco Curlin

THE CURLING
CORPORATION

Rippowam Liquor Shop
We Deliver

5 West Broad Street,
Stamford, Conn.

Food Fair Shopping Center
323-2839

BEST QUALITY BAKERY

848 Paterson Avenue
East Rutherford, N. J.

Phone PR9-1668

Panko Worhacz

АНТОН А. ЦИСЛЯК (Лемко от Прадіда)

ЗАГАЛЬНО - КОРОТКА ИСТОРИЯ РУСИ ПОВЕРХНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ДАВНОЙ РУСИ

СТАРЫЕ ЗВЫЧАИ И УСТАНОВЫ НА РУСИ, НОВО-ЗАВЕДЕННЫЕ ПО-
РЯДКИ САМОДЕРЖАВИЯ И КРІПАЦКОГО ПРАВА В РОССИИ, ПО-
РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПЕРЕМІНАМ, КРИТИЧНЫ ВОЗРАЖЕНИЯ НА
ЗАХВАТ И ПОРУГАНИЕ КАРПАТОРУССКОГО НАРОДА, И ПРОЧЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВА:

НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ ДЕРЖАВНОЙ РУСИ:

На западных Карпатах по обоим сторонам Бескидов, по меже річками Попрадом, Дунайцом а Сяном, из покон віка жие русские племя лемко-русинов. Даколи в глубоку старину тота территория лемков-русинов была родином білохорватов и ядром Червеной Руси, котра то на зарі истории русского народа входила в состав древне русской державы князей Олега, Игоря, Владимира и Ярослава Мудрого, с перво-начальном столицем в Києві, а потом яко Галицко - Русские Княжество Ростиславичов и Романовичов аж до 1340 р., коли то Червену Русь захватил польский князь Казимир III.

С того часу наша Галицка або Карпатска Русь много разов переходила под власть чужих держав, як Австро - Венгрии, Словаков и По-ляков, и хотяй послі I Світ. Войны, революции и розвала Австро - Вен-грии, возродилися або повстали новы народны державы, и хотяй где-якы восточны части Галицкой Руси были воссоединены в русской дер-жаві, но сама западна часть — Лемковина была етнично и политично розділена на дві части, и часть приділена была до польской, а другая часть до чехословацкой державы.

Из того видно, што наша Галицка або Карпатска Русь в загалі, за царских уж часов до великой русской державы не была включена, або до так званой царской России николи не принадлежала, но помимо того, весь наш карпаторусский народ в чужих державах национально и социально угнетанный, завсе ориентувався на Восток до своего велико-го русского брата и вічно мріял и стремился до объединения с вели-ким русским народом. Но, што творилося там дальше на Руси (в Рос-сии) того наш народ дуже мало понимал, або даже и ничего о том не сознавал.

Длятого, нам карпатороссам буде то не лем дост интересно и на-учно, але и дуже полезно поняти и дознатися ближе правды о том, што творилося там в русской державі на загал, як повстало самодер-жавие, коли и як заводилося там "кріпацтво" або невольниче право, и што довело до русской революции и свержения царского правитель-ства.

НАША НАРОДНА НЕВОЛЯ:

Мы старшы люде выходцы из Карпатской Руси Лемковины (Га-личины, Буковины и проч.) мы сами частично переносили чуже народ-

ный гнет и наси́льства старой “панщизны”, но о много больше наслади́лись от наших старших людей, отцов и дідов, які сами они ище переносили и запам’ятали тоты стары панщизняны часы, як то они мусіли насильно повиноватися завсе волі панов, які мали власть житья або смерти над бідным народом, як они мусіли тяжко робити и працювати на богате и роскошне житья своих панов и рабовладільцев, або як они мушены были робити 4—5 дней для пана, а 1 день для себе, або треба было робити у пана за 10 або 12 сноп для себе. Крім того треба было платити незмірны податки и отробляти всякы иншы потреби для пана на його фольварку.

Такы и всякого рода иншы порядки заводилися для панских роскош и богатства, заводилися там с давных ище часов римского або германского права, но они змінялися с часом на ліпше, або на горше, залежно от того, як коли и до котрой державы нас прилучали.

Но, коли взяти на загал, то здається, што наш карпаторусский народ николи так тяжко не пострадал в чужих державах, як страдал весь великорусский и украинский народ за часов самодержавия и кріпостного права в царской России.

ПРАВА И ЗАКОНЫ НА СТАРИННОЙ РУСИ:

Тепер найперше нам треба познакомитися ближе с исторіом старинной Руси за княжих часов. В давну старину за княжих часов на Руси, всякы права и законы устанавлилися по воли всего народа на созыванных **народных вічах**. В тоты часы, т. е. аж до татарских нападів на Русь, русскы князья не были самодержавными правителями на Руси. Их призывали на княжение по волі и рішенію народного собрания або віча. Князья заключали с народом договор с присягом и ціловали крест с обіщанием, што будут управляти согласно народному обычаю.

Князь не мог сам розпоряжатися во всім и поступати тогды по своей власной волі. Народне віче было тогды сильнише от власти самого князя.

У князей были невеликы военны дружины, а головна военна сила русской земли складалася тогды из городских и сельских наборов, из земских збройных полков, и народом выбранными их начальниками во главі. Для того то, коли князь притиснял жителей, або нарушал их обычаи, то народне віче могло сказати князю: “Не хочеме терпіти больше твоего наси́льства, заберайся от нас, а мы знайдем себе другого князя.”

Тогды русский народ не был ище в рабском положенію, народ сам принимал участие во всіх общественных ділах. Коли самы князья хотіли начать войну, они должны были просити согласия на то на народном вічу, значит звертатися за порадом до всего народа, и народне собрание рішало, идти або не идти на войну.

Народне собрание выбирало также своего намістника и старост, котры присутствовали на княжеском суді, штобы не дати в обиду земских людей (селян), княжеска дружина не могла тогды властвовать и издіватися над городскими и сельскими жителями, як то потом издівалося над тым народом дворянске войско при московских царях. В тоты часы князьям навел заборонялося набывати або скуповати землю в своих княжествах.

Земщина, т. е. все коренне земске население Руси, чувствовало

тогды свою силу. Оно уважало своих храбрых князей, но не унижалоси и не рабодіствовало перед ними, и не признавало их за земных, всемогущих богов. Значит, земска народна сила перевышала в тоты давны часы силу князей, русский народ не был тогды порабощенным у своих правителей и был ище свободным народом.

Но то не означало ище, што в давны часы на Руси было полне равенство меже людьми. Были и тогды богаты або “ліпшы” люде, были “середны” и были и “бідны люде”. Богатых людей было больше в городах (містах), они богатілися из торговли, котру вела Русь з Греками и Хазарами. Богаты люде куповали собі рабов, котрыми розчишали цілинны земли на орны поля, и так росшыряли свою господарку. (В давны часы рабами были звычайно военно-плінны, котрых забирали, а потом продавали их в рабство богатым).

Бывало часом и так, што обіднышы свободны люде сами запродавалися на службу к богатым, штобы из зоробку могли завести свою сельску господарку. Таких людей называли “закупамі”. Но таких подневольных людей не было тогды много на Руси. В селах жили тогды свободны земледільцы. Они прочишали и орали свою землю, полювали за звіром, занималися рыболовством и пчеловодством. А свободной, никым не занятой земли было тогды сколько кому угодно, и никто не требовал за землю ниякой платні або податков. Всі поля, лісы и рікы были тогды открыты и свободны русскому земледільцу або звіролову. И где только доходили топор, пила або плуг (соха) там могла поселятися деревенска Русь.

На початках русскы славяне занимали плодородны южны (полудневы) земли рікы Дніпра и його приплывов. И там у них скоро выросли большы торговы города, як Киев, Чернигов и другы. Киев, особенно тогды быстро розбогатіл. Всі лісны товары, як футра, мед и воск які добывали русскы славяне сплавлялися тогды до Киева, а из Киева купцы їздили з ними в чужы стороны и там их продавали. Зато киевске княжество сталося скоро и богатым и найбільше заселенным.

Всі старшы в роді князья старалися тогды полати на княжий киевский престол, всі они добывалися киевского княжения.

Но, на киевске княжество уже из давна нападали дикы кочевикы, с початку печенигы, а потом ище больше дикы варвары половцы. В XII віку они преградили торговы пути из Киева до Царгорода, и часто своими нападами опустошали южны княжества, забирали много жителей в плін (неволю), а потом продавали их в рабство. Тогды в тых містах житья стало небеспечно и трудне так, што придніпровскы славяне начали покидати киевске княжество, часть из них повертали взад поближе в наши стороны, но большинство из них подвигалися дальше к сіверо-востоку, в больше холодну, сурову и неприступну сторону.

Они проходили зо своими топорами и плугами через дремучы лісы аж до берегов рікы “Ока” и верхнього Поволжа, где жили тогды финскы племена. Племена тоты были мирны и славяне не воювали с ними. Славяне - россы поселялися коло них, сроднялися разом, а с тым змішовалася и народна культура.

Послі того переселения малороссов из юга на восток, киевске княжество много опустіло, но нато́міст береги Оки и Волги начали

быстро заселяться. Там повстало теперь сильне Суздальске Княжество с новыми городами: Владимиром, Москвом и Тверью. Тепер осередком Руси стал не юг, а сіворо восток.

Суздальскы князьи Андрей Боголюбский и Всеволод Больше Гніздо, хоц они были и считалися старшими князьями, но они уже не хотіли переноситися до Киева, а жили во Владимирі, а киевских князей держали под своей властью. Из за того, што тепер там на сіворо-востоку володіли великы русскы князьи, тоты земли называли Великом Русью, а народ великороссами.

КОЛИ И ЯК ПОВСТАЛО САМОДЕРЖАВИЕ НА РУСИ?

(Теперь приведем коротко выдержки из русской истории за Л. Шишком. Невіроятны рассказы из часов царского самодержавия.)

Не на долго оставалось в покою и Суздальске княжество. В 1237 року на Русь нагрянула огромна татарска орда, она вынищила большу часть русского населения, а остальных забрала в свое подданство. Было то страшне несчастье для всей Руси. После того нашествия татар, русскы люде перестали быти свободным народом. Они подпали уж тогда в татарске ярмо, и мусіли во всім повиноватися татарскому хану.

Теперь Русью управляли уж ханы. Татарский хан обложил тогда русский народ поголовным (на каждую особу) податком, а для сбора тех податков, хан признавал попередних русских князей, як своих подручников. С того часу русскы князьи не залежали уж больше от народного “віча”, а зависіли во всім от татарского хана. Перше князьи радилися зо самими жителями и заключали договор з народным вічем; “Ярлик” (назначение) на княжение, а так верталися управлять народом, — а теперь они іхали в Золоту Орду, там получали от татарского хана, неспросачи от народа согласія.

Подъяремный русский народ не мог противитися волі Хана и мусіл повиноватися во всім тым управителям, котрых хан над ним поставил. А то были тоты самы русскы князьи, но теперь не были выбераны народом, а наставниками татарского хана.

Одного из тех русских князей, татарский хан або “царь”, як начали його называти русскы, — назначал старшим або великим князем, а всі остальные князьи мусіли были повиноватися тому старшому князю, а котрый не повиновался, того хан казил смертью, а в його княжество посылал татарске войско с приказом палити села и міста и вынищовати жителей.

Послі таких диких розгромов ужасный страх завладівал русскы-ми людьми на долгий час и они не могли навет подумати о давной вічевой свободі. Заміст давной свободы, теперь поширилося рабство на Руси. Сам великий князь теперь, коли приходил в “Золоту Орду”, то он ползал на колінах перед шатром татарского хана и кланялся йому до земли. Но, зато он у себе дома также требовал, штобы всі ползали перед ним на колінах. И так скоро потом на Руси началось битье людей бичами, завеліся тілесны мучения и смертны казни на рынках.

Отже, в тоты часы на Руси возвысилися Московскы князьи, они ліпше от других князей знали угодити грозному татарскому хану, и с помочом його войска подчинили своей власти всіх остальных русских князей. Они собирали дань (податки) в пользу хана по всей русской

земли, но при том они не забывали и за себе, и зато дуже скоро розбогатіли сами. Так они начали скуповати цілы сусідны обшары земли и волости и розширяти свои владіния, а у гдекотрых менших слабых князей, просто забирали або силом отнимали их княжества. Таким способом они скоро собрали в своих руках и привластили собі близко всю русску землю.

Такий захват совковскими князьями всіх других русских княжеств, называли они “Собиранием Руси”. С того и началось самодержавне Московске Государство.

Послі татарского нашествия, спераючися на татарского хана, Московскы великы князьи подчинили своей власти всіх других князей и сталися самовластными на Руси. О русском народі ніт што и говорить. Народ был пліненный и поработенный в татарске подданство и мусіл безпрекословно повиноватися своим правителям.

С часом, потому, коли Золота Орда ослабла от внутренней не-згоды и роздоров и распалася на части московскы князьи освободились от власти хана, перестали платити ханам дань, и сами стали называтися царями. Из прежних наставников хана, они сталися теперь самодержавными правителями. Но положение русского народа ничым не измінилось от того на лучше.

Татары и до того не сами управляли Русью, а управляли нею через московских князей, котрым передали свою власть. Власть и теперь оставилася така сама, яку створили татары, то ест неограничена самодержавна власть, власть азиатских поработителей над покоренными народами.

Давны “вічевы” порядки не вернулися больше на Руси по уходе татар, бо послі 200 літного татарского ига (ярма), там на Руси закріпилися совсім татарскы порядки. Они просякли в души русских людей так, што они привыкли смотріти уже сами на себе, як на рабов, як прирожденных слуг - лакеив своего пана або государя. И в такой-же рабской вірі старалася воспитувати их и русска православна церковь. Русске духовенство уж с давна перешло на сторону сильных (міра сего) московских князей. Оно во всіх своих поучениях и молитвах усердно твердило простому народу, што не татары установили тоты лакейскы порядки, а были они установлены самым Богом, штобы в рабском послушанию терпіти и подчинятися своим правителям и наставникам.

До того великы князьи, або “цари” як они потом зачали называтися, теперь они мали больше свое войско, яке складалося из преданных им дворян, а не так як давно, што у князей были только свои невеликы дружины. Но, коли Московскы князьи ставали возвышатися, то и дружины (бояры) менших князей переходили на больше выгодну службу до богатых московских князей.

Таким способом на службі у великого князя собралася многочисленна дружина (войско) из дворян, як они теперь начали называтися, а тоты дворяне на ділі составляли собственне войско московского князя. Между тым всім, народне ополчение (узброение) уж давно ишезло, у народа не было теперь ни оружия, ани привычки к военному ділу. Вся военна сила сосредоточена была теперь в руках московского князя, и он мог силом заставить народ повиноватися своей волі.

Таким путем возникли на Руси московскы самодержавны порядки. Во главі стоял царь, котрого духовенство обратило в земного полу-бога. Царя окружали бояры, по большей части из давных меньших княжеских родов. Они сиділи в думі и в приказах, (законодательных распоряжениях), але головным обовязком их было охраняти царскы доходы.

Таких бояр цари посылали во всі города, в роді теперішних губернаторов. Воеводы їздили по волостям, где насильством и пытками вымучивали от селян грошы. За боярами были дворяне, які составляли царске войско и приводили в исполнение царску волю. Царска воля заміняла для них и віру и закон.

Зато дворяне были возведены царьом в высшу кляссу людей, а весь остальной народ належал уж до низшой податковой кляссы, то были, "чорны и подлы" люде. Они должны были рабствовать, служити и робити на высшу кляссу людей, и платити царю податкы.

ЗАВЕДЕНИЕ КРІПОСТНОГО ПРАВА НА РУСИ.

Главным занятием русского робочого населения, так як и давно было земледііе. Коли татары завоювали Русь, тогды весь русский народ занимался земледііем, зато татары называли русских "християнами", або крестянами и тот назва осталася в народі до того часу.

По татарскому праву, вся завоювана земля принадлежала хану, а зато потом и московскы князьи, перебравшы власть по татарском хані, присвоили всю русску землю для себе и брали за нью дань - податок, зо всіх крестян - земледііцев. Так вся давно крестянска земля перестала быти крестянском, теперь належала она до царя, а то значило, што селяне - крестяне сиділи на государственной земли и длятого несли за нью всякы повинности, а в том они должны были кормити и содержати царске войско. Прошей тогды было мало, зато цари заміст платити своим служащим дворянам грошами, они роздавали им земли, на котрых сиділи крестяне.

Получившы таку заселену людьми землю, дворяне ставалися поміщиками, но землем владіли они лем дочасно, покаль они несли царску службу, а коли же поміщик умер, то земля передавалася знов другому служащому дворянину и знов не на власность, а лем до ужитку аж до його смерти.

Так возникло на Руси локальное право дворян, котре в початках не дотычалося крестян, а дотычалося только одной земли, и то не на вічну власность, а лем тимчасового ей ужитку.

Вічным правом на землю пользовалися тогды лем царь, и гдекотры бояре из давных княжеских родов, а также и многы монастыри, котрым цари и бояре даровали свои земли, штобы по смерти забезпечити собі выгодне місце в раю. Завдяки такому суевірью, в руках духовенства тогды скотилося много земель, а гдекотры монастыри владіли тогды уже огромными земными богатствами.

Таким образом очевидно, же послідовательно вся земля московского государства была уже разобрана высшом кляссом. Найперше земля належала царю, котрый збирал податкы от крестян, землей владіли давны княжескы роды, и на праві пожизненного ужитку владіли службовы дворяне и поміщики, а в конце монастыри и духовенство.

Не владіли землем лем сами землеробы, т. е. люде, котры сво-

им трудом землю обробляли. Сами земледііцы або землеробы были цілком лишены права на власность своей землі. Они могли только обрабляти чужу, т. е. царску або поміщичу землю, робити и платити податкы, то значит отдавати половину або третину своих плодов землевладііцу. Така то была тогды основа всего московского государства.

Высшы кляссы завсе стремятся к тому, штобы примусити низшы кляссы робити для себе, длятого они найперше забрали землю в свои руки. Тогды-то трудове и робоче население, котре завсе в старину жило только из земледііа, лісного або рыбного промысла, попадат теперь в життьову зависимость от землевладііцев.

Забравшы власть в свои руки, цари посіпили забрати и землю в свои руки. Тым они закріпили свою власть, а тым самым и забезпечили положение своего дворянства, без котрого они не могли обійтися, им начали роздавати землю.

Так на том захваті земли царями и на той роздачі ей дворянам, было построено государство. Царску и дворянску власть не возможно отділити от царского и дворянского земледііа, едно завсе звязане было и трималося едно на другом. И того факта не треба было николи забывати русскому народу.

А мы видиме, што на протягу множества літ русский народ не преставаля вірити и надіятися на того, што в конце царь отбере от дворян землю, а отдаст ей крестянам-земледііцям. Из того видно, што народ русский не сознавал ясно фундаментальной основы самодержавия на Руси. Треба собі уявити то, што необходимым силом опоры для всякой власти являются богатство. Бідный не може владіти над богатым, а бідне правительство не может владіти над богатым народом, а головне богатство каждого народа заключатся в земли, особенно в тот час, коли головным народным промыслом являются земледііе.

Коли бы так в московского правительства не было бы на руках земли, то оно николи не могло бы статися "самодержавным", бо оно было бы біднійше от народа. Длятого власно, при старых "вічовых" порядках, русским князьям даже запрещено было привлечение земли в своим княжестві, штобы тым князи не усиляли своей власти над народом. Отже, по той же самой причині царске правительство, як долго оно остается самодержавным, оно николи по своей волі не звернет народу отняту от него землю, штобы не ослабити своей власти над ним. И власно потому самодержавне правительство не может отобрати землю от дворян, а передати ей крестянам, бо тогды оно лишило бы себе головной дворянской подпоры. Дворянство уж с давних часов была правдива подпора престола и самодержавной власти и зато цари, штобы удержувати и усиляти свою власть, роздавали землю дворянам и тым самым они подчиняли им робочий народ. И навет само царске правительство не скрывало той правды от народа. Оно навет приказувало губернаторам и священству постоянно голосити и повторяти крестянам в церквах: "Послідуйте совітам и руководству дворянства, и не вірте вздорным слухам о даровых прирізках (участках) земли".

Но, штобы выобразити собі и поняти правдиву сущность того, нам треба перше познакомитися с историом самодержавного русского государства.

ПОЧАТКИ КРІПАЦТВА НА РУСИ:

На самых початках, роздавание царями земель заселенных крестьянами дворянам, не означало ище прикріпления крестьян к той землі. Хотя крестьяне были безземельны, но покаль они были ище на полу-свободными людьми. Они могли ище тогда переходить от одного поміщика к другому, но где бы они пришли и на какой земли бы осіли, то они мусіли нести всякы повинности и были в зависимости от своего землевладельца. Значит, што свободными они были праві только (в теории, на око) по названию. Но, скоро была отнята им и та послідна на око видима свобода. Правдиве формальне закріпощение крестьян началось на казенных (государственных) царских землях. Там крестьяне з самого початку были звязаны впольном запоруком. Каждая волость (господарство) общества всіх государственных крестьян, должна была платити назначенный податок, и нести повинности за означену им землю вообщее (всі разом), за всіх их общом поруком. Если бы еден член ушел из их господарства, то всі остальные мусіли платити такой самый податок и нести всі повинности, як и перше. Дятого власно, самы государственный крестьяне змушены были затримувати своих сообщественников (прикріпляти их к землі) а отпускали их только тогда, коли они знашли за себе заступника. Так подобно и дворяне-поміщики потом захотіли утруднити свободный переход крестьян, штобы кріпче держати их в своих руках. Они начали добиватися полного закріпощения крестьян к землі. Ту треба спомнути, што для многих крестьян свободный переход от одного поміщика к другому, и без того был затрудненный их біднотом.

Безземельны крестьяне часто приходили до поміщика з голыми руками, без коня, без коровы и без всякого господарского снаряжения. Штобы начать господарку, они мусіли позычати у поміщика сімена и робочый скот, платити йому аренду за хижу и дворовы застройки. В виду того, они ставалися должниками, и не могли уйти от него, покаль не уплатили йому всего долга.

Дятого и свободный переход для поміщичьих крестьян из за бідноты и задолженности, скоро почти сам собом прекратился. Значит, што уж саме вывращение земли, отняло у крестьян их давну свободу.

Коли так прекратился свободный переход крестьян от одного поміщика к другому, то остался ище еден выход, а то перевод их с земли на землю самими поміщиками. Если сам крестьянин не мог оставити своего землевладельца, то за його согласием другой поміщик заплатил за него долги, мог перевезти його на свою землю. И так робили богатые землевладельцы. Коли им треба было робочих людей, то на весну або под осень они посылали своих приказчиков выкупляти чужих крестьян из долгов и переводити их на свою землю. У богатых поміщиков крестьянам было легче жити, и они радо соглашались на такы згоды.

Но в концом 16-го віка, при Ивані Грозном начали появлятися царскы указы, на початку о запрещении богатым поміщикам переманювати крестьян из казенных (царских) земель, а потом также и от меншых поміщиков, штобы не было убытка царской казни и службовым дворянам. То был ище еден крок до полного закріпощения крестьян.

Тепер крестьянин не мог освободитися от своего поміщика, навет при помочы богатого землевладельца, а поміщик перестал боятися, што крестьяне уйдут от него, хоц он буде их ище больше угнетати.

Крестьянам теперь оставалося только едно спасение, а то: бігство.

Коли крестьянам было дуже тяжко жити у дакотрого поміщика, то они переходили потайно на землю другого поміщика, и там скрывалися у него. Так як поміщикам треба было робочих рук, то многы из них принимали таких біженцев и помагали им укрыватися. По указу царя Федора из 1597 г. поміщик мог глядати такого біжавшого от него крестьянина только за 5 літ часу, а послі того како крестьянин переставал быти біженцем, и поміщик не мал больше на него права. Тот указ оставлял ище крестьянину, хоц лем невелику надію на спасение, треба было йому прожити 5 літ дагде в глухых лісах, и так выходил свободным.

Поміщики, конечно, глядали своих біглых должников, но по уплыві срока 5 літ, тратили на них свои права, дятого поміщики старались закрыти селянам отвор або проходну діру. Они зачали домагатися у царей такого права, штобы они могли безсрочно (завсе) глядати своих біглых крестьян и штобы крестьяне до конца своей жизни не могли освободитися от них.

Цари не давали на долго проситися, и скоро дали им на то свое согласие. За царя Михаила Романова, тот 5 літний срок для розыска (глядания) крестьян - біженцев был продолженный на 10 літ, а знов за царя Алексия Михайловича, указом 1645 г. был уже отстраненный всякий срок, значит, крестьяне окончательно были прикріплены к той землі, на котрой застал их тот указ. Они мусіли вічно жити на той землі и робити на своего землевладельца.

Так поміщики достигли своей ціли, што в конце обратили в вічне рабство первоначального свободного русского орача-господаря, того самого богатыря Миколушку Селяниновича, о котром співатся в старинной басні (легенді). С початку у богатыря отняли землю, потом його самого обезсиленного и збіднілого помалы прикріпостили к землі, покаль наконец не наложили на него сильну ціпь (кайданы), и не отдали його в полну власть дворянам и поміщикам. Така то ест правдива история давно кріпостного права в царской России.

ПОСЛІДСТВИЯ ОТ КРІПОСТНОГО ПРАВА

Што дальше діялося и як обходилися поміщики с тыми закріпощенными рабами, узнаме ище из нескольких, гдеяких слідующих приміров.

По мірі того, як у крестьян отнимали всі их права, возрастала над ними власть поміщиков так, што крестьяне все больше и больше перетворялися из людей на животну або рухому власность (просту худобу) своих господ.

За царя Михаила Романова вышел указ (закон), што коли поміщик не мог бы заплатити своего долга, то казна (госуд-банк) буде стягала його долг от крестьян того поміщика. Если бы поміщик убил чужого крестьянина, то властитель убитого мог взяти у него на замін ліпшого його крестьянина, с женом, дітми и всім його животным скотом. Из того видно, што крестьяне не уважались уж тогда як люде, але як движима річ.

Скоро потом, поміщики начали обмінюватися своими крестьяна-

ми, даровали их в приданое своим дочкам, передавати их из рук в руки по договорам. Так приміром в 1632 г. при том же царі М. Р. поміщица, вдова Лукерия Куломзина передала своему пасербу своих крестьян: Мишку Минина, Шумилку Семенова и Ларка Евстатиева с женами, дітми и всіми их животными. А в одной записи по угоді между двома тогдешними поміщиками сказано так: “да он же Роман уступил мні Ивану Ивашкину крестьянина Федьку, прозвище Чукан с женом, дітми и животы”. Знов в другой записи: “Се аз Иван Осипов, сын Сазонов в сем 1675 г. дал затью своему Луки Юрьеву, за дочерью своею Пелагиею в приданное, свою вотчинную крестьянку вдову Агафию Викулину с дітми ей: Кузькою, Карпиком, Остапкою, Тихоном, да с дочерми, дівками Дарицею, да Матрешкою”.

А подобных приміров из тех записок осталось безконечне множество.

При царі знов Алексею Михайловичу, был навет изданный особый указ, о дозволеніи поміщикам продавати своих крестьян без земли на свои (ярмарок) в роді рабочей скотины. А с тем разом, поміщики присвоили собі право тілесного наказания, т. е. бити крестьян розгами и батогами. До полного закріпощения того еще не было, тогда поміщик мог за кару забрати у крестьянина даякий данный йому участок земли, мог наложить на него даякий штраф, но бити його не мал права.

Теперь поміщики в своих приказах писали так: “А кои (котры) крестьяне учнут не слушатся, их надо имать и веліт их бить нещадно батогами на сходи перед людьми”. И так разпространился на всей Руси тот оскорбительный, страшный обычай тілесного наказания крестьян, што взрослых, а часто и старых обнаженных людей били, як и где по-пало.

Отже, теперь мы знаме, што такое позорне діло началось на Руси разом с кріпачьим правом, коли то цари со своим дворянством обернули крестьян во свою робочую скотину.

Коли же на Руси завелось уж кріпачье право, то разом с тем ише больше участились побігы крестьян, бо крестьяне все такой оставались людьми и не хотіли терпіти такого унижения. Зато, они помимо желаний царя и дворян, часто убігали от своих господ, при чом нерідко падали их дворцы и убивали своих господ. Длятого то царь Алексей Михайлович выдал особый указ в 1658 г., штобы таких біглецов ловити, а потом вшати або казнити их смертью.

Но, не помог и тот царский указ, бо крестьяне и дальше глядали спасения в бігстві от своего тяжкого житья. Многие уходили в степы, на Дон и на Волгу, где они разбойничали або приставали к козачеству. Нам знана история, што в 1669 г. донскы козаки и біглы крестьяне подняли бунт против поміщиков и под проводом Степана Разина вырұшыли на Москву. Они потерпіли неудачу и были побиты царским войском. Сам Степан Разин был роздертый на чєтыри части, а множество тех воставших крестьян были перевішаны або посіканы до смерти.

Так при царі Алексею Михайловичу было установлено полне право кріпостне в России, а с тем окончательно был закріпленный союз между самодержавным царским правительством и дворянством.

УПРАВЛЕНИЕ ЦАРСКО-ДВОРЯНСКОГО СОЮЗА.

Теперь переглянеме коротко, як дальше управляли тоты союзники “Цари и дворяне”.

Тогда по всей Руси было уж заведено рабство, а где ест рабство, там ест темнота и невіжество, бо лем свободный народ може мати доступ до просвіты и образования. Саме рабство держится головно в невіжестві и браку просвіщения в народі.

Нам відомо теперь, што русский народ пережыл долге в рабстві под властью татар, а потом московских царей, зато ніт дива, што он оставался в полном невіжестві. Тогда, навет самы его управители и духовны руководители были мало учены, або навет и совсім безграмотны. Літописец говорит, што великий князь Димитрий Донский “не был хорошо изучен по книгам”. А великий князь Василий Темный не уміл даже читати.

Ише при старых московских порядках русскы цари мусіли призывати к собі на службу многих чужестранных офицеров, майстров и лікарей. Чужоземцы жили на предмістїю Москвы, званом Німецка Слобода. Царь Петр, ише з малолітства был дуже любопытным хлопцем, он познакомился с гдєякими майстрами из Німецкой Слободы и часто заходил, головно к швайцару Лейфорту. Ст него Петр узнал много о чужых краях, и виділ на власны очы, што чужинцы во многих ділах понимали больше от русских. Он выросал не в дворцовых стінах, где не было доступа свіжой мысли, а на полной свободі, где получил не царске, а свободне воспитание, а зато он больше, як други цари походил на обыкновенного человека, а не дворцового идола. Он жил з матерю в подмосковском селі, в дали от бояр и духовенства. Там он собрал своего возраста дітей из небогатых дворян, составил из них полкы и при помощи тех полков, он потом отнял власть от своей старшей сестры, запер ей в монастырі, а сам стал управляти государством. Петр был от природы человек большого розума. Коли он понял, чого не доставало русскому государству, он не щадил ни себе, ни других, штобы все перестроити по новому.

Но, Петр был наиперше царь, и зато думал лем о своей царской пользі. Йому треба было сділати сильным свое государство, и мати надост грошей в своей казни, а до народа было йому мало діла. Он любил Россию так, як поміщик любит свое хозяйство, — други цари смотріли на Россию, як на свою мачоху, а на народ як на своих кріпостных рабов. Таки подобно были и близкы совітники перших московских царей, што гдєкотры не знали навет свое имя подписати.

Не ліпше было діло в грамотности духовенства, в селах по церквах священники проповідей не говорили, а церковна служба состояла в кадилі перед иконами и пінія для народа непонятных церковных стихов. Русскы люде дуже мало розуміли свою віру, навет молитвы не знали, а все діло заключалось для них в иконах и обрядах. Они знали лем, што они русскы и православны, но никто из них не мог бы объяснить, во што он вірит. Така то была тогда на Руси церковна віра. Во всім треба было поступати по старині; “всім страстям мати мніние (мысль), а ум — то самый злый враг человека”, так говорили духовны руководители народу.

И царске правительство старалось тримати народ в темноті, зато

не пушало своих подданных за границу в чужой край, чтобы они не видели обычай чужих стран и чтобы там дачого не научились. При таких порядках русское государство было долгий час отгороджено как бы каменном стіном, от всего остального мира. По той же самой причині и весь народ был бідный и вся держава разорена. Не было в державі ни фабрик, ни заводов, ни ремесельников, а от того был брак доходов и прибыли. А то як добре оружие, порох, пушки и всьо треба было куповати в чужих странах.

И так хотячы, нехотячы уж попередны цари начали думать, штобы розстатися со старином и допустити хоц лем немного світла и науки, основати высшы школы, начати печатати світскы книжки и переняти дашто от иностранцев. Но головным преобразителем русского государства был царь Петр Первый, названный зато Великим. "Не отчизна для крестьян, а крестьяне для отчизны, не царь для народа, а народ для царя" — так смотріл на государство и Петр.

Войско потребне царям найперше. Войско царей московских того часу складалося из козаков, из стрільцов и из дворянского узброяния. Петр не довірял вірности свободолюбивых козаков, котры выбрали своих отаманов, ани также и стрілецким полкам, якы также выбрали свою старшину. Дятого он задумал установити в себе постоянное войско, яке уж было тогда во всіх иностранных державах. При таком устройстві набирают рекрутов не из дворян, а из всего народа, забирают их далеко от своего родного міста, и тримают их надолго в казармах в строгой дисциплині, под начальством офицеров из дворян.

Там под постоянным надзором и в постоянном страхе рекруты скоро обращаются в военну машину. Они стаются сліпым орудием в руках начальства. Крестьяне теперь мусіли нести аж тройну повинность — давати рекрутов, платити податок для офицеров, и кріпостну як и перше.

Устроившы так войско, Петр задумал разширити свои владения, и пробитися к морскому берегу. Береги Чорного Моря заняты были крымскими татарами, под владінем турецкого султана, а береги Балтийского Моря — Шведами. Зато в Россию тогда не было простого доступа многым заграничным товарам, а русскы товары знов мусіли платити великы пограничны цла и оплаты.

Петру треба было грошей на удержание своей армии зато начал пробивати собі дорогу к морю, и долго воювал с Турками и со Шведами, за потребны йому морскы береги. Для осягнення той ціли он не щадил никого и ничего. Он набрал рекрутов для войны и многы тысячи людей на казенны работы для будовы морских пристаней и кораблей и пр. так, што больша часть населения находилася на военной службі, або на казенных работах, а остальны мусіли платити подвойны и потройны податки.

На конец, послі победы над Шведами в 1703 г., на берегу Балтийского Моря у устья ріки Нева, Петр начал строити новый город "Петроград". Постройка города стояла много гроша, но и множество людских жертв. Около двасти тысяч людей было взято на постройку, из котрых мало кто вернулся домой, они перемерли там от болізей або переутомления в работі. Но Петр не жаліл людей, подобно як он не жаліл и себе самого. На народ он смотріл тоже по старому, як на природ-

женных царских рабов. Но зато старался он за дворянами, он выдавал тогда дуже важный закон, што всі помістны землі были отданы дворянам на вічну власность.

Дальше потом, о пару десят літ послі Петра, цари освободили дворянство от несения военной службы, а тот обовязок возложили зас на плечы крестьянства. Так, хотяй Петр своим переустройством новых порядков зробил много для поширения и разбудовы своей державы, но для улегчения житья простого народа, он не зробил ничего доброго. Його воеводы и начальство по прежньому грабили, мучили, разоряли и продавали простый народ, як скотину. Зато и в народі росли сильны раздражнення против Петра, што доводило не раз до кровавых бунтов, якы Петр своими войсками жестоко усмирял и устреблял.

Правда только, едно нововведение Петра, што помимо воли самого царя, вышло потом на велику пользу простого рабочего народа, а то было заведение науки, яка проникла в Россию при Петрі. Петр и науку вводил, але только для своей личной потребности и державной пользы. Йому потребны были ученые люди, як майстры, военны офицеры и прочы, зато он посылал молодых дворян учитися в чужы державы, спроваждал к собі на службу ученых людей из заграницы и заводил в России середны и высшы школы для дворян. Початок к тому дал ище Його отец.

Но наука служит всім, а не только царям. Наука, так як солнце, світит всім одинаково и разгонят народну темноту, и помагат народу видіти всьо, навет и то, што стараются правители скрыти от очей простого народа. Так и царь Петро потом ради потребности науки, он сам прорубал широке окно (выгляд) в Европу, через котре начало пробиватися світло в темне русское царство. Из того часу знов правительство мусіло поборювати науку всякими способами, штобы скривати правду от простонародья.

Петро, названный Великим, подорвавши свое здоровья умер предвчасно в 1725 р. на 53-ом року своего житья, не оставившы завіщания.

Послі Петра Великого на престол засіла Його друга жена Екатерина Перва. Она была царицом только по имени, но заболіла и скоро потом через два roky померла в 1727 р.

Послі Катерины I. на престол возведенный был малолітний родственник Петро II. Был то роспущенный, лінивый до науки и ничтожный хлопец. Головным дорадником был Його тесть князь Меншиков, но молодой царь не любил Його, и так скоро Меншиков был усуненый с должностей и высланный в город Березов на Сибирі. Тогда и Меншикова отобрано было 90 тысяч душ кріпостных крестьян, 30 миллионов рублей и больше 200 пудов золотого и сребряного начиня (посуды).

Но скоро потом молодой царь простудился на полюванію, заболіл оспом и помер в 1730 р. Потому на царский престол была призвана и посажена вдова Анна Ивановна. Она была малограмотна и необразована женщина и сама не могла управлять государством. Была она легкомысленна, любила только роскошы и пышны праздненства. При цариці Анні Ивановні был ей любовник Бирон (бывший конюх), котрого она привезла из Курландии. Был то человек жестокий и царица подчинялася Його волі. Он робил все што захотіл, а русскы вельможы

должны были повиноватися, инакше им грозила казнь. Всі головны должности занимали тогды німцы. Так она процарствовала 10 літ, а перед смертю назначила на престол новорожденного сына своей сестры Ивана Антоновича, котрого объявлено было престолонаслідником. Но скоро потом на царский престол засіла його мати Анна Леопольдовна с Минихом во главі.

Тымчасом молодша донька Петра Вел. знала добрати к собі друзей из гвардейцев и с ними пошла в царский дворец, приказала арештовати Анну Леопольдовну, и так “Божией милостью” вошла на престол царица Елисавета Петровна. Она царствовала 20 літ, сама она мало занималася госудрственнымн ділами, любила веселу жизнь, балы, праздники, маскарады. Не была она учена, але и небыла глупа женщина, она дорожила мудрыми и досвідченными людьми. За час ей царствования велася война с Прусией, але во всім государстві были страшны безпорядки. Поміщики мучили крестьян, зато многы солдаты не верталися домой на Родину, многы крестьяне поднимали бунты, або біжали в лісы и ставали разбойниками.

За наслідника престола, она спровадила своего племянника из Гольштына, принца Карла Ульриха. Был он з роду полуумный выродок шут (паяц), пропытанный німецким духом ненависти к России. И теперь знов тот выродок “божий помазанник” послі смерти Елисаветы Петровны, был объявленный русским царем под именем Петра Третього. Он скоро отдал Фридриху завоюваны русскими войсками от Пруссков земли. Сам наділ на себе прусский мундур, и так в прусскы мундуры оділ свою гвардию, окружил себе німцами и объявил поход в Данию, воювати за Гольштинскы земли.

На счастье, ци несчастье России, царствование Петра III было прекрещено, його власном женом. Она была также німка, привезена из заграницы, то была принцесса София Августа Фридрика и перекрещена на Екатерину. Но Петр III возненавиділ свою жену, ище коли был только наслідником престола. Он переіхал до другого дворца зо своим любовницом, и заявил публично, што його жена дура, и што он запре ей в монастырь.

Но жена його София А. Ф. была далеко не глупа дура, а як раз была дуже мудра и хитра женщина. Видячи, што ей грозит опасность, она начала глядати собі помощников помеж придворными вельможами и среди гвардейских офицеров, чтобы Петра III звергнути из престола. В том ділі помогали ей головно братья князи Орловы. В часі коли гвардия готовилася к походу в Данию, Алексей Орлов и Василий Бабиков выіхали по Катерину до Петергофа и привезли ей до Петербурга. Там их войска уже замінили всі варты и заняли дворец. Был там уже архиепископ Веньямин, где приводил войска к новой присягі, а в Зимном дворці собралися члены синода, сенаторы, генералы и прочи, всі они ціловали крест на вірность Екатерині. И так “Божею милостью”, в Москві 1762 р. короновалася потом самодержавна всероссийска “Екатерина Вторая”.

С ей мужем Петром III, и другими “божими помазанниками”, она справилася также по “божескому провідинию”, они нечаянно умерали, або внезапно пропадали.

Екатерина II. подобно як и Петр Великий старалася укріпити

свою власть и могущество. Она начала войну с Турцией и забрала Крым, потом приобрела южны степы и подошла к самым берегам Чорного Моря, чого добивался ище Петр Вел. Но всі тоты земли досталися не народу, а были взяты в казну, а потом розданы дворянам и поміщикам.

Потом знов при розборі Польши, часть прилучена была к России, другы части забрала Австрия и Германия, при том она не только прилучила правый берег Дніпра з малорусским населением, но забрала для себе и польскы земли с коренным польским населением. Полякы много раз поднимали восстания за свою свободу, но завсе были кроваво усмирены силом русских царей.

Правдивой пользы от того не было ниякой, ни для народа, ни для русской державы вообще, а была только польза для тых знатных вельмож, котрым были розданы, одобрены от поляков помістья. Внутренне управление Екатерины II, звернене было только к тому, чтобы усилити дворянство, яко свою головну подпору. Жаден из русских царей и цариц, не зробил так много поблажек и уступок дворянам, и так много зла крестьянам, як зробила Катерина II.

За час своего царствования она роздала многим своим любимцам около 800 тысяч государственных крестьян, значит, тым она обернула их в кріпостных рабов.

Она завела кріпостне право во всей Малороссии (теперь Украині), где такого до того часу ище не было, бо крестьяне могли тогды ище переходити свободно от одного поміщика к другому, як то было перше и во всем московском государстві. Но Катерина на выгоду дворянству завела в Малороссии полне кріпостне право.

В указі 1792 р. она розрішила продавати кріпостных крестьян, як животну скотину за долги их поміщиков. Она дозволила поміщикам высылати своих кріпостных крестьян на каторжну роботу, без всякого слідства або суда. Наконец, она заборонила кріпостным крестьянам подавати жалобы або скаргы на своих поміщиков. Штобы не робили з ними поміщики, крестьяне не мали права навет жаловатися высшому начальству, за што подлежали наказанию кнутом и высылку на вічну каторжну роботу. Йі так поміщики пользовалися таким безграничным властью над крестьянами, творили што захотіли, накладали на них незмірны податкы, мучили их барщином и подвергали их невіроятным наказаниям.

Для приміра тут знов наведеме несколько указов из записок священника. В газетах часто печаталися такы объявления:

“Продается 30 літна дівка, и гнідая лошадь, их можна видіти у домі Губерн. Секретаря”, или “продается мужский портной (крavec), кухарь и вашманчик (сапожник-швец), тоже верховая лошадь и прочной работы коляска”.

“Всім извістно бывали случаи, што поміщики міняли сотню кріпостных людей за одну собаку, или за борзую суку отдавали цілую деревню с крестьянами.”

“Поміщик Ефимов веліл (казал) жені своего дворового выкармливать двух щенят своей грудью. Муж этой женщины не змог вынести такого издівательства и утопил барских щенят. Поміщик приказал жаривать ему ноги на раскаленных уголях”.

Можна бы написати цілу книгу о таких подобно невіроятных жестокостях, мучениях, а даже убийствах, які уходили безкарно поміщикам, за их знущання над своими кріпостными людьми. Таки то были на Руси порядки, за правления “Божией помазанницы” Екатерины Второй.

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ И НАРОДНЕ ПОВСТАНИЕ.

Штобы позбавитися от такого гнета и мук, крестьянам оставалось лем убіжати, або своя проста розправа. Многы крестьяне біжали в Польшу и други страны, штобы там скрытиса от царской правды и милости. Часами крестьяне мстилися и побивали своих угнетателей, зажигали их дворцы, а потом убігали. Из за таких жестоких угнетаний и недовольства, часто происходили во многих дворцах крестьянскы бунты по всіх губернях, аж на конец дошло до общего народного бунта або повстанія, яке называли Пугачевским бунтом.

Мы много слышали уж о том Пугачевском бунті, но ище спомнеме о нем коротко: Емилиян И. Пугачев, был донским козаком и много побывал на войнах. Потом он біжал на Кавказ и там скоро был избран атаманом, но в конце он як біглец был арестованный и посаженный в тюрьму. Йому удалось из тюрьмы убіжати в Польшу, но коли повернул, то знов попал в тюрьму, и так што 3 разы біжал из тюрьмы, а теперь он попал на Ураль. В тот час между козацтвом начались слухы, што Петро III жие (он же Божией милостью нечаяно умер) и што вмісто него убито другого, а не царя Петра III. Отже так Пугачев, под именем Петра III начал организовати недовольне козацтво и кріпостных крестьян в свою армию, штобы отомститися цариці Екатерині (його жені) и всім дворянам и поміщикам, за невірность царю.

Он в имени царя обіцял своим войскам землі и волю и всякы выгоды, а дворянам жестоке наказание и люту смерть. Он думал собрати большу армию и забрати Москву, войска тогды в Москві не было, бо война с Турциом не была окончена. Так по дорогі на Москву было много великих сражений с царскими войсками, где в большинстві он выходил побідоносно. Тото востание тревало близко два годы, так што Екатерина царица приказала заключити мир с Турциом, штобы войска ужити против Пугачева. Было то в 1774 г. — и тогды то в сражениях Пугачев потерпіл неудачу и поражение, много войска попало в плін, а сам Пугачев убіжал в Башкирию.

Он знова потом организовал свои полкы и много раз ище зражался с царскими войсками, но в конце он был розбитый. Около два тысячи його войска было убито, шість тысяч попало в плін, а сам Пугачев біжал за Волгу. Но тым разом його довірены помощники Чумаков, Творогов и други зрадили Пугачева и передали в руки царской власти. Пугачева розорвали коньми на четырі части, многих плінных крестьян казнили, а многы біжали тогды поза границы на всі стороны. Многы из тых біжали аж до Карпат и там в наших сторонах схоронилися по наших селах на Карпатской Руси. Мы уже читали давнійше в нашей газеті “К. Р.” замічання, а также свого часу в календарі Л. С. была история о том, што названия родин як: Духновичи, Гарберы, Москвы, Копыстанскы и други, по наших селах на Лемковині, то потомкы тых давно убіжавших крестьян, послі того Пугачевского бунта в царской России.

ЧЕРЕЗ ТУМАН НАЧАЛО ПРОСВІЩАТИ.

Спомнено было уже, што цари принужденны были открыти доступ науки в Россию для своих личных и правительственных потреб, а зато они мимо своей воли мусіли открывати высшы школы, посылати молодых людей за границу, и дозволити печатати учебны книги.

Так уже при Екатерині II начали появлятися учены люде в России, котры обращали науку на служение и на пользу всего народа.

Первыми такими людьми за Екатерины II были Н. И. Новиков и А. Н. Радищев.

Николай И. Новиков, родился в дворянской семье, учился в Московском Университеті, а потом поступил на войскову службу и будучи гвардейским офицером он читал книги и дополнял свое образование. Потом был приглашенный в Москву на службу секретаря в комиссии депутатов, где он познакомился с русскими законами, а также с грубостью и невіржеством высшего дворянства. Послі окончания той службы, он вышел в отставку и начал выдавати в саркастично - шутиливой формі газету “Жарт, сміх и правда”, в котрой он жартами и насмійшками осміювал русскы порядки и дворянскы самовольны выбрыкы. Особенно он нападал на кріпостне право. Така правда с очы дворян не любилася Екатерині и йому запрещено было издавати газету. Тогды он переіхал из Петрограда до Москвы, и там он завюл свою власну типографию, где начал печатати всякы полезны книги, головно переведены из чужестранных языков.

Його книги росходилися далеко и широко, и помагали просвіщению русского общества. При нем тогды собралися гдеякы честны и умны люде для помощи. Еден был сын богача Татищева, он отдал большу часть своего майна на помощь Новикову. Тогды Новиков и його друзья основали в Москві “Дружеске Общество”, с большим капиталом.

В имени того Общества основано высшу школу для подготовки народных учителей, и много подобных цілей поширения науки. За такы опасны для власти діла Новикова арестовано и засужено його “якобы в тайных замыслах”, но вмісто смертной казни, його заключено на 15 літ тюрьмы в кріпости, где просиділ он до самой смерти Екатерины. Новый царь Павел по вступлению на престол, приказал Новикова зараз освободити. Он помер в 1818 году.

Другым таким человеком, котрый не страхался смерти, и первый поднял свой голос в защиту крестьян и против кріпостного права, за царствования Екатерины был **Александр Ник. Радищев**. В молодости был он посланный правительством за границу для высшего образования. Там он увиділ много и много учился, но вернулся на родину проникнутый новыми мыслями. Он не мог оставатися спокойным и равнодушным зрітелем того, што водилося кругом, а головно не мог он стерпіти положения кріпостных крестьян, и так он написал книгу: “Путешествие из Петербурга в Москву”, в котрой он описал всі бідствия и несчастья русских земледільцев.

А. Н. Радищев писал свою книгу за четырі годы, а потом он заложил свою типографию. Он сам книгу отпечатал и начал ей широко распространяти. Не было тогды ище цензуры и книга Радищева не была затримана при самом ей выході и она скоро росходилася между на-

родом, бо в ней первый раз была открыто высказана правда. Коли уж поздніше книга Радыщева попала в руки Екатерины, то она от страху и гніву не могла придти до себе, и она от злости заплакала.

Радыщева скоро схватили, посадили в кріпость и осудили його на смертну казнь. Але царица не рішилася казнити його смертю, а по своему “милосердию” выслала його навѣки в Сибирь, где он прожил до смерти Екатерины. Книгу одобрено от всіх у кого ей знашли и предано созжению (спалению). В России книга Р. была запрещена, але она была перепечатана за границей в 1849 году.

Таким образом мимо воли и недовольства властей, постепенно пробивалась и росла наука и просвѣщение в царской России.

Наконец, в 1796 г. Екатерина II умерла от удара, она лежала безомовна и нерухома. Тогда на престол вступил ей сын Павел. Был то человек строгий и вспыльчивый, але часом добрый и справедливый. В нем накопилось много злобы против Екатерины и высшего дворянства, зато он начал рвати все и перестроювати по своему. Павел начал теперь мститися на дворянствѣ и многих любовниках Екатерины и за убийство його отца Петра III. И на все дворянство начались гонения, многи вельможи дворяне были изгнаны из Петербурга, а с крестьянами он обращался так, як правдивый потомок давних московских князей. Он освободил из тюрьмы Новикова и вернул из выгнания Радыщева. Поміщикам он запретил тілесне наказание, заказал им требование работы в недѣли, або больше трех дней работы на барщинѣ, а также наказал прекратить гонения на духоборов - старообрядцев.

Павел не терпѣл наименьшего противоречия своей царской власти и на крестьян смотрѣл, як на ничтожных черваков, але от його бѣшенного характера терпѣли приближенны к нему дворяне и вельможи. Они, чтобы позбавитися от вѣчного страха и трепета, составили заговор убить царя. Заговорщики хитрым обманом перебрали царскую охрану в свои руки и вечером 1801 г. Павел был задушенный в своем дворцѣ. Потом было объявлено, што государь Павел кончался от удара на сердце. И так через труп убитого отца по “Провидинию и волѣ Божой”, был коронованый його сын Александр I.

Александр I занял престол с добрыми намерениями. Його учителем был умный человек Швайцар из свободной страны и йому удалось зашептити в сознание ученика отвращение к рабству и самовластию. С початку он намірял откатитися от престола, але потом видячи, яке зло творит России царске самовластие, он задумал принять царскую власть с тым наміром, што он созвет Земский Собор и передаст йому управление государством. Он намірял найперше освободити крестьян, а потом отречися от “самовластия”.

Но от його замыслов до правдивых діл было далеко. Послі придворных совѣтников он надумавшися, придумал “Государственный Совѣт”. Такой совѣт обсуждат законы и подае свое мнѣние о них, а царь по своему желанию, подтвердит, або нѣт. Но головна ріжница в том, што члены совѣта не выбираютя народом, а назначаются самым царем из одного только высшего класса, князей, графов и бывших намістников (губернаторов). Отже самопонятно, што от такого “Совѣта” порядкы не измѣнились, и все осталось по старому.

То же само вышло и с кріпостным правом, бо при обсуждению ді-

ла оказалось, што освобождение крестьян значило обидѣти (образити) дворян, на котрых опералася царская власть. И так кріпостне право осталось в полной його силѣ, с измѣнением только, што поміщик по своей доброй волѣ, на особых условиях мог отпустить крестьянам землю в аренду, от котрой должны были платити наложенный податок. Александр I намірялся запретити также продажу кріпостных рабов, но потом царь скоро забыл, а навет и не знал, же в России существуют ище такы законы.

НАШЕСТВИЕ ФРАНЦУЗОВ НА РУСЬ В 1812 Г.

Штобы ліпше поняти, што дальше творилося в России, як и по-чому, то треба нам коротко узнати, што творилося перед тым во Франции, и длячого Россия вела войну с Францией.

Ище в 1789 г. во Франции стался переворот и настала революция. До того часу во Франции, подобно як и в России была самодержавная власть короля, французскы крестьяне были обтяжены всякими повинностями и платили неzmірны податкы. Вся власть была в руках дворянства и государство было в страшном беспорядку. Король марнѣл безумны суммы грошей на роскошное житье в своем дворѣ, а дворяне розкрадали казну, так што довели державу до банкротства. Тогда король Людовик XVI казал скликати Всенародне Собрание депутатов, штобы придумати новы налоги.

Но депутаты от народа рішили, што діло так дальше не може ийти, а треба найперше ограничити королевскую власть, треба обуздать дворянство и устроить так, штобы государственное правление выдавало на расходы только за согласие народных депутатов, а также штобы всі законы обсуждались в Народном Собрании. Король не думал откатитися от самодержавной власти, он розогнал народных депутатов, а самых передовых посадил в тюрьму и начал стягати свои войска к Парижу.

Тогда во всей странѣ начались волнения и найперше вспыхло в Парижѣ. Всѣ рабочы толпы направились к арсеналу, забрали все оружие и приступом забрали Бастилию (головна тюрьма), и с того началась революция.

Узнавши о том измучены селяне поднялись всі по всей Франции, заберали вилы, косы и сокыры, выгнали поміщиков, запалювали дворы, нищили стары дворянскы грамоты и заберали их землю. При таком обще-народном возстании и самы королевскы войска не хотѣли стрѣляти до народа, и начали переходити на його сторону.

Король увидѣл, што не може сопротивлятися и рішил уступить. Он явился на народное собрание и дал присягу новому уложению, по котрому власть короля была ограничена вольом народа. Так было уничтожено самодержавие во Франции.

Но сам король Людовик XVI и окружавшы его дворяне надѣялись ище на помощь других самодержавных государей. Они затаили тайны уговоры и призывали чужестранцев ийти войном на Францию. И так по тайному соглашению, он король Людовик XVI хотѣл бѣжати на сторону немецкого войска, котре стягалося уж до границ Франции. Но план не удался, его познали в дорогѣ, там его арештовали и под стражом привезли до Парижа. Там гдекотры депутаты требовали, штобы короля лишити престола и судити як зрадника, але большинством рішили да-

рувати провину и на дальше признавати его главом государства. Так он знов на народном собрании дал торжественне обещание не нарушати нового государственного порядка.

Но давши присягу, король Л. и на тот раз не дотримал своего обещания, и потайно мал сношения с немецкими государями, так што австрийский император и прусский король пошли войном на Францию. Они разоряли краину, забирали крепости и подходили к Парижу.

В такой опасности вся Франция поднялася на ноги и весь французский народ взялся за оружие. Разом с тем по всей Франции вспыхнуло негодование против короля, што он на свой народ и на свою страну призвал чужеземны войска. Тогда сами парижскы граждане ворвались во дворец, свергли короля Людовика с престола и перевезли его и его семью в городскую тюрьму. При обысках во дворце, они нашли тайну переписку и договоры короля с немецкими государями.

Его измена была теперь для всіх обнаружена. Через даякий час назначенный суд из Всенародного Собрания, за зраду и измену своей стране приговорил его к смертной казни. И так в 1793 году, французскому королю Людовику XVI, всенародно на площади отрубали голову.

Таке небывале и безпримірне событие, ище больше перестрашило и зблизило между собою самодержавных правителей. Тогда они заключили между собою "Военный Союз", штобы разом покарать французов и примусити их знова завести у себе самодержавну власть. До того военного союза присоединилася Екатерина II и послала свои войска на помощь немцам против французов. Так началась война России с Францией, она продолжалася при Павле и тяглася ище при Александре I, бо хотіли покорити свободолюбиву Францию. Но народ защищавший свободу был непобедимый, и не только выгнал чужинцев из своей страны, но и сам потом начал наступления на чужие земли.

В завоюемых ими странах, они звергали самодержавных правителей и дозволяли народу установить у себе свободное правительство. Так они тогда освобождали подъяремны народы.

Но такы продолжительны войны принесли также и шкodu самым французам. У них вызначилося много знаменитых полководцев и ними овладел воинственный дух, який завсе небеспечный ест для свободы, бо через незмірну власть полководцев усилюется самовластие. Так сталося и во Франции.

Тогда прославился знаменитый полководец, генерал Наполеон Бонапарте. Он одержал много побед и его войско готове было идти за ним в огонь и воду. У Бонапарте от того закружилася голова, и он объявил себе французским императором и задумал завоювати цілый світ. Он завоювал уж близко всю Европу, и всадишь назначал на престол своих родственников. Наконец он объявил войну России. Наполеон собрал огромну армию войска, прилучил ку собі всіх подручных королей, и так в июне 1812 г. перекрочил он русскую границу.

В России тогда было объявлено всенародное вооружение для сопротивления и отбоя вражеских сил. После нескольких битв и кровопролитного боя, он взял Смоленск и начал быстро посуватися до Москвы. Русскы войска под проводом полк. Кутузова отступали и избегали сражений. Кутузов по плану завлікал Наполеона в глубь России. Аж под Бородиным в близи Можайска Кутузов подпорядковал свое войско и

принял бой. Было то кровопролитие сражение, где в бою погубило около осемдесят тысяч убитыми с обеих сторон. Но победы не было, и Кутузов отступал дальше и отдал французам Москву.

Москва была опущена жителями, она была опустошена от състных припасов, а к тому начался в Москве великий пожар. До того на беду Наполеона настала суровая русская зима, а французская армия была лихо одита, без провианту стояла там бездельно. Наполеон видячи свою ошибку, што зашел задалеко в глубь России, где не мог подвезти военных и състных припасов, он приказал своему войску отступить, а сам он вернулся до Парижа. За ним потяглася его огромная голодная и лихо одита армия. Много из них потопились в реке Березині, но большая часть той армии погибла от голода и холода, и перебита русскими отрядами.

Так остатки победоносной армии Наполеона перешли назад русскую границу, но за ними последовала за границу и русская армия з Александром I во главе. Теперь он пошел освобождать завоюваны Наполеоном немецкы государства. Наполеон ище долго боролся з союзными войсками: России, Пруссии и Англии, но в конце вычерпались силы Франции. Коли союзники забрали Париж, Наполеон попал в их руки, он отказался от престола и был потом высланный на остров.

Так знов на месте казненного короля Людовика XVI на престол поставили его брата, лем же ограничили его власть, созданием при нем "Палату Выборных Депутатов".

УСИЛИЯ УБИТИ В НАРОДЕ МЫСЛИ СВОБОДНОГО ДУХА, ЧЕРЕЗ КОНТРОЛЬ И ЦЕНЗУРУ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Война с Францией мала двойное значение для России, она зробила большу перемену во многих русских офицерах, а навет и в солдатах побывавших за границом. Но сам Александр I вернулся в Россию з мыслями укріпити самодержавну власть. После войны с Францией, всі европейскы государи собрались в Відню и там заключили свой новый "Священный Союз", штобы взаимно помогати собі удержовати самодержавие не лем у себе дома, але и в чужих державах. В такой ціли они посылали свое войско в чужие державы там, где народ бунтовался против своих королей.

Приміром, коли в 1820 г. вспыхнуло народное повстание, то войска посланы были в Италию, а потом и в Испанию. Так само подобно, як в 1848 р., коли было повстание Кошута в Венгрии, то русскы войска, які переходили через земли нашей Карпатской Руси, то они ишли усмирят бунт против короля и укріпляти там самодержавие.

Но головная забота або старунок коронованных союзников был, штобы выкоренити из народа "свободный дух" в своих державах. Для достижения такой ціли они уважали, найперше церковну віру, яка учила сліпому и безусловному повиновению всякого начальства, а потом цензуру на печатание книг.

С того часу началось в России фальшивое церковное благочестие, людей нагоняли в церковь соблюдать обряды и проч. Всі низшы и высшы школы были отданы под надзор духовенства, штобы там не проникла наука або мысли "свободного духа". Таким способом правительство старалось задержати народное просвещение, и тогда была установлена также строга цензура на печатание книг. Ни одна книга не могла быти напечатана без дозвола цензора, штобы гдеяка свободная мысль

в ней не выкралась на свободу. Мы знаме як строго Катерина II покара-ла Новикова и Радыщева, но тогда не было ище цензурного права и каждый богатший человек мог купить або завести у себе печатню-типо-графию. А теперь свободны книги можна было печатати только в тай-ных ище типографиях, або за границей и так потайно привезти до Рос-сии.

Но кроме таких предприятых мир запрета свободной мысли и слова, и кроме строгой цензуры на печатание полезных для народа книг, было ище важне средство, а то "послушне войско" для поддерж-ки царской власти. Армия - войско потребне ест не так для защиты державы от чужого врага, як для внутренней охораны державной влас-ти, против своего власного народа. Штобы мати "послушне войско", Александр I завел в Армии строго и жестоку дисциплину. В солдате треба было заглушити розсудок и совість страхом, штобы вояк трепетал и боялся начальства за свою власну смерть, а тогда вояк забывает за все што ест, он готов ест убивати навет своих родных. Для такой дисциплины при войску учат, бьют и муштруют вояков в великой стро-гости, за всякы ничтожны провинны, а навет часто и без всякой вины жестоко карают, а часто и до смерти убивают. В таких солдатах пропа-дал розсудок, совість, жалость и чувство, и солдат тогда на приказ на-чальника готов был убивати навет своего родного брата.

"СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ", ТАЙНА ОРГАНИЗАЦИЯ "СОЮЗ ДЕКАБРИСТОВ"

Спомнено было, што послі войны, из заграницы многы русскы офицеры вернулись на Родину с новыми мыслями. Послі того, што они виділи в чужих свободных сторонах, им было тяжко смотріти на русску жизнь з ей кріпостным правом, побоями крестьян, плачем и стогами кругом.

Они сознали, што на Александра I не можна было больше надія-ться, што его обіцанкы оказались пустыми словами.

И так в 1816 г. в России, среди высших офицеров повсталое тайное общество назване "Союз Благоденства". Члены того общества по уста-ву, должны были трудитися для блага России. Каждый из них должен был вступити на службу и заняти даке важне місто так, штобы с ча-сом всі высшы должности в управлению были в руках членов того тай-ного общества. Наконец было установлено, што если царь Александр I не даст нияких прав народу, то в таком случаю не треба присягати его насліднику, не ограничившы его самодержавия.

Главными членами того общества были: полковник Пестель, четыри братья Муравьевы, оден из них полковник, два подполковники и оден капитан, потом полк. князь Трубецкой, ген. князь Волконский, ген. Фонвизин, полк. Давидов, поручн. Рылиев и много других. Всіх ра-зом в тайном обществі было: три генералы, 28 полковных або баталион-ных командиров и 78 низших офицеров, а между ними были также и невоенны, як князь Одоевский, служивший в государственном Советі, Николай Тургенев и други.

За 10 літ своего существования, члены тайного общества зділали много добра, они закладывали школы в селах, защищали обиженных, вы-водили из употребления тілесны наказания, гдекотры из них уничто-жили барщину (панщину) и старались освободити своих крестьян.

В армейских (войсковых) полках где командовали члены обще-ства, скасовали всякы давны наказания (кары) розгами або палками. Одним словом, всі члены свято исполняли взятые на себе обязательство трудитися для блага России.

Но сама головна и важна ціль того общества была, штобы измі-нити государственный порядок в России, ограничити самодержавие и освободити крестьянство.

Они ждали только подходящего случая, штобы начати діло. Они раховали на то, што многы из них командовали полками и войсковыми отділами, в котрых солдаты их любили и готовы были ийти за ними.

По приміру, из бывших уже запутанных царских переворотов в России, они надіялись при помощи преданных им полков забрати правительство в свои руки, заставить царя отказатися самодержавия, а потом созвати "Земский Собор".

Главны их военны силы были в южной Армии, а то в киевской и каменец-подольской, губернии, где командовал вятским полком сам полк. Пестель, а также другими полками командовали и други члены тайного общества. В означенный час они должны были ийти в Петер-бург, там злучитися с членами сіверного общества и разом овладіти дворцом. Але и там между ними нашлись четыри зрадлики, и каж-дый из них послал от себе донос Александру I. Царь в тот час находил-ся в Таганрогі, но там он скоро заболіл и умер в ноябрі 1825 г. Не зро-бившы жадных распоряжений. По его смерти между записками найде-ный был донос на Пестеля и его приказано было арештовати. Из браку царского распоряжения о насліднику, бо дітей у него не было, powsta-ло замішание и за три неділи никто не знал, котрый из его братьев бу-де наслідником престола Константин або Николай.

Нагла смерть Александра I. заскочила членов общества несподі-вано. У них не было часу составити обіщий план для захвата дворца, а знов по причині доносов, рішили начинати діло зараз, хотяй не были належито приготовлены. Они знали уж, што их головный руководитель полк. Пестель был арештованный, а хотячи теперь замішательство выу-жыти для своей пользы, члены тайного общества в Петербургі, хоц они не были ище готовы, но и так рішили дійствовать.

На 14-го декабря 1825 г. была назначена в Петербургі нова при-сяга Николаю. Тот день замыслители выбрали привести свои лояльны войска на Сенатску Площадь, и коли удастся, то завладіти дворцом. На данный приказ привести войска до присяги Николаю, — праві весь московский гвардейский полк отказался от присяги, и вышел на се-натску площадь. К нему присоединились всі гвардейскы матросы, и где-котры роты иного полка, так што на площади стояло около два тысяч солдат.

По другой стороні зимного дворца, воколо Николая собрались вірны генералы со своими солдатами. Жадна сторона не начинала атаку, тогда на приказ Николая пушена была в атаку кавалерия. Три разы кавалерия начинала атаку, но завсе была отбита. Тогда Николай при-казал высунити вперед пушки (легкы каноны) и на приказ "стрілять", запальщик солдат не запалил пушку. Тогда сам офицер запалил пуш-кы. Роздались стрілы и в рядах повстанцев повалилися убиты. Не змогли они устояти против пушок и начали отступати.

Побіда оказалась на стороні Николая. Зараз після того повстання почалися арести по всей России, найперше були арештовані головні члени тайного общества, а так і всі другі члени, около 500 людей. Слідство продовжалося шість місяців. Всі вони трималися бодро і безстрашно, на слідстві всі брали вину на себе і нікого не виявляли.

П'ятеро из них були засуджені на смерть, 88 чоловік заслані на каторжні роботи, а 24 на Сибір.

Засуджені на смерть були повішені, вони йшли бодро і спокійно спостерігали смерті в очі. А Сергей Муравьев прикинувся і голосно сказав: "Боже спаси Россию и царя". Он молился так, як Христос молився на хресті за ворогів своїх.

Такі були уже тогди учені люди свого часу. Не була то лемка вельмож, але многи сотки людей, котрі виступили з благородними замислами, щоб освободити кріпачество и передати власть в руки самого народа, Великого Земского Собора.

Вість о них розійшлася по всей России, и они то власно заронили сімена будущей свободы в России. И так коїчилося встання в Декабрі 1825 года, от чого тайне общество назване было потом "Декабристами." В слід за ними пошли знов нові люди на тяжку боротьбу за людську свободу и народне щасття. Гдекотрі из них пережили Николая I, и дожили ище до нового царствования, коли то руске самодержавие мусіло частично освободити кріпачів от кріпачьей невольничьей зависимости. Новый русский царь Александр II, в 1861 г. утвердил законом требование освобождения кріпачів от кріпачьего права и дворянской зависимости, за котре его отец загонял кріпачів в тюрьму або на каторжні роботи. За ним в 1881 г. занял престол его сын Александр III, а так потом в 1894 г. последний царь Николай II.

Но помимо знесення кріпачьего права, там и дальше продолжалось угнетение простого народа, а от того росло и поширялось негодование в народі против властей.

И так назагал коротко в принципі ми виділи як змінювалися умні и полу-умні, добрі, лихі и злі цари, но порядки оставались тоті самі, а кріпачество завсе стоїгало в кріпачьей рабстві. Але начата боротьба "Декабристов" не отставала на місці, народне сознание розвивалося дальше и свободный дух проникал в душу народного життя так, што с часом довелося найперше до возстання в армии, а потом всеобщей народной и социалистической революции 1917 года.

КАРПАТСКА РУСЬ И ЛЕМКИ КАРПАТОРУСИНЫ

ЧАСТЬ II.

В давну ище старину, на початках основы русской державы на Моравии повстало перше славянско-русске княжество, котре сягало гет далеко аж поза Краков в западных Карпатах. Там на Мораву пришли греческие миссионеры, проповідники восточной христианской віры, св. Кирил и Методий и там они створили и завели старославянську руску азбуку и письмо, названу кирилицю. В тоті часы западні Карпаты заселяло славянско - руске племя Білохорваты, котрі в більшості потом переселилися на Балканы и там засновали свою державу.

И на тех самых землях, там кругом Карпат образовалось потом велике Галицко - Русске Княжество, яке включало Галичину и Буковину, значит Закарпатску и Подкарпатску Русь, и другі землі. Отже Карпатска Русь, то территория давно великого Галицко - Русского Княжества вздовж и кругом пасма Карпатских гор.

Послі переселения уже на восток русских племен, из оставшихся в Карпатах тубильцев, розрослися и повстали нові племенные группы, названы тепер: Лемки, Бойки, Гуцулы и т. п. И так лемки - русины, то потомки білохорватів, котрі в глибоку старину выкорчили лісы в запад. Карпатах и творили там своеобразну карпаторусскую культуру, яку по ним одідичили их потомки, званы тепер лемки - русины заселяючи Бескиды, по обоим склонам западных Карпатских гор, т. е. Лемковина и Пряшевщина.

Лемки - русины, то назагал честный, богобойный, добродушный и трудолюбивый народ. Жил он собі мирно и в згоді з сусідами славянских народов, поляков, чехословаков, но и своих племенне - русских братьев, тепер украинцев и других неславянских народов, то ест венгров.

Там на Бескидах в Карпатах лемки жили спокійно, управляли свою землю, будовали свои села, міста, церкви, школы, творили и розвивали своеобразну характеристичну народну культуру. И так лемки карпаторусины терпеливо пережили много сот-літню неволю и гнет национального и социального насилия, аж до I Світовой Войны.

Тогди то весь карпаторусский народ, а головно лемки - русины пострадали народно и политично и пережили страшну трагедию "Талергофа", от народной зрады украинских наци-самостийников на услугах у німцев. Там в Талергофі, Терезині и многих инших таборах смерти были выгублены многи тысячи наилучших сынов русского народа.

То была наравду несчастна трагедия для лемковского народа, яка скоро потом показала в браку доброго и честного руководства на початках народного движения за освобождение Карпатской Руси из чуженародной неволи.

Ского потом знов, в часі II Світовой Войны лемки карпаторусины также громадно причинились для побіды над німецьким фашизмом. Лемки принимали участь в боротьбі и за весь час войны партизанили по обоим сторонам Бескидов, а при отступлении фашистов через Карпаты, лемки массово вступали в ряды Красной Армии, участвовали в боях и гнали разом німцев аж до Берлина. Но але скоро послі побіды и освобождения отчизны от німецького фашизма, карпаторусины лемки знов потерпіли трагичну поразку от польского шовинизма.

В 1947 р. поверх сто тысяч лемков - русинов, то то автохтонне мирное племя было подступом спровоковане и незаконным актом польской влады, насильно изгнане из его прадідной и родной земли Лемковины и переселене на западні землі Польши.

Тепер лемки карпаторусины живут по світу розбиты, розсіяны и страчены, без своей родной земли и без своей родной Отчизны, за котру они страдали, отдавали свое життя и проливали свою руску кровь.

ИСТОРИЧНЫ СОБЫТИЯ И НАРОДНЫ ОЖИДАНИЯ.

Лемки, як и взагалі всі карпатороссы через долги століття не мали близької зв'язи з русским народом в России. Наша Карпатська Русь, т. е. Лемковина и Пряшевщина, Вост. Галичина и Закарпатська Русь, Буковина и другі землі, була розділена на часті в чуженародних державах, зато ми уж до царской России ніколи не належали.

Из того ясно, што наш народ в чужих державах не знав або не узнавал всей правды о том, што там в царской России за тот час творилося, бо зрештом и сам русско - український простий народ не признавал правды о собі. Тоды правду можна было только переживати и видіти ей на власні очі, но говорити, писати або читати о ней, было строго цензуром и законами запрещено.

Но помимо того всего, там была завсе наша велика Отчизна, и там была наша народна кровно исторична зв'язь. В давнину и наші предки в чужих державах, также переживали тяжку неволю, може не менше жестоку панщизну, а к тому также они переносили національний гнет и соціальны насильства, но наш карпаторусский народ переживал тоты тяжкі панщизняны часы, а при том он сохранил свою віру и свою старинно русску народну бесіду и культуру.

В карпаторусском народі сохранилася тверда віра и любов до всего русского народа, не взираючи на то, чи то была стара княжа, чи потом царска, або теперь Совітска Русь, то для карпаторусинов она была и буде завсе наша велика русска Отчизна. Карпаторусский народ твердо вірил и завсе ожидал, што даколи прийде из востока русский князь або царь и освободит свой русский народ из чуже народной неволі.

Дивно было зато нашему народу, коли в 1848 р. русскы войска переходили Карпатску Русь, через горы Карпаты на Угорщину, а потом знов через Карпаты вернулись в Россию. Люди зачудовано дивовалися, чом то царь не занял тоды всі наші русскы землі и не прилучил их с народом до русской державы?

Теперь нам уж відомо, што ище в часі французской революции, всі самовластны державны управители, цари, кайзеры и короли заключили "Союз" помагати собі взаимно против всяких бунтов и народных возстаній, против их самовольной власти. Из того нам теперь понятно, што тоды царскы войска ишли на помощь австро-угорскому королю Ф. Й. усмирят бунт Кошута на Уграх, а не собрать русскы землі воедино, або освободити наш русский народ в Карпатах.

Цари мали надость людской землі, а за простий народ они не дбали. Простий народ они уважали только за животну худобину, а гдетры из них смотріли на простых людей як на черваков, по котрых им можна было ходити або доптати ногами.

Гдеси скоро послі революции в России, русский писатель Илья Еренбург походил там по наших гористых землях Бескидов аж поза Карпаты, а потом сам здивований, он написал коротку, но интересну историю о Карпатской Руси и характеристику о жиющем там народі. Он там зазначил, што аж при царі Павлі в России дозналися, што там в Карпатах живет русский народ.

Коли то принято за правду, то из того можна бы судити, на

сколько то заотстали в науці и необнакомленны в истории о происхождению русского народа и його общественной культуры были цари и их управители дворяне и поміщики. Но а штоже тоды можна повісти о простом народі, закріпощенном в рабстві и темноті без просвіты и народного сознания, або темноті без просвіты и народного сознания, або даякой основной истории о происхождению русского народа.

И тот же сам бідный, в рабстві поневоленный и в невіжестві заотсталый, тот простый мужик - крестьянин хлібороб, не змог был сам он ніколи освободитися без помощи, от того вікового рабства и людского унижения, коли бы там в России не вышли из честной русской народной интеллигенции на помощь вперед, такы умны и честны люде, як: Новиков, Радищев и другы за ними послідователи, потом знов члены Общества Декабристы, а поза ними знов люде перенявши на себе тяжку борьбу за народну волю и свободу до людского счастья.

Зато и мы не можеме похвалити царске и дворянске правительство за даякий народный прогресс, бо все што они зробили для поширения державы або дворянства, то было только для укріплення своей державной власти, но не для добра або уліпшення життя простого народа.

* * *

Но поза границями старой державной або царской России народно найбільше пострадали карпатороссы лемжы в Австро-Венгрии за часы I. Світ. Войны в 1914-1917 р. Ище на самых початках войны и до часу русской революции, коли десятки тысяч самых передовых людей - патриотов, интеллигенции и вірных сынов русского народа были выгублены в Талергофі, Терезині и иных німецких таборах смерти.

От того потом в часі революции и послі розвала Австро-Венгрии, в розгарі народного освободительного движения Карпатска Русь, (Лемковина и Пряшевщина) уж до того розчлененна, розбита и ослабленна народно, пострадала головно из браку народного руководства, а к тому уж новы наци - украинцы самостийники саботажували и шкодили народному объединению, но а полякы и чехословакы знов своилися до нашей землі, и так они силом потом собі ей забрали.

Отже тоды як раз, тому из давна поруганному карпаторусскому народу потребна была помощь для його освобождения, но коли взяти под увагу повыше указаны причины тоды неслужных обстоятельств, то лемкам и не можна было надіятися на помощь, в час народного освобождения. Тоды в розгарі революции русский народ сам боролся за свое освобождение от царско-дворянской рабской неволи и кріпательства. До того треба было отбивати чужестранну интервенцию, но и вести домашню борьбу с буржуазіом, за свою народну справедливость, коли тымчасом скоро знов настала Світова Война.

Зато мы и не можеме упрекать весь русский народ в том, што не был нам на помочы в часі освобождения народов.

ПОВЕРХНИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

В календарі Л. С. на 1967 г. было поверховне изображение и короткий очерк историчных событий на Руси в перегляді устройства и розвою племенно народной культуры русской державы. Там было представлено, што в старинны часы Русь, яко народна держава начала поширяться от наших Карпатских гор на южный и сіверный восток, а

с тем движением народа и с часом многих столетий мшалася, змінялася и поширялася наша давно славянско-русска народна культура по своим природным характерным нравам. Так подобно змінялася и розвивалася и наша старославянско русска, т. е. наша карпаторусска бесіда из котрой в конці образовался и повстал великий обще-русский литературный язык.

Теперь нам відомо, што давно до часу татарских нападів на Русь, вся русска земля была свободна и принадлежала простому народу - земледільцу. Князьям не было дозволено навет привлащовати собі землю в своих княжествах.

Дальше мы дозналися, як тяжко русский народ страдал за пару сот літ в ярмі татарской неволи, но потом знов, як тяжко жилося русскому народу при московских царях и як то там заводилося постепенно кріпостне невольниче право на русской землі.

Отже, так як за остатны часы, мы много уж наслухалися всякой дурной клеветы и ненавистной вражой пропаганды против русского народа от тых новых украинских наци-ренегатов, што "москаль", то не русскы люди, бо то они монголы и финны, што тоты москальи заграили силом их Украину и як страшно тоты русскы москальи мучили и знущалися над их украинским народом, и т. п.

И так тоты украинскы наци-ренегаты завсе натравляют нас ненавистью до русского народа, учат нас своей выдуманной теории, и за-казуют лемкам признаватися до русского народа, што лемкы не москальи, але наци-украинцы. Отже так они перекручают факты, а фальшом закрывають правду историчных событий.

И так, штобы узнати правду, а усунути обман и ложь, треба коротко навести правдивы факты историчных событий. Правда ест, што мы лемкы не москальи, бо от нашей Карпатской Руси через Киев аж до Москвы, то огромне пространство русской земли. Но история говорит, што **"Карпаты, то была колыбель русского народа"**, и от Карпат поширялася русска земля до Киева, а потом аж до Москвы и до Владивостока.

Коли то давно наши предки, прадіды карпатороссов остались дома в Карпатах, то их родны и племенны братья пошли дальше на восток аж до Киева (теперь Украина) потом из Киева пошли знов дальше на сіверо-восток и дошли аж до Москвы, а потом там ище дальше и дальше так, што тота русска держава разпространилася так далеко, што по территории днесь она сама найбільша держава на світі. За ньом слідує Китай, потом Канада, а так Соединены Штаты Америки.

Зато нїт смысла спорити над тым, што мы не москальи, але на показаниях историчного процесса розвою народной культуры, мы также и не украинцы, але мы сме карпаторусины лемкы.

Дальше они, украинскы зрадники, морочат людям головы, што русскы (москальи) то финны и монголы, што они заграбили Украину и мучили украинский народ в кріпостской неволи.

Отже мы знаме из Истории Руси, што в часы татарских нападів на Киевску Русь, то многы люде убіжали в наши стороны аж до Карпат, но але саме велике большинство из них, т. е. малороссов, теперь украинцев, пошли дальше на сівер, разом со своими киевскими великими князьями. Там они осілися коло Москвы, и начали там княжити. Ма-

лороссы принесли уж там свою русску культуру из Киева и там с часом мирне племя финов злялося разом в той новой принесенной там русской культурі.

Значит, же тота велика и розвита на Киевской Руси народна культура и великий русский язык побідили и заляли финску культуру. И там на тых землях знов образовался и повстали новы великорусскы княжества с киевскими князьями во главі. Из того видно, што тоты русскы москальи, то потомкы давных малороссов-украинцев, а тоты самы московскы цари, были также потомкы тых давных великих князей, котры перенесли свою столицу из Киева до Москвы.

Отже тоты теперь московскы цари, послі извержения татарского ярма, сами заняли ханску власть самодержавного управления в свои руки, землю присвоили для себе и так постепенно закріпощали весь русский народ, т. е. крестьянство в своих московских княжествах, а так и по всей Малороссии, т. е. Україні.

А то означат, што тот русский москаль, крестьянин земледілец, ци мужик так само стогнал от кнута в московских княжествах, як и малороссы страдали на Україні под нагайками своих же панов атаманов и пр. залежало только от чувства и доброты, або от жестокости своих гнобителей.

Давно можна было в том обвиняти хибаль царей и их самовластне державне управление, неограниченной власти дворян и поміщиков, над простым закріпощеним мужиком або крестьянином. Но, якже то можна уж теперь упрекать с таком яром ненавистью зато весь русский народ (москальи) в жестокостях угнетения старой царской системы управления, теперь нїт ани жадного смысла ани словечка правды.

С другой стороны к тому треба зазначити, што название Украина то было слово на означение части наддніпрянской земли русской захваченой поляками, як своей колонии, но николи така назва не относилася до Галицкой або карпатской русской земли, а тым менше не до народа.

И як же то иронично, наивно и безобразно глупо виглядат, так фальшива ненавистна пропаганда из ярой ненависти до русского брата москаля, отказоватися або зміняти свою прадідну историчну назву Русь.

Карпатороссам лемкам нїт жадной причины ворогувати против русского народа, а тым менше нїт смысла, штобы отказуватися або зміняти свою национальну назву. Москальи для лемков не страшны, а название Русь або русский для лемков карпаторусинов ест дороговітне, благородне и благоприятне.

РУССКА РЕВОЛЮЦИЯ И ПЕРЕВОРОТ В ЕВРОПІ

Коли в 1917 р. в часі I Світовой Войны началась велика революция в России, тогды наступил также крах национальной и социальной политики и в других державах. Русска революция потрясла цілом Европом так сильно, што во многих державах повалены были из тронов долов, многы коронованы монархы и самовластны управители.

Из великих держав повстали, переобразовалися або возобновилися стары державны республики на лад стародавних своих национально - буржуазных принципов, як Польша, Чехословакия, Угры и другы.

Так подобно и в России на самых початках повстала народна буржуазна республика со временным правительством во главе Керенского.

Но в России в тот час была уж велика партия большевиков и они потрафили перебрати народ на свою сторону, так што скоро они потом знов зробили переворот (октябрска революция) и перебрали власть в свои руки. Тогда партия начала заводити новы законы и порядки на основі и принципах интернационального социализма.

Так началось народне житье по новой социальной системі, по наміченой платформі и планам народной господарки и розбудовы индустрии. Но при том ище долги роки треба было поборювати и свою домашну буржуазию, як и заграничну интервенцию. И в таких тяжких условиях житья, по новой науке и системі, при плановой народносоциальной економии, большевики зробили за короткий период часу великий и замічательный прогресс в переустройстві новой советской державы, покаль знов началась нова Отчизняна Война, от несподіваного нападу Гитлера на Советский Союз.

Но за весь тот час лемки карпаторусины были пригноблены в незавидном положении народного житья, старой буржуазно - панской системы национального и экономичного гнета, народно розділены границом в чуже национальных державах Польши и Чехословакии.

ДРУГА СВИТОВА, АБО ОТЧИЗНЯНА ВОЙНА

Тымчасом нагрязнула II Світ. Война. Германия задумала панувати над цілым світом, забрати всі народы и накрыти их своим німецьким фашизмом. Покоривши близко всю Европу, Гитлер несподівано напал на Советский Союз. Была то страшна и затыжна война, яка започинила великы страты и в людях и страшны знищення краю, а головно на Україні. Всі народы Світа. Союза сплочены во едином в идеи нового социального житья и наполнены духом патриотизма "За Родину", героическо сражались в боях и доблестно отбивали навалы вражых сил фашистской военной машины.

В той освободительной войні от німецького фашизма, всі карпаторусы были по стороні Советского Союза, и боролись за народну свободу. За часы той затыжливой войны карпаторусины партизанили по обоим сторонам Бескидов на Лемковині. А при отступі німцев через перевалы Карпат, лемки массово вступали в ряды Красной Армии и разом принимали участь в боях аж до окончательной победы.

И тут в Америкі и Канаді весь наш карпаторусский народ оказывал незмірну помощь, як морально, финансово и материально, так и при сборі одежи и других потребах для помощи русскому народу пострадавшему от войны.

Коли наконец, Германия была побіжденна и розбита, Красна Армия наступала и освобождала всі заняты фашистами державы. Коли уж Польша, Чехословакия и Угорщина были освобожденны, тогда у них по волі освобожденного народа, заведены были новы реформы и порядки на основах социализма, и в тотчас они, як независимы державы приключились до социалистического блока держав Советского Союза.

НЕСЧАСТНА ДОЛЯ КАРПАТОРУССКОГО НАРОДА

Неудачны угоды и неблагоприятны послідствия

Тут на місци заявити увагу, што на самом ділі, по правді и справедливости, як и по законам демократичной свободы, тот вірно заслу-

женный карпаторусский народ, послі многовѣчной неволи в чужих державах, должен был также мати право на свое народне объединение и получить свою автономну республику **Карпатску Русь**, подобно як достали украинцы, білоруссы и великоруссы. А в остаточном разі карпаторусины должны бы были объединены народно и включены разом до Советского Союза.

Отже теперь, коли то послі Отчизняной Войны и победы над німецьким фашизмом пришло знов до угоды и установления новых границ меже народами и по желанию народного самоопредѣления и народной свободы, як то гласят законы социалистических держав советской конституции, то карпаторусскому народу знов была устроена велика кривда и народне насильство. Ни лемкам-русинам в Польшѣ, ни руснакам на Пряшевщинѣ в Чехословакии не было дано ниякой можности голосования на свое народне самоопредѣление. Без всякой должной церемонии, часть Карпатской Руси — Пряшевщину залишено было при Чехословакии, а Лемковину — оставлено знов Польшѣ на поругание и на загладу народа лемков - русинов.

Скоро потому оказалось, што то была сама больша и головна ошыбка зо стороны Советского Союза в уступках розчленения нашей родной земли и передания, тогда поверх 800 тысяч русского народа як меншинства чуже национальным державам при новой их угодѣ. Оказалось, што угода не выйшла на пользу Світа. Союза, а только на ущерб и на шкоду всего карпаторусского народа.

Коли бы карпаторусский народ был тогда сплоченный воедино и оставался жити там на своей родной земли в сусідстві славянских держав, то при помощи новой советской науки, техники и новой системы житья тот лемко-русин, змог был там до теперь створити замічательный прогресс и небывалый добробыт на Бескидах.

На початках там в Світе. Союзі натискали дость сильно на программу интернационализации народностей, но очевидно наразі оказалось то ище не практично и не на часѣ, по причині отпора и сопротивления людского чувства, их народного сознания и патриотизма, и для того советскы управители попустили и уменьшили тот натиск на программу интернационала. Но тым самым чином они помогли и дозволили там, гдеяким затаенным наци-шовинистам на всякы их свавольны выбрыкы и насильства над народными меншинствами в социалистических державах, чого по законам их совет. конституции, не должны были допустити.

Им же самым особенно должно быти ясно, што где в державѣ ест национальный гнет и насильство, там не может быти ни социальной ани экономической правдивой свободы и ровности. Така политика вносит только вражду и ненависть, вред и шкоду для всіх держав советского блока.

Отже, тымчасом полякы (многы шовинисты тогда на урядах) схитрилися и задумали собі зараз створити "Монолитну Польшу", а штобы лемков-русинов на скоро вынародовити (ополытити) они придумали подступ для провокаций лемков о зрадѣ Польши. И так в 1947 р. на подставѣ незаконного акта, без обвиненія, без законного следствия або правосудия, значит так самовольно поспішили на скоро изгнати,

больше сотысячне автохтонне в Карпатах племя лемков-русинов, из их отвічної прадідной отчизны Лемковины на западны земли Польши.

Там лемкы теперь розчленены по несколько родин по всіх селах меже поляками, штобы там русины, без своей народной школы и русской культуры чимскорше вынародовылись. И к тому невіроятному событию трагедийного наси́льства над невинным и безборонным народом, полякы установили собі ище закон о запрещении массового повороту лемкам на свою родну землю, на свою отчизну.

Аж в 1957 р. полякы заявили публично, (но только так для ока и обольщения), што переселение лемков-русинов было по ошибкѣ незаконным актом, и што тым чином лемкам зроблена была несправедлива кривда. Но дальше в том ділі до сегодня ничего больше не сдѣлано, а навет тоты нелегалны их законы, о забороні поворота лемков на свою родину, ище по сей день остаются в силі закона, — **не змінені!**

И якже то неприятно, и иронично и безобразно выглядят теперь тот социалистична свобода для карпаторусского лемковского народа в Польші?

И так, Совітский Союз дал народну свободу всім, як полякам, чехословакам, уграм, украинцам и другим, дозволил им створити свои народны державы и розвивати свою национальну культуру, а только своему найменшому родному брату, коренно русскому народу карпаторуссам, такы же самы права национальной свободы, ему отказано, наси́льством отобрано и подавлено и законом запрещено.

А теперь, як мы зауважуем дальше, там створюются знов национальны державы коштом вынародовления народных меншинств, и творятся новы национально-социалистичны блоки, якы на будуще даколы знов могут або будут соперничати або враждувати между собом.

НАШЫ ПОГЛЯДЫ И ВОЗРАЖЕНИЯ.

Мы карпаторусины лемкы сознаем до чого то всьо должно идти, што там послѣ революции в России напрям совітской политики, як в смыслі науки национального понятия и сознания, так и народно-социального житья людей слѣдует по новой линии народного переобразования людей, сообразно новой идеологичной науки и системы народного общежития. Но покаль тот напрям дойдет до своей цілі, то по науки Ленина и принятых законов, каждый малый народец должен был мати полне право и свободу розвиватися культурно и своеобразно по нравам своего народного характера.

И коли то, послѣ насильного переселения лемков - русинов в Польші, мы тут долго стримувались от возражений и критики взглядом польского народного правительства, а к тому тут нас увѣрили и говорили, што там в партии ошибок не ділают. Так мы долго ожидали на гдѣякы правдивы вѣсти о важных причинах, на гдѣякы оправдания або исправления такой грубой ошибки. Тымчасом доходили до нас только неоправданы слухы, што то было только тымчасове переселение, покаль там выкроют и вынищат гнізда украинских наци-бандитов, недовитки гитлеровских войск, укывавшихся там в Карпатах.

Оказалось потом, што тоты украинскы нацистскы банды мали связи с польскими шовинистами на урядах, они разом творили провокации и саботажували польске народне правительство, а потом обви-

няли лояльных лемков-русинов. Зато потом лемкы, без слѣдства, без доказательства або правосудия мали быти выгнаны. Но то всьо творилось только для обмана, бо ничего потом ни доказов вины, ни оправданий и ничего в том ділі не было зроблено. Наконец лемкы поняли, што на самом ділі была то только польска свавольна политика для скорого вынародовления лемков - русинов в Польші.

Тогда выявилось нам, што не только просты люде в партии (часом укриты шовинисты - саботажники), но и самы головны управители совітской власти ділают не малы ошибки. И так перша и найбільша ошибка Совітского Союза оказалась зараз на початках при угодѣ в уступках, на розчленение земли Карпатской Руси и народа, розділено и залишено в чуже-народных державах, то была перша груба ошибка по угодѣ. Но друга ошибка совітского правительства, то уж саме грубе преступление законов совітской конституции о народной свободѣ, што они допустили там до такого безправного наси́льства над коренно русским невинным народом, а то изгнание цілого племени лемков - русинов из их родной отчизны, и то не ради даякого интернационала, а просто для вынародовления лемков.

Отже, такы уголовны преступления законов совіт. конституции мы лемкы яко народ пострадавший ни похвалити, ани терпіти не можеме, бо то было, ест и будет завсе наси́льством и подавлением воли карпаторусского народа, як и против науки и программы Ленина о народной свободѣ.

Не умістно же теперь упрекать царей або их самовластные державне управление, бо очевидно, што вина падат теперь на самовольное управление совітской власти, особенно на людей, котры допустили до такой трагедии народного подавления, но и на тых, котры виділи и знали о том, а занедбали на часѣ таку грубу ошибку в преступлении совітской конституции исправить.

И так коли потому мы зауважували там в Польші всякы наси́льства над нашим народом, то мы не могли обонятно терпіти такого безобразия, и тогда мы начали возражать и критиковати, головно, штобы звернути увагу совітской власти, што там у них в социалистичных державах до сегодня ище практикуется гнет и наси́льство наци-шовинизма.

Очевидно теперь, што такѣ грубе преступление законов совіт. конституции, як наси́льство над лемковским народом, безправного изгнания коренно русской народности, подавления его народной свободы и ганебного унижения чести и народного достоинства в социалистичной державѣ оправдати не можна. Жадны извинения за ошибки, якы на часѣ можна было исправить, ниякы хитры выдумкы, або недоказаны правосудием провокации, ни иншы неумістны придуманы для обмана извинения або оправдания, ани навет хоцбы тогда и найліпшы намірения польской влады, то подля законов народной свободы теперь оправдати не возможно.

Такѣ ганебне наси́льство подавления свободы и порабощения карпаторусинов лемков в социалистичной державѣ Польші, останется вѣчно черным пятном на страницах истории народов Совітского Союза, подобно як закрѣпощение крестьян осталось черным пятном в истории царской России.

Дальше мы сознаем также, што теперь там в Совіт. Союзѣ всі

граждане, а особенно молодые люди проходят народные и высшие школы, а в том и науку переобразования людей в понятие национального вопроса, как свободного человека. Из советских школ выходят теперь высоко образованы политичны руководители и ученые люди из народа, учителя, доктора, правники, инженеры и всякого рода технично и фахово вышколены и образованы люди, котры смотрят днесь на старый світ по своим новым выображениям, як на людске народне житье, так взагалі и на світову международну политику.

А мы знов старшы люде смотриме на тото наше людске або народне житье по нашим давным понятиям, по старому воззрінію нашей народной науки и сознательности. Не дивно зато, што многы из наших старших людей не выображают собі ище такой огромной перемены людского общественно-народного житья, по новой социалистичной системі. Зато и нова советска политика здається нам неясна, часом не по нашим нравам, або часом и цілком непонятна.

Но то само, што наши понятия, або воззрінія общественного строю житья и новой политики немного расходятся, то в самом ділі не означат ище, што мы цілком неправильны в наших народных поглядах, бо по законам, мы всі люди равны и свободны.

И карпаторусины лемки яко народ маюť полне право по всім демократичным законам писаным або неписаным, яко народ насильно подавленный, поневолено розчлененный и по частям залишенный в чуже национальных державах Польши и Чехословакии для его денационализации, — то самопонятно, што его народным, честным и моральным обовязком есть стануť солидарно на защиту в обороні от своей народной загибели.

Отже зато лемкам русинам прислугует право не только на возражения, честну и конструктивну критику за свою правду, но по желанію лемки могли бы также внести свою жалобу и скаргу на вытворену лемкам незаконну народну кривду, до найвысшого международного суда ООН, и там домагатися своей народной правды и справедливого рішення судьбы для всего карпаторусского народа.

Так приказует нам наше людске чувство и народна совість, наш разум и сознание патриотизма и любви до нашей ближайшей родины и отчизны Лемковины и в загалі всей Карпатской Руси.

Теперь мы карпаторуссы споглядаме на тоты світовы перемены и события поверховно, безсторонно и безучастно, а тымчасом мы старамеся познати ближе тот новый світ и их там советску народну политику. Правда, мы тишимеся их прогрессом и народными успіхами и для того мы симпатизуеме и помагаме также в движению, поширению мира во світі.

Мы зознаеме небезпеку и зато уважаеме, што всякы людскы незгоды, або вражды между народами должны лагодитися по справедливости, добровольно, дружелюбно и мирно в згоді, а не войнами, які руйнуюť и нищат народны краины и добробыт, а людям приносят горе, біду и несчастье.

И так мы старамеся во всім помагати, но але самым собі мы на чужині, ани нашому народу там в краю, особенно тым на выгнанию, мы много помочи не можеме, бо як говорит русска народна пословица, што: "Против течения воды (горі водом), далеко не поплывеши". Но о том ище будет спомнено пониже.

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕМЫНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

История, то рекордовы записки перемены и прогресса житья в природі, т. е. из перемены самой природы. в том животных существ, из житья людства, народов, держав и т. п.

Природа, то вічний процесс перемены и переустройства до усовершенствования своего власного природного свойства. И так природа вічно перетворюється и прогрессирует завсе вперед. Таке право живой природы относится также до людей, бо так як человек переживает свои фазы и перемены людского житья в природі, так и каждый народ в своей державі переходит всякы фазы перемены и своего культурного розвою. для достижения або усовершенствования своей системы народного житья. И подобно, як в самой природі часом случаются невыяснимы чудовища, так и в житью народов або держав заходят часом гдеякы ошибочны неудачи або неожиданны послідствия, тогды дочасно затримується дальший прогресс для исправления ошибки, або для перемены новой формы в напрямі своей дальней народной судьбы.

Значит, што равномерно с течением часу, и залежно от часу, місця, отдаления и природных обстоятельств, все на світі измїняется, або перетворюет свою форму, своим природным процессом, и завсе прямует относительно до своеобразного усовершенствования. И подобно так, творилося все народне житье, за весь период истории, от самых початков основания древнерусской народной и державной Руси.

Отже тепер, коли мы сопоставиме коротко такы периодичны перемены событий своего часу, то нам представится загалне изображение той первоначальной державной Руси, и в переображении ей на обще народну, социальну нову советско-русску державну Русь.

ПОВЕРХОВНО-КОРОТКЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ СОБЫТИЙ

Подобно тому, як на початках нашей русской истории началось передвижение народа от наших Карпат, т. е. от Запада на Восток, поширялася русска земля и возрастала народна колонизация што раз дальше и дальше, и с течением столітий часу равномерно и постепенно с тым розвивалася, измїнялася и поширялася вся русска народна культура и вообще русский язык, аж до часов великой революции и переворота в России.

Революция, то ест в роді як житейска буря в природі, подобна до вихровой заверухы або урагана, што бурит дома, выдерат дерева с коренями из земли и нищит, палит або заливает и перевертат все, што на заваді по ей дорогі — так подобно и русска революция розвалила стару систему житья и уничтожила давны стары царскы порядки, а на місце старых завела новы законы и порядки, нову систему людского житья в России, на новых засадах и принципах советской социалистичной науки.

И так с часом, за послідны десятки літ, там на Востоку вытворилася и выросла нова народна советска культура и система людского житья.

Отже тота нова система житья, культурного прогресса и народной творческой силы при помощи науки, техники и планомірного господарства, розвилася и выросла до незмірно великой силы своего народного и державного могущества.

И теперь знов подобно, як на початках истории русска народна культура поширялася от Запада на Восток, так теперь нова розвита и переображенна, совітско-русска народна культура отбилася от берегов и повернула свой напрям от Востока на Запад.

Як бы от взрыва и выбуха той своей незмірно огромной творческой силы и своего державного могущества, як бы от громов молнии в природі, там от востока, от Москвы, Ленинграда, от Сибири, Урала и Кавказа отбилися великы морскы волны (фалі) и повертают на запад, заливаючи постепенно всю давну русску землю. Так она, тотта нова могуча совітска народна культура теперь повертат назад и заливает Украину, потом нашу старинну (Червону) теперь Карпатску Русь, а за тым с часом она залиет и всі старославянскы земли, народы и державы, свяваны разом в Совітском Союзи, но и так далше...

Так по нашым взглядам и понятию представляется теперь правда о Совітском Союзи, а фактом тых показаний могут послужити великы достижения науки, техники, розвою индустрии и господарки и в загалі культуры Совітского Союза, 50-ый годовщины Октябрьской Революции.

Очевидно ясно, што против такого прогресса новой совітско-русской народной культуры, оператися невозможно и безмысленно.

Но зато, покаль оно дойдет до большой перемены и осягнення их наміренной цілі, то нам непременно предстоит соблюдать и сохранять нашу народну карпаторусску культуру.

КАРПАТОРУССКА НАРОДНА КУЛЬТУРА

В далеку давнину, там в западных Карпатах по обоим склонам на Бескидах с давних часов проживало старорусске племя, от котрого потомкы сохранилися аж до днешних часов, теперь они названы лемками-русинами. И того племя лемкы карпаторусины розвивали далше свою старинну славянско-русску культуру, но при том они сохранили и затримали свою оригинально славянско-русску (лемковску) народну бесіду, свою отрубно-характеристичну ношу и строй и отмінны старославянскы звичаи и обычаи.

Там лемкы русины управляли свою землю и занималися головно скотоводством и полюванием. Они там в горах будували свои села, школы и характеристично своего рода церкви, якы отличалися и своим зовнішним видом, так и в нутрі своим живописным малюванием икон и всякой артистично выконанной утвари, деревяной різбы и прочих выробов.

Несомнінно теперь, о лемках карпаторусинах знают не только близкы сусідны славянскы народности, бо о Лемковском народі и их развитых талантах и их своеобразной характеристичной народной культурі дозналися теперь и в Москві, знают о лемках-русинах в Києві, во Львові и по цілом Совітском Союзи.

Отже, безвзглядно на то, што наша краина, наша отчизна Лемковина тымчасово пострадала, и теперь она опущенна и занедбана, но земля ест там где была, и наш народ жиет по світу культурно. Зато лемкы-карпаторусины не должны упадати духом и тратити надію, же то всьо для нас пропало. Ніт, бо ище много ничего народно для нас не пропало.

Нам треба собі ясно выобразити, што для переобразования всіх

народностей в идеи общественного строю житья, заберат ище много поколіний часу, и покаль оно дойдет до наміченной цілі, т. е. до международного сообщения всіх народных культур воедино, то тымчасом вся наша добра народна культура буде верхувати, а всьо што ест лихе и нездале буде измінятися або пропадати, зато, треба нам головно свою народну культуру сохранить.

Там всі давны народны события на Руси останутся записаны в историчных архивах, а всі старинны памятники будут вічно жити и пригадуватися в народных преданиях и музеях, на многы будущи поколіния людской и народной истории.

Отже и карпаторусска народна культура лемков не порпаде в той международной заверухі и новой Совітской народной культурі. Она буде вічно жыва в народі, бо там на землях Лемковины и Пряшевщины, по обоих сторонах Бескидов, як в загалі по всей давно Галицко-Карпатской Руси ест множество историчных памятников, народно-церковной архитектуры и всякой иной артистичной изобрітенной культуры, котра буде завсе напминати на историчны события, давно-старинной, княжеской Галицкой Руси.

Длятого важно, штобы лемкы-русины сосредоточили всі свои силы и сплотилися воедино народно, штобы в солидарности могли успешно сохранять свою обще народну культуру, як памятники своих народных историчных событий, так и старинной, церковной архитектуры, живописных икон и всякой цінной и достопамятной утвари.

Лемкы - карпаторусины там в чужих державах должны доглядати за тым, штобы народным врагам не дозволяти знищити народны свои характерно збудованы церкви, не дозволяти им выкрадати и забирати из них всякы дороговітны живописны иконы и архитектурны историчны памятны річы, а тым самым и не дозволяти врагам на унижение чести и народного достоинства своего лемковского народа.

Отже, лемкы сами должны досмотріти того, штобы непременно сохранить свою характеристичну культуру, штобы вся тотта наша карпаторусска народна культура войшла даколи в склад и состав, той новой народной совітско-русской культуры.

НАША НАРОДНА КУЛЬТУРА НА ЧУЖИНІ

И на чужині, в Соединенных Штатах и Канаді лемкы-карпаторусины створили также свою народну и богату культуру. Набудовали они множество русских церквей и школ, позакладали при них свои запомоговы братства, сполкы и великы общества, а по тым них созданы многы народны дома и всякы социальны и политичны клубы и культурны центры.

Тут головно представлена будет коротко только частина, або одна фаза из житья карпаторусинов-лемков, сгруппированных при народной организации Лемко-Союза.

Отже у лемков ест своя народна культурно-просвітительна организация Лемко-Союз, для общего объединения карпаторусского народа. За орган Лемко-Союза служит народна газета "Карпатска Русь", там ест своя народна печатня, где издається газет, календари, и всяка культурно-просвітительна литература, на своим лемко-карпаторусском наречію.

Карпаторусины-лемки имеют свою народную великую и красивую заботу КРАЦентер (Карпаторусский Американский Центр), який служит для народно и социально деловых (бизнесовых) и для культурно-просветительных народных целей.

К тому у карпаторусинов есть народная земля Лемко Резорт, куплена на участках шергогдеров, как народное прибежище для отпочинка, народных предприятий, и вразгалі как народное и социальное деловое заведение. Лемко Резорт Парк, то самое прекрасное и удобное место, как бы в Карпатах пожеме горами, и там теперь построенный памятник народной трагедии Талергофа.

При том у лемков-карпаторусинов есть чартерована благотворительная народная организация Лемковского Релифа, для несения помощи нуждающимся соотечественникам в чужих державах.

До всего того, подходят еще и принадлежат всякие меньшие народные группы, как комитет постройки Талергофского памятника, комитет по изданию исторично документального, характеристично народного карпаторусского фильма "Лемковские весіля", но и многие иные для народно-культурных предприятий комитеты.

Вся та культура створена карпаторусским народом, то не только наше народное богатство, то наше честное достижение народной культуры и то есть достоинство всего нашего карпаторусского народа.

Отже теперь и тут на чужине важно есть самоперше, чтобы все наши общие народные институты и заведения, свою народную культуру и все наши народные достижения сохранять, розвивати, поширати и хранить их так, чтобы они без призора не пропадали, або не попадали во вражи чужие руки.

Для того на первом месте, для общего народного дела стоит печатное слово, т. е. своя печать, народная газета и литература, без которой наша организация не может существовать. Без народной газеты, никак общее народное, культурно-просветительное дело, розвой або прогресс народный есть невозможный.

Отже, сильно важно есть, чтобы народную печать и газету належито забезпечити так, чтобы она непрестанно и завсе могла служить своему народу и народному делу на будущее.

Потому Народная Организация Лемко-Союз является самым главным и активным чинником и двигателем нашего карпаторусского народного движения и прогресса. Значит, мы все члены Л. С. должны сосредоточить нашу увагу, все наши усилия и ужити все возможных заходов, чтобы образумити малосознательных народных людей и притянуть большинство карпаторусского народа до его народной организации Лемко-Союза, а головное всех народное идеальное и влиятельное передовое людей, как из Лемковины (Польшы) так с Пряшевщины (Чехословакия).

Тогда вытворится больше массовая народная карпаторусская организация, яка буде иметь великое народное значение, котре буде иметь большую силу и политический влиив и на нашу народную карпаторусскую справу.

Дальше следует КРАЦентер великая народная забота. как народно-деловая (бизнесовая) институт, для подпоры и помощи культурно-просветительного розвою и поднесения карпаторусского народа. Отже,

КРАЦентер должен иметь завсе солидарно-кооперативную поддержку, от всего сознательного карпаторусского народа.

Поэтом есть еще народное имущество (земля-парк) Лемко Резорт, Корпорация, как народно-социальное деловое заведение. Лемко Резорт Парк, есть то знатная народная институт, котре карпаторусский народ должен достоверно сознати и активно дружелюбно и солидно поддерживать.

СОЛИДАРНОСТЬ, ТО НАРОДНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА, И СИМВОЛ НАШЕГО НАРОДНОГО СОКРОВИЩА

Там в Лемко Резорт Парку красуется теперь памятник Талергофа, построенный в достойную честь и вечную память погибших мучеников и стражданий карпаторусского народа в таборе смерти, того злопамятного Талергофа, Терезина и прочих таборов, где они отдали свою жизнь, за свою честь и народные идеалы, за свою русскую веру и народные убеждения во единство всего русского народа.

Памятник тот был построенный комитетом талергоза, на добровольные жертвы от лемко-карпаторусского народа.

Тут на месте замечать, что в наслідок выгубления тысячевых самых передовых идеальных народных патриотов, то сама та народная трагедия Талергоза, отразилась потом и доложила также свою долю, в той теперь несчастной судьбе лемковского народа, а то в самом часе народного освободительного движения в 1918 року.

Отже, самый памятник Талергофа, то прекрасная архитектурная структура, в роде приспомятной каплички, с алтарным престолом в середине, а с баньом и три-раменным крестом наверху.

В подвале на сподку того памятника заведена библиотека карпаторусской истории и культуры. Там хранится архив с документами истории того злопамятного Талергофа, рекорды имен (по возможности знаных) мучеников и страдальцев в Талергофе, а также и рекорды всех благодетелей и жертвователей на сооружение того памятника.

А при том заведено там невеликий музей карпаторусской характеристично народной культуры и ручных артистических вырбов и талантов нашего лемковского народа.

И так, тот знатный памятник Талергофа в Лемко Парку, то самое важное и головное притяжение народной массы людей. Тот памятник интересный не только своим строением архитектуры, но и своим научным и культурным заведением. Он притягивает до себя не лем наш народ, але также и чужие люди. Отже, тот сам памятник имеет влиив и важное историчное значение, бо он представляет и саму народную трагедию историчного события, нашу историю, как вообще наши народные культурные достижения всего карпаторусского народа.

Зато важно будет теперь еще на часе досмотрити за тем, чтобы тот историчный и достойный памятник Талергофа забезпечити на будущность. Значит, организация Лемко-Союз и Корп. Лемко Резорт, должны составить легальный документ по угоді и зарегистрировать законно в реальном имуществе Лемко Резорт, Инк., чтобы на всякий случай, во вечные часы забезпечити вольный доступ и свободную дорогу до памятника Талергофа. Такой легальный документ должен быть зроб-

ленный зараз-теперь, покаль живы ище мы и многы страдальцы зло-памятного Талергофа.

При том памятнику потребно створити даякий фонд, для дозора и утримания памятника завсе в належитом порядку и уважению, а также для указания достовірной информации о самом Талергофі, як и познания историчной правды карпаторусского народа.

Никто из нас не в стані предсказати на далеко будущности и никто не может знати, як долго наш карпаторусский народ будет продолжаться своим народным и русским духонвым житьем, бо и тут наш народ памалы ассимилюется в чужой англо-американской культурі. Но покаль в карпаторусском народі будет жити русский дух, так и наш народный маеток, и ЛемкоРезорт Парк буде обеспеченный народом.

Отже як для карпаторусско-лемковского народа важно ест теперь на часі досмотріти и постояти за тым, штобы за всяку ціну обеспечить и сохранять свою достойну народну культуру, там на землях Карпатской Руси, штобы даколи наша народна культура войшла в историю народов совітско-русской новой культуры.

Так и тут на чужині в нашей прибранной отчизні лемкы-карпатороссы должны жити дальше своим народным русским духом, творити и розвивати народну культуру по при своих народных организациях, для достижения высшего народного уровня и належитого признания честного достоинства карпаторусского народа.

А тот наш на чужині построенный помятник Талергофа в Лемко Парку, на всякий случай на будуще забезпеченный будет завсе напоминати людьям и освіщати страшну народну трагедию в Талергофі, як першого в світі людской истории такого табора смерти, для массового вынищования народностей, о страданиях и замученных там лемков-карпаторусинов, за их народны идеалы, за русску віру, честь и любов до своего народа, за свою народну правду и віру во единство всего русского народа.

И тот памятник, подобно, як Статуи Свободы на многы поколения, покаль только будет жити русский дух в нашем народі, он будет завсе освіщати правду, защищати народну честь и его культурны достижения и достоинство всего карпаторусского народа.

Тот памятник, як источник світла историчной правды будет освітляти и открывать ложь на всякы несправедливы и провокативны интриги взглядом нашего віками поруганного народа, а за нами свідком правдивых событий тых часов останется наша народна история.

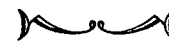
Памятник Талергофа останется навікы в истории людства, як символ нашей русской народной віры и символ дорогоценного сокровища нашего карпаторусского-лемковского народа.

WHERE EVERY MEAL IS A PLEASANT MEMORY

Jay's Restaurant & Bar

John Adamiak

CATERING TO ALL AFFAIRS

С Праздником Рождества Христова и Новым Годом шлеме сердечный привіт и наилучшы пожелания всім читателям "Карпатской Руси", членам Л. С., краянам с обох сторон Карпат и всім нашим костумерам.

ИВАН и ЮЛИЯ АДАМЯК.

(Cor. North 9th Street).

145 Bedford Avenue

Brooklyn 11, N. Y.